

СЬЮЗЕН КОЛЛИНЗ

ГРЕГОР И КОД КОГТЯ

НОВАЯ КНИГА ОТ АВТОРА «ГОЛОДНЫХ ИГР»

Annotation

Знаменитая американская писательница Сьюзен Коллинз, автор «Голодных игр», написала цикл об удивительных приключениях Грегора Наземного, создав атмосферный и очень запоминающийся мир.

Жители Подземья тщательно оберегали Грегора от последнего «пророчества Времени»: слишком страшные события оно сулит. Но сейчас, когда под стенами Регалии собирается крысиная армия, когда друзья и близкие в опасности, Грегор должен забыть о себе и вновь стать Воином. Существование целого мира в его руках, а времени остается все меньше. Ему предстоит выяснить, что такое таинственный код, кто такая новая принцесса Подземья, совладать с темной стороной своей природы и покончить со всеми войнами — вступив для этого в самую жестокую из всех войн...

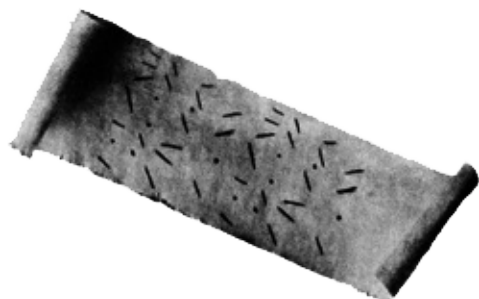
- [Сьюзен Коллинз](#)
  - [ЧАСТЬ 1](#)
    -
    - [ГЛАВА 1](#)
    - [ГЛАВА 2](#)
    - [ГЛАВА 3](#)
    - [ГЛАВА 4](#)
    - [ГЛАВА 5](#)
    - [ГЛАВА 6](#)
    - [ГЛАВА 7](#)
    - [ГЛАВА 8](#)
    - [ГЛАВА 9](#)
  - [ЧАСТЬ 2](#)
    -
    - [ГЛАВА 10](#)
    - [ГЛАВА 11](#)
    - [ГЛАВА 12](#)
    - [ГЛАВА 13](#)
    - [ГЛАВА 14](#)
    - [ГЛАВА 15](#)
    - [ГЛАВА 16](#)
    - [ГЛАВА 17](#)

- [ГЛАВА 18](#)
  - [ЧАСТЬ 3](#)
    -
    - [ГЛАВА 19](#)
    - [ГЛАВА 20](#)
    - [ГЛАВА 21](#)
    - [ГЛАВА 22](#)
    - [ГЛАВА 23](#)
    - [ГЛАВА 24](#)
    - [ГЛАВА 25](#)
    - [ГЛАВА 26](#)
    - [ГЛАВА 27](#)
-

Сьюзен Коллинз
ГРЕГОР И КОД КОГТЯ

ЧАСТЬ 1

Код

ГЛАВА 1

Лежа на полу и чувствуя спиной холод камня, Грегор упирался взглядом в буквы на потолке. Глаза у него все еще слезились от вулканического пепла, который к тому же глубоко въелся в кожу. Легкие тоже были забиты этой дрянью, и сердце билось слишком быстро — трудно было дышать.

Чтобы хоть немножко успокоиться, он положил ладони на рукоять своего вновь обретенного меча.

Грегор забрал меч из музея — и сразу отправился сюда, в эту комнату. Каждый дюйм поверхности — на полу, стенах и потолке — был испещрен пророчествами, которые касались Подземья, этого мрачного и опасного мира, спрятавшегося глубоко под Нью-Йорком с давних времен. Бартоломью Сандвич — основатель города Регалии — составил эти пророчества сотни лет назад. Большинство из них касались регалианцев и их жизни, но были среди них и такие, в которых упоминались другие существа, населявшие Подземье: летучие мыши, тараканы, пауки, морские чудовища, обычные мыши, но чаще всего — крысы.

И еще в них упоминался он, Грегор. Во всяком случае в нескольких из них. Только в пророчествах он именовался Воином.

Грегор не взял с собой никого — он хотел быть один в тот момент, когда впервые прочтет пророчество. Все так упорно скрывали и замалчивали его содержание в течение нескольких месяцев, что он давно догадался: ничего хорошего там не написано. И потому хотел иметь возможность не скрывать ни от кого своей реакции: плакать, если захочется плакать, или кричать, если вдруг вздумается кричать.

Но все получилось иначе — удивительно, но он почти ничего не почувствовал.

— Ты должен это понять. Ты должен понять истинный смысл, — сказал он самому себе, упорно глядя на вырезанные в камне буквы.

Он снова и снова перечитывал пророчество — и словно бы слышал, как тикают, отсчитывая время, часы.

Ну да, все верно, это ведь было «Пророчество Времени».

Тик-тик-тик-тик-тик-тик-тик,
Так-так-так-так-так-так-так.

В Подземье объявлена будет большая война.
Расставит все точки, решит все вопросы она.
И если не найден будет таинственный код —
Погибнут все. Всех конец неминуемый ждет.

Время идет, и идет, и идет,
Время вперед, и вперед, и вперед...

Воину дай оружие — грозный мой меч.
Пусть, не жалея сил, рубит головы с плеч.
Снова даст знать о себе позабытый народ.
Нужно скорей разгадать таинственный код.

Время замрет, время замрет,
На месте замрет, замрет, замрет.

Слушай каждое слово принцессы, она
Ключиком стать от замка однажды должна.
Только принцесса к загадке разгадку найдет,
Только она расшифрует таинственный код.

Время вспять пойдет, не вперед,
Обратно пойдет, пойдет и пойдет.

Когда фонтаном кровь монстра забьет,
Когда Воин, запачкав кровью ладони, умрет,
Изменить навсегда и для всех можно времени ход —
Разгадай Код Когтя, мира таинственный код.

Тиканье стихло, едва он закончил читать.
Грегор уперся взглядом в строчку, которая теперь стучала у него в
голове, словно кувалда:

Когда Воин... умрет...

Вот оно. То, о чем никто не хотел ему говорить.
Даже Живоглот — просто удивительно: после стольких лет вражды
между крысами и людьми этот крыс пытался пощадить его, Грегора,

чувства.

Когда Воин... умрет...

И Люкса. Ей двенадцать, но она кажется гораздо старше, ведь она королева, у нее умерли родители, и много чего еще произошло. Что она такое говорила на краю утеса несколько часов назад? «Если решишь вернуться домой, когда прочтешь пророчество, я не буду тебя удерживать и осуждать»?

«Неужели это правда, Люкса?! — подумал Грегор. — Ты не станешь меня удерживать? Не станешь... и это означает, что ты никогда меня не простишь!»

Когда Воин... умрет...

Грегор, конечно, мог отправиться домой. Собрать вещички, взять трехлетнюю сестренку, забрать маму из больницы, где она восстанавливалась после чумы, и попросить Ареса, свою летучую мышь, отнести всех в прачечную в подвале дома в Нью-Йорке. Ареса, побратима Грегора, который столько раз спасал ему жизнь и в жизни которого с момента встречи с Грегором все пошло кувырком.

Грегор вообразил себе эту сцену: «Ну что ж, Арес, все было здорово, но теперь я отправляюсь домой. Конечно, я понимаю, что своим уходом обрекаю на гибель всех, кто мне тут, внизу, помогал, но я не в силах и дальше участвовать в этих бесконечных военных кампаниях. Так что — высокого тебе полета, знаешь ли...»

Даже представить себе такое невозможно.

Когда Воин... умрет...

Все это казалось каким-то странным. Нереальным. Может потому, что Грегор уж очень устал — он не спал несколько дней, просто не мог спать. С того самого момента, как стал свидетелем массового убийства мышей — хладнокровного, расчетливого убийства, совершенного крысами в колодце у подножия вулкана в Огненной земле. Правда, он некоторое время провалился без сознания, надышавшись ядовитых испарений от проснувшегося вулкана и упав с летучей мыши на камни. Или это следует считать сном? Может быть. Хотя — не так уж долго он пробыл без сознания, а когда пришел в себя, поплелся, почти ничего не различая в чаду

и вулканической пыли, искать своих друзей. И не успел даже толком обрадоваться, когда наконец нашел их, узнав, что Талия, такая славная и такая юная летучая мышь, которая отправилась с ними в эту опасную экспедицию скорее по ошибке... — что Талия смертельно отравилась вулканическим газом, когда пыталась облететь вулкан. Газард, семилетний кузен Люксы, собирался породниться с Талией, и весть о ее смерти вызвала у него такую глубокую скорбь, что им пришлось дать ему успокоительное. Потом, когда они уже выбрались на свежий воздух и сделали привал на высоком утесе недалеко от джунглей, Грегор вызвался дежурить, пока остальные пытались спать. И по пути домой, лежа на спине Ареса, между спящими Босоножкой и Газардом, их другом тараканом Темпом и тяжело раненным зубастиком Картиком, он опять не мог спать.

Поэтому, наверное, он был сейчас как замороженный.

Когда Воин... умрет...

И не мог испытывать совсем никаких эмоций.

«Да что со мной такое?! — подумал он. — Может, я тупой? Или урод?»

Конечно, он не был ни тупым, ни уродом. Но после всего, что уже произошло, он не в силах был впустить в себя эту мысль — мысль о собственной смерти, скорой и неизбежной.

«Наверно, я почувствую что-нибудь позже. Возможно, через несколько дней. Если, конечно, доживу...»

Каким бы ужасным ни было пророчество, согласно ему, по крайней мере, мама и Босоножка должны были выбраться из Подземья живыми. Хотя Босоножке, которую называли принцессой ее друзья гигантские тараканы, отводилась в разгадке Кода Когтя заглавная роль, но зато в пророчестве не говорилось, что она или кто-то еще тоже должен умереть. Кто-то еще, кроме Грегора.

Хотя... стоп! — вообще-то говорилось.

Когда фонтаном кровь монстра забьет.

После всего, что он увидел за последние несколько дней, Грегор не сомневался, что монстр — это Мортос. Маленький белый крысеныш, которого Грегор спас от смерти, вырос и превратился в жестокого диктатора, исполненного ненависти ко всему и вся и совершенно обезумевшего от этой ненависти. Теперь уже не имело значения, каким

милым и беспомощным он казался в детстве, — сегодня он без колебаний приказал отравить газом зубастиков, и уже никто не мог бы сказать, на что еще он способен. Его нужно остановить, во что бы то ни стало. В Наземье таких судят и приговаривают к пожизненному заключению или что-то вроде того. Однако здесь, в Подземье, это не принято. Здесь может быть одно-единственное решение: он должен умереть.

«Ну что ж, надо с чего-то начать, — подумал Грегор. — Как минимум — хотя бы подкрепиться».

Вскоре здесь будет армия крыс — они с Аресом пролетали над ними по пути в Регалию. И Грегор хотел быть готовым к встрече. Он знал, что придется драться. Но почему-то не мог сдвинуться с места и все лежал на каменном полу, словно врос в этот камень и стал его частью. Он вдруг вспомнил, как в Нью-Йорке ходил на экскурсию в монастырь, где располагался теперь музей Средневековья. Там среди всего прочего были каменные надгробия с изображениями усопших, выполненными в полный рост. На одном из таких надгробий был мужчина — видимо, рыцарь, который обеими руками крепко держал рукоять меча. Тот человек лежал там, на своем надгробии, в той же самой позе, как сейчас Грегор.

«Это я, — подумал Грегор. — Это был я. Я превратился в камень, и я уже почти что мертв».

Не случайно Сандвичу пришлось в голову разместить «Пророчество Времени» именно на потолке — Грегору пришлось лечь на пол, чтобы его прочитать. Не случайно меч в руках Грегора, когда-то принадлежавший Сандвичу, оказался у него под руками.

Да, все это не случайно. И ужасно.

Входная дверь беззвучно отворилась, и послышались шаги:

— Грегор! Ты где? Ты как? — позвал Викус.

Голос Викуса звучал так же устало и изнуренно, как чувствовал себя Грегор — видимо, старик тоже не спал все это время, ведь будучи главой регалианского Совета, Викус работал день и ночь. Его жена, Соловет, до недавнего времени командовавшая армией Регалии, теперь должна была предстать перед судом за участие в создании смертоносного оружия — вируса чумы. А Люкса, его внука, сейчас находилась в Огненной земле, где ей угрожала смертельная опасность.

Да, Викусу было не до отдыха.

— Я? Да я в полном порядке! — с готовностью отозвался Грегор. — Лучше некуда.

— Что... что ты думаешь о «Пророчестве Времени»? — спросил Викус.

— Оно весьма... захватывающе, — ответил Грегор, с трудом поднимаясь на ноги, — он сильно ушиб колено в последнем походе.

— Хочу напомнить тебе, как легко ошибиться, трактуя пророчества Сандвича, — осторожно сказал Викус.

Грегор вытянул меч из ножен и провел лезвием по той строчке на потолке, в которой говорилось о его смерти:

— Вы об этом? Вы думаете, эти слова можно как-то иначе истолковать?

Викус поколебался и ответил:

— Я этого не исключаю.

— Ну, для меня все предельно ясно, — отрезал Грегор.

— Поверь мне, Грегор... если бы я только мог что-то сделать... Хоть что-то изменить... — Глаза Викуса наполнились слезами. — Я бы сделал это не задумываясь.

Грегору стало жаль старика — жизнь была к нему не слишком ласковой.

— Послушайте, я уже раз пятьдесят мог умереть здесь, в Подземье. Это просто чудо, что я так долго протянул.

Если Викус так расстроен — что же будет с семьей Грегора? Как они отреагируют на его гибель? Об этом Грегору думать не хотелось.

— Только, прошу, не говорите маме. И папе. Вообще никому из членов моей семьи. Хорошо?

Викус кивнул.

Когда Грегор убирал меч в ножны, Викус протянул руку, желая коснуться меча. И вдруг неожиданно для самого себя Грегор резким движением отодвинул меч от Викуса.

— Это мой меч. Вы сами мне его вручили, — довольно грубо сказал он.

Быстро же он привык к оружию, не только привык — сроднился с ним!

Удивленный Викус извиняющимся тоном произнес:

— Я не собирался забирать его у тебя, Грегор. Только ты имеешь право владеть этим мечом. — Но все же он вновь протянул руку и слегка повернул рукоять меча. — Я только боюсь, что держа его так, ты можешь пораниться.

— Спасибо за заботу, — буркнул Грегор. — Что ж, мне бы как-нибудь избавиться от этой дряни, которой я покрыт, как панцирем.

Он уже умылся на источнике, но вулканическая пыль по-прежнему покрывала его с ног до головы. Казалось, она намертво въелась в его кожу.

— Отправляйся в больницу, там тебе помогут в этом справиться, — посоветовал Викус.

Грегор был уже у самых дверей, когда Викус его остановил:

— Грегор! Ты демонстрируешь удивительную способность и готовность убивать. А ведь еще год назад ты отказывался даже пальцем дотронуться до меча. Я хочу, чтобы ты помнил: даже на войне есть место выбору. Даже на войне бывают моменты, когда лучше убрать меч в ножны и не давать ему хода, — сказал старик. — Надеюсь, ты запомнишь мои слова.

— Я не знаю, — устало ответил Грегор. Он был слишком измучен, чтобы давать обещания. Тем более что, начав драться, он, как правило, теряет контроль над собой. — Я не знаю, Викус. Не знаю, что и как я буду делать. — Чувствуя, что его слова прозвучали довольно грубо, он кивнул: — Но я постараюсь, — и во избежание продолжения разговора поспешно вышел из комнаты.

В больничном крыле его немедленно поместили в какую-то трубу, наполненную булькающим отваром лечебных трав, которая смывала с его кожи ввевшуюся вулканическую пыль и испарения которой вымывали эту пыль из его легких. Лежа в теплой жидкости и чувствуя, как очищаются легкие, Грегор впервые за все эти дни начал наконец свободно дышать. Потребовалась не одна такая ванна, а целых три, пока врачи не констатировали, что он чист — и снаружи, и изнутри. Потом его кожу смазали приятно пахнущим лосьоном. И все время, пока проходили процедуры, Грегору с трудом удавалось удерживать глаза раскрытыми.

Почувствовав у губ какую-то склянку с лекарством, он автоматически глотнул, думая, что это очередная порция отвара. Но сознание вдруг стало мутиться. Грегор схватил стоявшего рядом доктора за рукав:

— Мне нужно идти! Я должен сражаться!

— Нет-нет, еще рано, — мягко возразил врач. — Не волнуйся, война никуда не денется, и на твою всего этого хватит.

— Но я...

Но что-то в глубине души подсказывало: доктор прав. Грегор выпустил его рукав и тут же провалился в глубокий сон.

Открыв глаза, Грегор не сразу понял, где он. Больничная палата показалась ему не только стерильно чистой, но и очень уютной — после стольких дней в дороге. Он осмотрел себя и прислушался к своим ощущениям. Лосьон впитался в кожу и сделал ее снова мягкой и прохладной. Колено, которое он повредил при падении, было перевязано и

почти не болело. Кто-то весьма заботливо подстриг ему ногти и даже переодел его в чистое, пока он спал.

Спohватившись, Грегор резко сел на кровати, лихорадочно ощупывая пустоту возле левого бедра. Его меч! Где его меч?!

Он увидел его почти сразу — меч, спрятанный в ножны, стоял, прислоненный к стене, в углу палаты. Разумеется! Не могли же они положить Грегора в постель вместе с мечом!

Даже всего в нескольких метрах от меча Грегор чувствовал себя некомфортно — его взяла досада, что он не может дотронуться до своего меча в любую минуту.

Грегор спустил было ноги на пол, намереваясь подойти к мечу, но в этот момент в палату вошла медсестра с подносом, уставленным тарелками, и велела ему снова лечь. Спорить не хотелось, и он повиновался. Но едва она вышла, — он отодвинул поднос, спрыгнул с кровати и взял меч, который положил рядом с собой.

Вот теперь можно поесть. Последние несколько дней питались они довольно однообразно и скудно: рыба, немного грибов... И теперь Грегор чувствовал зверский аппетит. Он глотал пищу, почти не жуя, запихивая ее в рот большими кусками. Хлеб, рыбная похлебка, пудинг — все это он нашел необычайно вкусным, съев все до последней крошки. Он облизывал палец, собирая с тарелки остатки пудинга, когда в палату вошел его старый приятель Марет.

— Ты можешь попросить добавки, — сказал бывший солдат с улыбкой и крикнул кому-то в коридоре, чтобы Грегору принесли еще пудинга. Потом уселся на стул у кровати. Грегор заметил, что он уже гораздо более ловко управляетсЯ с протезом, хотя и по-прежнему нуждается в костыле. — Ты проспал целый день. Как ты себя чувствуешь? — спросил Марет, внимательно разглядывая Грегора.

— Отлично, — ответил тот.

Грегор не был серьезно ранен в последнем походе, нечего Марету так сочувственно на него смотреть. Хотя... Грегор вдруг догадался, что Марет знает о пророчестве, в котором предсказана гибель Воина.

— То есть...

Холодный ужас медленно заполнил его сознание, но он постарался отогнать его прочь, все еще не понимая, что ему с этим делать.

— Я в порядке, Марет.

Марет слегка похлопал его по плечу и не стал ни о чем расспрашивать. Грегор был благодарен ему за это.

— Как Босоножка, Газард и остальные?

— Хорошо. Все хорошо. Их хорошенечко почистили. Газарда держат в постели из-за ушиба головы, а Говард большой молодец — он все сделал как надо, просто отличная работа, — сказал Марет.

Да, Говард и его летучая мышь Найк. Люкса и ее Аврора. Все они не отлеживаются в чистом и безопасном месте — нет, они сражаются за мышей, загнанных в ловушку в Огненной земле. Если, конечно, они еще живы...

— От остальных никаких вестей? — спросил Грегор.

— Нет, — качнул головой Марет. — Им на помощь послали две дивизии гвардейцев. Мы надеемся, вскоре новости будут. Правда, наши обычные каналы связи сейчас не работают — с тех пор как Люкса объявила крысам войну.

Люкса...

Грегор схватился за задний карман штанов — но там было пусто. Ну да, точно — его старую одежду конечно же уничтожили.

Он занервничал:

— У меня была фотография, в моем кармане...

Марет взял фотографию, что лежала на прикроватном столике, и протянул ее Грегору:

— Эта?

Да, эта. Люкса и Грегор. Они танцевали. Смеялись. Это был один из самых по-настоящему счастливых моментов для обоих. Всего несколько недель назад, на дне рождения Газарда.

Грегор сунул карточку в карман:

— Спасибо.

Марет снова ни о чем не спросил. И это было здорово, потому что Грегор не был уверен, найдет ли слова, чтобы объяснить, что происходит между ним и Люксой. Вряд ли он смог бы толком рассказать, как их чисто дружеские отношения почему-то перестали быть чисто дружескими и превратились во что-то совсем другое... гораздо более глубокое.

— А мои родители? — коротко спросил Грегор.

— Твой отец знает о том, что ты вернулся, — мы послали в Наземье летучую мышь, как только выдалась такая возможность. И он просил тебе передать, что твои бабушка и Лиззи в порядке, — ответил Марет.

— А мама?

— Она... у нее осложнение, — сказал Марет.

— Что это значит? Чума вернулась?! — встревожился Грегор.

— Нет, но у нее воспаление легких. Она поправится, просто сейчас неважно себя чувствует и очень ослабела.

Вот это, конечно, уже нехорошо. Ведь как бы то ни было, Грегор должен отправить ее домой. Если ему суждено умереть — он умрет. И важнее всего для него, чтобы мама с Босоножкой как можно скорее оказались дома, в Нью-Йорке. Его родители, бабушка и сестры — все они должны быть вместе.

Медсестра принесла еще пудинга и удалилась.

Но есть Грегору уже не хотелось, и он вяло ковырял пудинг ложкой.

— Где крысы? Те, над которыми мы с Аресом пролетали по пути в Регалию? — спросил он. — Они еще не напали на город?

— Нет. Крысы развернулись и пошли обратно в Огненную землю, когда увидели наши летучие отряды, — ответил Марет.

— Как это?! — Грегор был поражен.

— Я думаю, они забеспокоились о безопасности Мортоса и решили бросить все силы на его защиту, — коротко объяснил Марет.

— То есть... это что же — здесь никаких сражений нет и не ожидается?!

Сознание Грегора наконец прояснилось.

Оказывается, он неверно представлял себе свою миссию. Он вернулся в Регалию, доставив сюда раненых и детей. Он прочел «Пророчество Времени». И что самое главное — завладел мечом Сандвича. И он полагал, что следующим его шагом, логичным и правильным, будет защита Регалии от атаки крыс.

Но крысы не напали на Регалию и не собирались это делать.

— Это плохо, — пробормотал Грегор.

Крысиная армия, ждущая у стен Регалии, — это страшно и опасно. Но крысиная армия, ждущая где-то далеко, на открытом пространстве, — гораздо страшнее.

Так что же он делает здесь, в постели, с лицом, перемазанным пудингом, когда его друзья в Огненной земле ведут смертельный бой с врагом?!

Грегор отшвырнул поднос и вскочил на ноги так быстро, что пудинг шмякнулся на пол. Не обращая на это никакого внимания, Грегор схватил меч и шагнул к двери.

— Куда это ты собрался? — осведомился Марет.

— Я возвращаюсь, — сообщил ему Грегор. — Я возвращаюсь — чтобы драться с крысами!

ГЛАВА 2

Но Марет вдруг преградил ему дорогу:

— Подожди, Грегор. Все не так просто — ведь идет война.

— Вот именно, и я об этом, — кивнул Грегор, пальцами от возбуждения пробегая по узорам на ножнах. — Арес еще в больнице?

Он знал, что Арес не станет мешкать, когда он предложит ему лететь обратно, туда, где остались друзья.

— Да, ниже по коридору. Но послушай... — начал Марет.

— Отлично, значит, мы можем лететь немедленно!

И Грегор направился к двери, но с изумлением вдруг понял, что что-то приподняло его в воздух и вернуло обратно на постель.

Да, Марет потерял ногу — но все еще был достаточно силен, чтобы справиться с Грегором.

— Да послушай же! — Марет почти кричал: — Во время войны ты всего-навсего солдат! Возможно, самый могущественный и самый лучший, который когда-либо был у нас, — но солдат. И ты не можешь бежать куда хочешь и делать что вздумается! Ты должен ждать приказа и подчиняться ему.

— Приказа? Чьего? — не понял Грегор.

— Приказа Соловет, — тихо сказал Марет.

— Соловет?! — Грегор ничего не понимал. Насколько ему было известно, Соловет больше не имела права никому ничего приказывать. — Но я думал, она под арестом в своей комнате и ждет приговора по делу о чуме, разве нет?

— Нет. Суд перенесли, как только стало известно о том, что Люкса объявила крысам войну, — покачал головой Марет.

— Но... но почему?! Ведь это не отменяет того, что совершила Соловет, — растерялся Грегор. — Ведь это она приказала доктору Нививе создать бактериологическое оружие. И столько людей умерло, людей и летучих мышей. Да она чуть не убила мою маму!

— Это недоразумение. На самом деле она планировала убивать крыс, — сказал Марет. — Теперь, когда началась война с крысами, тот, кто много думает о наилучших способах расправы с ними, в большом почете. Поэтому Совет восстановил ее во главе вооруженных сил Регалии.

— Она снова главнокомандующая?! Не может быть!

Это было слишком — Грегор подумал было, что ей дадут эскадрон или

что-то в этом роде. Но главнокомандующая!

— Они что, никого другого не могли найти?

— Крысы не боятся никого так, как ее — за исключением разве тебя, Грегор. Соловет очень хитрая и не признает никаких правил. Именно это нужно сейчас, чтобы выжить.

— Но... этот суд... он ведь теперь никогда не состоится! — с горечью произнес Грегор.

Не будет суда. Война все стерла и все начала с чистого листа.

Ненависть людей к крысам будет только расти, и вскоре люди начнут думать, что идея Соловет о том, чтобы превратить чуму в оружие, — была хороша. И несмотря на многочисленные жертвы, — она станет героем в их глазах, а вовсе не преступницей.

Грегор подумал о своей маме, которая ловит ртом воздух где-то неподалеку, о маме, которой трудно дышать. О пурпурных шрамах на шкуре Ареса, которые никогда, никогда не пройдут. О всех людях и крысах, которые умерли.

— Это неправильно, Марет, — тихо сказал он. — Ты разве сам не видишь, что это неправильно?

Марет вздохнул и отвел глаза. Он отпустил Грегора и отступил на шаг:

— Что бы я ни думал обо всем происходящем, — это не имеет никакого значения, Грегор. Теперь Соловет отдает приказы.

— Но только не мне, — произнес Грегор.

Он в этом был абсолютно уверен. Если он и пойдет на смерть, — то уж никак не по приказу Соловет. Нет, только по собственной воле.

— Будь осторожен и думай, с кем разговариваешь, — негромко предупредил Марет. — Здесь не все — твои друзья, — с этими словами он покинул комнату.

Грегор сделал несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться и взять себя в руки, и поставил меч обратно в угол. Затем лег на постель, притворяясь послушным пациентом, а сам принялся лихорадочно думать, что ему делать дальше.

Марет прав. Не все в Регалии могли считаться друзьями Грегора — множество людей и готовностью согласились бы шпионить за ним для Соловет. Грегор не знал ее планов относительно него — но уж точно в ее планы не входило, чтобы он сел на Ареса и улетел в Огненную землю. Она не позволит ему сделать это. И его личные желания и резоны не будут иметь никакого значения — она рассматривала и будет рассматривать его как оружие, которое можно использовать в своих целях. Так что если он действительно хочет попасть в Огненную землю, — он должен действовать

тайно и осторожно. Очень осторожно.

«Каков твой план?» — услышал он голос Живоглота в голове. Этими словами крыс всегда пытался остановить его и предостеречь от необдуманных действий. «Каков твой план?»

«Прежде всего я должен убедить подземцев, что не собираюсь никуда лететь», — подумал Грегор. Он был уверен, что Марет ни за что не скажет о том, что услышал, но на других полагаться было нельзя.

Первым его порывом было немедленно бежать к Аресу — но, подумав минутку, он отказался от этой мысли. Ведь если он не помышляет о возвращении в Огненную землю и собирается остаться в Регалии как послушный маленький солдат, — разве не должен он первым делом попросить позволения навестить свою маму?

Грегор почувствовал укол совести. А разве не должен он это сделать в первую очередь в любом случае?

Но дело было в том, что если у мамы есть хоть какие-то силы — она непременно будет бранить его за путешествие в Огненную землю, а затем, конечно, потребует, чтобы он забрал Босоножку и немедленно отправился домой. Но Грегор никак не мог это сделать. И ему придется либо спорить с ней — а это ее очень расстроит, либо... либо врать. Ни то, ни другое Грегора не устраивало.

К тому же — ему было действительно очень стыдно перед мамой.

Когда через несколько минут пришел врач, Грегор попросил у него разрешения навестить маму и, получив его, вздохнул с облегчением.

— Твоему колену полезно поразмяться, — сказал врач. — Только, прошу, будь осторожен, не нагружай его сильно хотя бы несколько дней, — добавил он, помогая Грегору обуться.

— Ну конечно, — кивнул Грегор и довольно натурально изобразил, какого труда ему стоит идти не хромя. Спустившись к маминой палате, он получил маску, которую ему велели надеть, — не для того, чтобы уберечь его, а для того, чтобы не навредить ей.

Грегор не очень представлял себе, что такое «осложнение». И теперь он это увидел.

Мама была сейчас так же больна, как тогда, когда он в первый раз проведаль ее в больнице. А может, и хуже. Тогда у нее во всяком случае были силы, чтобы приказать ему возвращаться домой. А сейчас она не могла даже говорить — все силы у нее уходили на то, чтобы дышать. Он взял ее за руку и почувствовал, какая у мамы сухая и горячая кожа — у нее была очень высокая температура. А мамыны глаза смотрели на него без всякого выражения.

— Это ведь не чума, правда? Не чума? — с тревогой спросил он врача.

— Нет, воспаление легких. У вас наверху это, кажется, называется «пневмония», — ответил врач.

— А можно ей отправиться домой? Ну, если станет лучше?

— Если станет лучше, — можно. Но сейчас ее состояние... — покачал головой врач.

Грегор погладил маму по щеке:

— Не беспокойся, мамочка. Все будет хорошо. Все будет хорошо.

Но он не был уверен, что она его услышала.

Выйдя из комнаты, врач отвел Грегора в сторону и заговорил шепотом — сначала Грегор подумал, что тот не хочет беспокоить маму, но вскоре понял, что врач опасается, что их могут услышать:

— Воин, если бы это была моя мать, — несмотря ни на какую болезнь я бы немедленно отправил ее в Наземье. В ваших больницах эту болезнь лечат не хуже, чем у нас. А здесь — война, Воин, и на дворец в любой момент могут напасть. Ее надо хотя бы переправить на Источник!

— Но вы же сами сказали, что ей нельзя... — растерялся Грегор.

— Я должен был так сказать. И это правда. Но правда для мирного времени, — ответил врач. — А сейчас... ты должен взвесить все и понять, насколько ей опасно остаться здесь во время войны. — Он нервно оглянулся по сторонам и добавил: — И пусть этот разговор останется между нами, — с этими словами, не дожидаясь ответа, врач развернулся и быстро пошел прочь.

Грегор почти не колебался, когда решал, чем заняться прежде всего: лететь в Огненную землю или переправить маму в безопасное место. Конечно, сначала мама. Его друзья в Огненной земле хоть и находились в опасности, но все же были вместе и могли рассчитывать друг на друга. А маме не на кого было рассчитывать, кроме него.

Грегор покинул больницу, не спрашивая разрешения, и отправился напрямик в комнату за Высоким залом. Там он нашел Викуса и обратился к нему с вопросом:

— Когда вы собираетесь отправить новую весточку моему отцу?

— Я как раз занимаюсь этим, — улыбнулся Викус. — Ты хочешь добавить что-то от себя, Грегор?

— Да, хочу. Свою маму.

Викус устало потер глаза:

— Я пытался, Грегор. Уже трижды. Но Совет не дает на это разрешение.

Грегор понимал, что без этого разрешения Викус не может ничего

сделать, но все же подавил в себе жалость к старику и продолжил настаивать на своем:

— Она не может здесь оставаться во время войны. Что если крысы нападут на дворец? Если нельзя наверх, значит, вы должны увезти ее отсюда. Куда угодно, но подальше!

Грегор надеялся, что эти его слова не станут основанием для преследования маминого врача.

— И этот аргумент я приводил, — сказал Викас. — Но Совет его не принял. Они отказываются отпускать ее. Моя жена... она убедила их, что здоровье твоей матери не позволяет ей двигаться с места.

И тогда до Грегора дошло.

— Но это ведь не из-за ее здоровья! Оно вообще ни при чем! Это из-за меня! Чтобы я никуда не делся, — удрученно произнес он.

Соловет держит его маму как заложницу — она прекрасно знает, что Грегор не оставит маму и не сбежит.

Молчание Викаса подтвердило его правоту.

— Вы скажете Совету... скажете им, что в их интересах сохранить ей жизнь! Потому что если она умрет... если она умрет, — у вас не будет больше Воина! — крикнул он.

— Ты уверен, что хочешь, чтобы я им это передал? — вкрадчиво спросил Викас.

— А почему бы и нет? — запальчиво ответил Грегор.

— Потому что это не даст тебе ровным счетом ничего и только свяжет тебе руки, — тихо ответил Викас. — Лично я предпочитаю держать свои мысли при себе — в целях собственной безопасности.

Викас был прав.

Врачи в больнице делали все возможное, чтобы помочь маме. А шантаж только усилит недоверие Совета к Грегору — в то время как он, наоборот, пытается усыпить их бдительность.

Грегор вернулся в больницу, терзаемый страхом за маму. Сможет ли он увезти ее сам?

Нет, она слишком слаба, понадобится целая команда докторов. И потом — когда он окажется дома, наверху, ее нужно будет доставить в больницу — а там начнутся расспросы. Грегор не был уверен, что миссис Кормацци или его отец смогут правильно себя вести и придумать правдоподобное объяснение ее состоянию. Так что еще неизвестно, что опаснее: оставить ее здесь на время боевых действий — или отправить в Наземье.

Впрочем, у него все равно не было выбора — из-за Соловет. Она

никогда не позволит маме уйти отсюда, пока ей нужен Грегор.

Он вдруг услышал голос из прошлого: «Я думаю, моей матери нетрудно подцепить тебя на свой крючок». Хэмнет. Это были его слова — он произнес их во время первой встречи в джунглях, еще до того как стал проводником.

Хэмнет, великолепный воин, покинул Регалию, потому что больше не мог убивать и при этом знал, что его мать, Соловет, найдет способ заставить его делать это снова и снова. Кто лучше Хэмнета мог знать Соловет? И он был прав: Грегор теперь у нее на крючке, беспомощный и обреченный.

Но это только усилило его решимость противостоять ей. Он вернулся в свою палату и увидел, что принесли новую порцию еды, и поел, изо всех сил делая вид, что всем доволен. Правда, ел он не без удовольствия — ведь скоро ему предстоит снова питаться невесть чем.

Потом он пошел искать Ареса. Теперь, когда он повидался с мамой, это не могло вызвать никаких подозрений.

Арес как раз заканчивал свою трапезу, когда Грегор вошел в палату, — медсестра убирала со стола тарелки.

— Как ты? — спросил Грегор.

— Как с похмелья, но в целом — в порядке, — ответил Арес. Его голос, обычно мурлыкающий, сейчас звучал хрипло: видимо, связки еще не совсем очистились от вулканического пепла.

— А что ты думаешь насчет партийки в шахматы? — подмигнул Грегор.

Это было сказано исключительно для медсестры: Арес и Грегор никогда в жизни не играли в шахматы, даже речь у них об этом не заходила, но Грегор видел, что многие люди и летучие мыши в больнице играют в шахматы, и ему казалось, что персонал это очень одобряет.

— Вопрос только в том, умеешь ли ты играть, — хмыкнул Арес.

— Ой-ой, напугал! Говоришь как неудачник! — скорчил гримаску Грегор.

Сестра тут же вмешалась:

— Я посмотрю, нет ли у нас свободной доски.

Она собрала тарелки и вышла из палаты.

Грегор и Арес выждали пару минут и заговорили взволнованным шепотом:

— Мы должны лететь обратно в Огненную землю, — быстро сказал Арес.

— Да, знаю. Но Марет говорит — нами теперь командует Соловет, —

ответил Грегор. — Можешь встретить меня на нашем месте?

Это было обтекаемое понятие — «наше место», но Грегор надеялся, что Арес поймет, какое место он имеет в виду: водохранилище, куда стекалась весной вода со всего Подземья. К нему вел секретный ход, который начинался в каменной черепахе в старом детском садике.

— Через час, — ответил Арес. — Но... Эти несчастные мышата все еще там. И если твоя сестра сейчас не с Газардом, она тоже должна быть там.

— Я что-нибудь придумаю, — пообещал Грегор. Хотя, вообще-то говоря, незаметно проникнуть в секретный ход на глазах у Босоножки, кучи маленьких мышат и, вероятно, их няни — довольно сложный фокус.

Вошла медсестра — она несла шахматную доску.

— Я принесла доску, но, к сожалению, старую, без фигурок. Другие шахматы все разобраны.

— А знаете, я, кажется, видел шахматы в музее, — любезно ответил Грегор. — Мне все равно нужно упражнять колено — я схожу и принесу их.

В музее действительно хранилась магнитная походная доска с фигурками. Так что повод был отличный.

Грегор заглянул в свою палату и захватил с собой меч. Если кто-нибудь спросит — он всегда может сказать, что носит его при себе, чтобы чувствовать себя в безопасности. Но в коридорах он не встретил ни врачей, ни медсестер, и небольшое путешествие до музея прошло без сложностей и приключений, если не считать мимолетной встречи с группкой школьников.

Когда он вошел в музей, ему сразу бросилась в глаза коричневая картонная коробка, обмотанная скотчем. На ней красным маркером большими буквами было написано «ДЛЯ ГРЕГОРА»! Он узнал почерк миссис Кормаци.

Когда эта коробка здесь появилась? Сегодня? Вчера? Или она находится здесь все эти несколько недель, что он был в Огненной земле?

Грегор открыл коробку и нашел на самом верху записку. Читая ее, он будто слышал голос миссис Кормаци:

Дорогой Грегор.

Теперь ты в Регалии — раз читаешь это письмо. Так что это неплохой шанс сделать шаг назад и оглянуться по сторонам. Я знаю, ты держишь под контролем все или почти все, что происходит с тобой там, внизу. Я знаю, ты делаешь то, что

нужно, — или что считаешь нужным. Но твоя семья страдает, Грегор. Им больно. Все, что я могу тебе сказать, — не вздумай позволить им убить тебя, а то тебе придется с ними долго и мучительно объясняться.

С любовью,

миссис Кормацци.

Почему она вдруг написала про то, что его могут убить? Она как будто прочла пророчество! Но если бы она его действительно прочла, — тогда бы она понимала, что его возможная гибель — одна из тех вещей, которые он не держит под контролем. А что касается объяснений, которые он должен будет давать... Это вообще была бессмыслица. Непонятно, зачем она такое написала. Может, хотела пошутить? Хотя, зная миссис Кормацци... Грегор не исключал, что она и не шутила.

О, на обороте тоже что-то было:

«P.S. Лиззи помогала печь печенье. И она велела поделиться им с крысом».

Так значит Лиззи все-таки сбежала из лагеря. Он знал, что она упрямая. И даже когда все хорошо — она всегда тревожится и волнуется. Он видел сейчас перед собой ее лицо: чуть нахмуренные брови придавали ему выражение, не свойственное восьмилетнему ребенку. Чувствительная, маленькая, нервная, слишком сообразительная Лиззи. Она волнуется за него и Босоножку. Волнуется за папу и маму. Она волнуется даже за старого брюзгу Живоглота.

«В следующий раз, когда увижу Лиззи...» — подумал было Грегор и вдруг сообразил, что никогда больше ее не увидит! И никого из домашних тоже. Потому что он не вернется домой, в Наземье. Он должен умереть здесь, внизу...

Грегор смотрел, как падает у него из руки записка и как она плавно опускается на пол.

Только теперь слова пророчества наконец по-настоящему дошли до его сознания.

Когда Воин... умрет...

Комната вдруг поплыла и закружилась у него перед глазами, и он схватился за одну из полок, чтобы не упасть. Он чувствовал, как в горле поднимается ком, который не дает вздохнуть, как что-то тяжелое давит на грудь — там, где сердце. «Нет! Я не хочу! Я не хочу умирать!» — билась в голове единственная мысль. Его затрясло, и он попытался выгнать эту жуткую мысль из головы — но ничего не получилось.

«Я не могу. Просто не могу погибнуть. Я должен, я обязан вернуться домой».

Люкса права. Это слишком — они не должны просить его о таком. Отдать свою жизнь, свое будущее, отдать все, что у него есть, — за Подземье.

«Я просто уйду отсюда. Заберу Босоножку и маму и отправлюсь домой. И никогда, никогда не оглянусь и не вернусь обратно».

Он подумал, что и вправду может так поступить.

Но что тогда? Что будет с теми, кого он любит, — с теми, кто останется здесь? Они все умрут... так гласит пророчество. А он не может допустить, чтобы так случилось. Он этого не допустит. И это значит...

Грегор осел на пол, тяжело дыша, его трясло словно в ознобе. Он обхватил себя руками.

Надо остановить панику. Он не может позволить себе раскисать всякий раз, когда в голове возникает мысль о том, что его ждет. О своих близких, которых он никогда больше не увидит... вообще обо всем, чего никогда уже не будет в его жизни. Нельзя думать об этом — становится только хуже. Ему нужно думать о чем-то другом — о чем-то, что поможет выстоять. О чем-то, что даст ему силы.

В голове проплывали образы членов его семьи, друзей, места, которые он любил, — нет, все было не то, ничего не помогало. А потом на ум вдруг пришел каменный рыцарь, которого он видел в монастыре.

Холодный, спокойный, далекий от всего, что когда-то причиняло ему боль. Когда этот рыцарь сражался с врагом... он, может быть, пал в бою... но сейчас — сейчас он был неуязвим. Просто спал на своей мраморной постели.

Почему-то мысли об этом давно умершем рыцаре — тоже солдате — успокоили Грегора, как не могли успокоить мысли о живых. Его перестало трясти, он смог сделать глубокий вдох, и боль в груди стала меньше.

«Это я. Я должен помнить, что отныне это я, — подумал он. — Я этот рыцарь. Я сделан из камня. И ничто не может взволновать меня. Вот так вот».

Слегка успокоившись, он вспомнил, что его ждет Арес. Ему было чем

заняться. Люди ждали помощи. А времени было мало.

Грегор подобрал записку и встал на ноги. Он заглянул в коробку и увидел там завернутое в бумагу печенье. Но коробка была довольно большой — слишком глубокой для того, чтобы положить туда пакетик с печеньем. Грегор приподнял печенье — и его сердце забилося чаще: два фонарика, большая упаковка батареек. И пара новых кроссовок. Отличных кроссовок.

Миссис Кормацци. Как она догадалась?! Как поняла, что именно это ему сейчас нужнее всего? Как она всегда догадывается: водонепроницаемый карманный фонарик, который она дала ему незадолго до того, как пришлось пересекать Водный путь, ботинки из грубой кожи, которые спасли его пальцы от яда плотоядного персика... Может, она на самом деле могла предсказать, какие опасности его ждут, раскладывая свои карты таро, хотя Грегор и не разрешал ей это делать? Или просто была слишком догадлива?

Грегор добавил к содержимому коробки моток скотча и пару бутылок из-под воды. Бутылки были такие, с какими обычно по Центральному парку бегают джоггеры. Они были пусты, но он может наполнить их про запас из любого источника по пути к Огненной земле.

Грегор огляделся в поисках нового рюкзака, но все, что смог найти — лишь маленький розовый рюкзачок с лямками из тонкого вельвета. Он вытряс из него косметичку, дамский кошелечек, карту Манхэттена и щетку для волос и бросил рюкзачок в свою коробку. Разумеется, это не самый подходящий вариант рюкзака для Воина — но в него должны были поместиться все его вещи, и это единственное, что имело значение. Он положил сверху пакет с печеньем.

Теперь он был готов к походу — но сначала надо было совершить тайный вояж к Источнику.

Помня о разговоре с медсестрой, он положил магнитную шахматную доску на печенье. Конечно, вряд ли он встретит ее — но он хотел быть готовым к любым неожиданностям.

Вот теперь можно идти в старый детский сад. Грегор взял коробку, вышел из музея и не торопясь двинулся по коридору.

«Не спеши, — говорил он себе мысленно, — старайся выглядеть естественно. Ты сможешь сделать это».

А потом он завернул за угол и резко остановился. Перед ним стояла Соловет. А за ней — двое стражей.

Последний раз Грегор видел Соловет несколько месяцев назад, по возвращении из джунглей. Она была среди членов Совета, когда

арестовывали Нививу. А потом, когда Грегору сделали перевязки и вкатили дозу снотворного, доктора Нививу казнили, а Соловет посадили под домашний арест в ее покоях. И Грегор, если честно, был рад, что она находится там, взаперти, и что он не может ее видеть. Потому что он не знал, что ему делать со всем тем, что она натворила: с его мамой, Аресом, Говардом и сотнями других жертв.

И вот она перед ним. Женщина, которая, не задумываясь, отнимет жизнь у его матери, если это поможет удержать его, Грегора, здесь.

Он одновременно подумал о том, как сильно ее ненавидит, и о том, что ему нужно быть очень, очень осторожным — ведь она вновь держала власть в своих руках.

— Грегор, — сказала Соловет с теплой улыбкой.

Он улыбнулся в ответ:

— Привет, Соловет. Как дела?

— Очень хорошо. А у тебя?

— Да идут вроде, — ответил он.

— Что у тебя там? — кивнула она на коробку.

— Миссис Кормацци печенье прислала. Я подумал стоит забрать его в больницу. Угостить всех, — сказал Грегор. — Хочешь попробовать?

Он разорвал пакет с печеньем, и по коридору поплыл сладкий аромат овсяного печенья.

— Почему бы нет? — Соловет взяла печенье и откусила кусочек. Задумчиво пожевала, удовлетворенно кивнула: — Прекрасно! Очень вкусно!

— Знаешь, мне с тобой нужно будет потом поговорить, ладно? — Он перехватил коробку, прижав ее к бедру. — Чтобы я знал, чего от меня хотят. Марет сказал, началась война.

— Да. Да. И ты, разумеется, очень ценен. Ты знаком с Горацио и Маркусом? — Соловет махнула рукой в сторону стоящих за ней стражей.

— Привет. — Грегор помахал им, они ответили тем же.

На них была униформа из кожи и металла — металл защищал грудь, ноги и руки. На головах — шлемы. В ножнах на поясе болтались мечи.

— Они кто — генералы или что-то в этом роде? — спросил Грегор.

— Нет, это твоя персональная охрана, — ответила Соловет. — Мы очень заботимся о твоей безопасности.

— Моя охрана?! Чудно! — Он рассмеялся, а внутри все похолодело. — Думаю, они понадобятся мне не раньше чем через несколько дней. Вряд ли им будет чем заняться сейчас, здесь. Ведь вокруг ни одной крысы.

— Охранники нужны не для того, чтобы не впускать крыс, Грегор, —

любезно ответила Соловет. — Они нужны для того, чтобы удержать тебя.

ГЛАВА 3

Грегор молча смотрел на нее, а в голове у него проносились возможные варианты реакции: бежать... драться... смеяться... протестовать... пытаться договориться... бросить карты на стол... Ничем себя не выдать.

Последнее показалось ему наилучшим вариантом.

— Я не могу позволить тебе ускользнуть на какой-нибудь очередной пикник, — улыбнулась Соловет. — Зайди ко мне через час, обсудим твое будущее.

И она пошла прочь, оставив Грегора с двумя внушающими страх стражами.

Он посмотрел на них внимательно — и подумал, что вступать с ними в бой было бы глупо и неправильно. Оба были высоки, просто горы мышц с решительными и хмурыми лицами. Они были людьми Соловет — в прямом и переносном смысле. И Грегор почти не сомневался, что у него нет ни малейшего шанса устоять в прямом столкновении, если они возьмутся за оружие. Разве что яростничество могло бы помочь: когда Грегором овладевала некая сила, именуемая в Подземье яростничеством, он становился неудержимым и непобедимым бойцом. Но он не мог вызвать это состояние сознательно, и у него не было оснований на него не рассчитывать — особенно с этими охранниками.

— Печеньку? — спросил Грегор, запуская руку в пакет.

Две головы в унисон качнулись отрицательно.

— Что ж, моя сестренка с удовольствием полакомится. Она сейчас, вероятно, с мышатами. Пойдемте. Вот сюда!

Он махнул рукой, показывая путь и призывая их следовать за собой, и двинулся в направлении старого детского сада. Слегка приволакивая ногу, чтобы показать, что у него здорово болит колено и что бежать от них он не в состоянии.

«И что теперь? — думал Грегор лихорадочно. — Как, ради всего святого, я смогу избавиться от этих ребят?!»

Он старался идти помедленнее, в надежде, что какая-то блестящая идея вот-вот посетит его многострадальную голову, — но нет, блестящих идей не наблюдалось. Тогда он решил действовать по обстоятельствам.

Садик находился в почти пустынном крыле дворца — на всем пути им не попалось ни одного человека, а все помещения здесь, кажется,

использовались исключительно под склады.

Из-под двери садика пробивался теплый свет.

Грегор вошел и услышал довольный писк:

— Грре-го!

Босоножка сорвалась с места, подбежала и обняла ручонками его колени. Он поставил коробку на пол и протянул к сестренке руки, чтобы объятие получилось настоящим.

— Привет, Босоножка! — сказал он, прижимаясь лицом к ее кудрявой головке.

Она пахла какими-то травами, и пеной для ванны, и молоком, и своим собственным, сладким и родным запахом. Этот запах был таким приятным, что на секунду Грегору даже почудилось, что все хорошо. Потом он незаметно бросил взгляд на каменную черепаху в дальнем конце помещения и ее хищную разинутую пасть.

— Что поделяете? — спросил он сестренку.

— Я помогаю Далею заботиться о мышатах, — важно сообщила Босоножка и показала пальчиком на нишу, где няня устроила для мышат гнездо из одеял. Сама Далея сидела в гнезде, а вокруг копошились шестеро мышат.

Там же, в гнезде, лежал и Картик, взрослый зубастик, которого они спасли во время экспедиции в Огненную землю. Обе его передние лапы были загипсованы. Он все еще был очень слаб, но выглядел куда лучше, чем когда Грегор увидел его впервые. Картик чудом избежал смерти, когда его сбросили с высокого утеса вместе с другими сородичами, выжить которым не довелось. Один из мышат карабкался на спину Картику. Похоже, ему было больно, но зубастик не предпринял попытки остановить мышонка.

— Приветствую тебя, Грегор, — сказала Далея. Брови ее слегка приподнялись. — Я вижу, ты не один — у тебя чудесная компания.

Грегор оглянулся. Горацио и Маркус встали караулом у дверей.

— О да! Это мои телохранители.

— Горацио, Маркус — вам обязательно стоять у входа? Боюсь, вы можете напугать мышат, — произнесла Далея.

— У нас приказ не спускать с Наземца глаз, — отчеканил Горацио.

— Но я обещаю, что со мной он в полной безопасности, — улыбнулась Далея.

На секунду выражение лица Горацио смягчилось, и Грегор вдруг догадался, что этот здоровенный гвардеец в коже и металле неравнодушен к милой заботливой Далею.

«Боже, — мелькнуло у него в голове, — неужели другим столь же очевидно, что мне нравится Люкса?!»

— Думаю, мы можем рискнуть и остаться за дверью, — решил Горацио. — Пошли, Маркус.

— Спасибо, Горацио, — поблагодарила Делей.

Грегор внимательно вглядывался в ее лицо. Ему хотелось понять, испытывает ли она ответные чувства к Горацио. Нет, она не питала к нему никаких чувств. Ну, или умела скрывать их гораздо лучше, чем он.

Сначала Грегор размышлял, можно ли с помощью Делей ускользнуть от этих громил, но потом решил, что это нехорошо — ему не хотелось подставлять Делей, не хотелось, чтобы у нее были проблемы из-за него. Он собирался под каким-то предлогом удалить ее из помещения, чтобы иметь возможность бежать без ее участия.

Босоножка опустилась на четвереньки и полезла в гнездо.

— Я покачаю малысей!

Она взяла одного из мышат и стала укачивать. Он некоторое время лежал спокойно, но потом вырвался на свободу, встал на задние лапки, положив передние на плечи Босоножки, и стал играть с ее кудряшкой.

— Мыски любят мои волосики, — хихикнула Босоножка.

Грегор сел на корточки возле гнезда и гладил теплую бархатную шкурку одного из мышат.

— Ты помнишь меня? — обратился он к Картику.

В походе зубастик был настолько слаб и так часто терял сознание, что Грегор не был уверен, что у него остались о том отчетливые воспоминания.

Но Грегор ошибался.

— Ты Воин, — сказал Картик. — Разумеется, я тебя помню. Есть какие-нибудь новости о твоих друзьях из Огненной земли?

— Нет, — покачал головой Грегор. — Но Марет говорит, они отправили им на помощь две дивизии. Пока никто не возвращался.

Ему не хотелось даже думать о том, что сейчас происходит там, на поле боя.

— Ты знаешь этих малышей?

— Это дети моей сестры, — тихо произнес Картик. — Она решила, что лучше им сгинуть в водной пучине, чем оказаться в плену у крыс.

— И очень правильно решила, — ответил Грегор, вспоминая других мышинных детенышей — тех, что корчились в агонии в колодце у подножия вулкана. — А их мать, она...

— Я не знаю. И я бы не хотел говорить об этом при них, — промолвил Картик, заметив, что один из мышат наострил уши. — Они начинают

понимать человеческую речь, а у них и так достаточно поводов кричать по ночам от кошмаров.

— Прости, — тут же закрыл тему Грегор. — Эй, Босоножка, хочешь угостить мышат вкусненьким?

Босоножка полезла в коробку и нашла пакет с печеньем. Она моментально сунула одно себе в рот и зажмурила глазки:

— М-м-м, кусьно.

— Здорово, да? Может, дашь всем по кусочку? — предложил Грегор и насыпал печенья ей в ладони, следя, чтобы пакет не стронулся с места и не открыл всем то, что лежало под ним.

— У меня вкусняшка! — завопила Босоножка, рассыпая кругом крошки от печенья, с удовольствием раздавая печенье всем, кто был в гнезде.

Мышата лакомились, издавая характерные чавкающие звуки. Грегор смотрел на эту идиллическую картину, и улыбка расплзалась по его лицу помимо его воли. Но тут в голове стукнуло: «Нужно бежать отсюда. Немедленно!»

Арес, вероятно, уже планирует над Водохранилищем. Но как отвлечь их всех и удалить из комнаты? Предложить навестить кого-нибудь во дворце? Но это бессмысленно, ведь Картик не может быстро передвигаться со своими сломанными лапами. Уронить факел и устроить пожар? Нет, плохая, очень плохая мысль... На пожар сбежится много народу, и кто-нибудь может пострадать, а дети испугаются и начнут прятаться...

Стоп. Точно! Вот оно!

— Кто хочет поиграть в интересную игру? — спросил Грегор, хлопнув в ладоши для привлечения общего внимания.

Мышата, казалось, сразу поняли, о чем речь, потому что окружили его, взволнованно подпрыгивая.

— И я! И я! — завопила Босоножка.

— Во что играем, Босоножка? — с надеждой обратился к ней Грегор: Босоножка почти всегда выбирала одну игру, ту, которая сейчас была ему так нужна.

— Прррятки! Прррятки! — заверещала она, и он облегченно вздохнул.

— Хорошо, давайте в прятки. Мышата знают, как играть?

— О да, — улыбнулась Делей. — Мы уже много раз с ними играли. В этой комнате не осталось ни единого уголка, где кто-нибудь еще не прятался.

— Ну, так неинтересно. Может, имеет смысл включить в игру и другие помещения в этом коридоре? — предложил Грегор.

— Что ж, я не возражаю, но одна я за ними не услежу, — ответила Далей. — Мне понадобится помощь, твоя и Картика. Если честно, здесь им уже порядком наскучило.

— Конечно, я помогу, — кивнул Грегор. — Только подожди, я кое-что сделаю.

Он отстегнул меч с пояса и положил его на коробку.

Даже на короткое время расставаться с мечом не хотелось.

— А у нас еще есть Горацио и Маркус! — радостно воскликнула Далей. Услышав свои имена, оба стража заглянули в комнату. — Мы хотим поиграть в прятки. Вы нам поможете?

Поначалу они не выразили восторга, но Далей удалось уговорить их, и вскоре стражи заняли наблюдательную позицию в самом дальнем конце коридора. Таким образом выходило, что в распоряжении играющих был весь коридор, все шесть комнат, и при этом никто не мог пройти мимо стражей и выскользнуть отсюда. По крайней мере так считали все, кроме Грегора.

Грегор и Далей быстро осмотрели комнаты и убедились, что ничего, что представляло бы опасность для малышей, в них нет. В двух комнатах была старая мебель, в других — одеяла, корзины, мотки веревки. Еще одно помещение представляло собой бассейн, в котором давным-давно не было воды, так что теперь это была просто каменная игровая площадка.

Множество отличных мест для прятков.

Картик тоже выполз в коридор — посмотреть.

Первой водила Босоножка, потом мышата, потом Далей. Картик следил, чтобы никто не жульничал, чтобы вода не торопясь считал до двадцати и не открывал глаза раньше времени.

Грегор дважды прятался в помещении садика, надеясь, что подвернется шанс бежать, но оба раза с ним прятались и некоторые мышата.

Время шло, игра подходила к концу. Даже если Аресу удалось ускользнуть от бдительной охраны незамеченным, он не мог бесконечно ждать Грегора у Водохранилища.

Тик-так, тик-так...

— Ладно! — крикнул Грегор, когда Далей всех застучала. — Теперь моя очередь водить.

Он встал как можно ближе ко входу в садик, чтобы никому не пришлось в голову спрятаться там, закрыл руками глаза и начал считать до двадцати: один, два, три, четыре...

Он слышал топоток мышиных лапок, хихиканье, шуршание, каблучки

Босоножкиных сандаликов, сдавленный писк... Никто в садик не забежал.

...Восемнадцать, девятнадцать, двадцать.

— Кто не спрятался — я не виноват! Я иду искать! — сообщил Грегор, открыл глаза и обвел взглядом коридор.

Горацио и Маркус стояли в конце коридора, скрестив руки на груди и не сводя с него глаз.

Он заглянул в одну комнату, затем притворился, будто что-то слышит в помещении садика, и поспешил туда. На секунду спрятавшись от глаз всевидящих охранников, схватил коробку с своими вещами, метнулся к каменной черепахе, сунул руку ей в рот и повернул рычаг, открывавший панцирь. Скользнув внутрь, он аккуратно закрыл панцирь у себя над головой. Боясь, что свет может пробиваться через панцирь черепахи, фонарик он выключил и вначале несясь вниз по ступеням в полной темноте. Погони еще не было.

Грегор выудил фонарик из коробки и включил его.

— А теперь беги! — сказал он сам себе. — Беги так быстро, как только можешь!

И побежал, перепрыгивая по несколько ступенек зараз. Он даже не старался не шуметь — это было бессмысленно: как только его хватятся, а это произойдет довольно скоро, Соловет велит обыскать комнату, и потайной ход будет найден. Конечно, хотелось бы сохранить его в секрете — в интересах Люксы. Но сейчас именно ради нее Грегор вынужденно им воспользовался.

В самом низу лестницы он чуть не врезался в другую черепаху — ту, с жуткой усмешкой.

Сунув в отверстие голову, он с наслаждением вдохнул свежий воздух.

— Давай, Наземный, прыгай! — услышал он нетерпеливый возглас Ареса и прыгнул в пустоту.

Арес сразу подхватил его и полетел прочь с невероятной скоростью.

— Насилу выбрался, — сообщил ему Грегор, ставя коробку с вещами на мощную спину друга и хватаясь за меч. — А ты?

— Врачи разрешили пятнадцать минут полетать над рекой, так что и мне пришлось попотеть, — ответил Арес. — Они будут нас преследовать.

— Да уж, — согласился Грегор. — Никто не видел, как я залезал в черепаху, но они знают, что я зашел в ту комнату. Так что рано или поздно — скорее рано! — тайный ход найдут.

— Может, это и хорошо, — неожиданно заявил Арес и пояснил: — В том смысле, что если все, кто знает об этом ходе, сгинут в Огненной земле, — ради безопасности неплохо, если об этом ходе будет знать кто-то

еще. Ведь он может пригодиться, если дворец окажется в осаде.

— Да, точно, — кивнул Грегор, подумав о маме и Босоножке.

Он решил воспользоваться моментом и подготовиться: примотал один фонарик к левой руке при помощи скотча, а второй прикрепил к поясу. Сам скотч, батарейки, бутылки из-под воды и оставшееся печенье Грегор положил в розовый рюкзачок. И шахматы тоже сунул, хотя не очень представлял себе, зачем они могут понадобиться. Кроссовки он, конечно, тут же надел. Они были очень удобными и почти невесомыми. Коробку Грегор выкинул и распластался на спине Ареса, чтобы максимально уменьшить сопротивление воздуха и таким образом увеличить скорость полета.

Арес выбрал какой-то новый путь к Огненной земле. Они летели сейчас не мимо обычных больших пещер, а по каким-то маленьким извилистым туннелям, — порой Грегору казалось, что они вот-вот врежутся в скалу на особенно крутом повороте, но они лишь выныривали в очередной сети туннелей.

— Откуда ты знаешь про этот путь? — спросил он Ареса.

— Генри. Мы много часов провели, изучая альтернативные пути, — коротко ответил тот и добавил: — Это было забавно — ведь разрешения мы ни у кого на это не спрашивали.

Генри, кузен Люксы, породнившийся с Аресом, предал их всех разом, переметнувшись на сторону крыс во время первого визита Грегора в Подземье.

Вообще-то Арес и Люкса предпочитали о Генри не вспоминать. Поначалу Грегор думал, что они слишком сильно возненавидели Генри, но потом понял, что причина была иная: они по-прежнему любили его. Когда Генри не стало, их голоса стали тише и глуше, а в глазах поселилась боль. Им было тяжело. И все еще очень больно. И они никак не могли просто взять и вычеркнуть Генри из своей жизни.

— И этот путь, видимо, безопасен? — спросил Грегор.

— Нас никто не найдет, — подтвердил Арес. — Поспи, если сможешь уснуть.

Грегор думал, что у него это не получится, — голова наполнилась мыслями. Но он страшно устал, а потому все же прикрыл глаза. И очнулся лишь спустя несколько часов, когда Арес его разбудил. Они были уже на утесе, с которого открывался вид на джунгли — на том утесе, где попрощались с друзьями пару дней назад. Значит, летели они часов шесть или семь.

Арес был без сил.

— Мне нужно поспать, — сказал он. — Хотя бы недолго.

Арес уснул почти мгновенно, а Грегор остался сторожить его сон. Он помыл бутылки и наполнил их свежей, кристально чистой водой из источника. Потом попрактиковался с мечом Сандвича, помахав им в воздухе.

Что это было за оружие! Такое впечатление, будто Грегор и подумать не успевал о том, какое движение сделать, а меч уже сам выполнял это движение и именно в том направлении, в каком надо. Меч словно стал продолжением его руки, причем разумным продолжением.

Никакой опасности вокруг не наблюдалось, но Грегор почувствовал, как им постепенно овладевает яростничество, и тут же прекратил упражнения. А когда начал их снова — трансформация возобновилась. Означало ли это, что он наконец научился хоть немного контролировать это состояние и вызывать его у себя в нужный момент? Эта мысль его обрадовала, но воспоминания о прошлых неудачах слегка охладили его пыл.

И все же — если он научится вызывать у себя яростничество и прекращать приступ по собственной воле — это будет замечательно!

Арес проснулся через пару часов. Он поймал рыбу, они быстренько позавтракали и напились воды из источника.

— Готов? — спросил Грегор, стараясь казаться таким же невозмутимым и безучастным, как каменный рыцарь из монастыря.

— Да, — ответил Арес. — Я готов — что бы ни ждало нас впереди. Мы летим к Королеве?

Королевой назывался вулкан, возле которого погибли сотни зубастиков и о котором упоминалось в пророчестве. Это было последнее место, где они видели мышей и их преследователей — крыс.

— Да, давай начнем оттуда, — кивнул Грегор, занимая свое место на спине Ареса.

И Арес понес его к вулкану по туннелям, заполненным густым слоем вулканической пыли и пепла.

Королева встретила их тишиной и спокойствием. Мышей и Талии — юной летучей мыши, которую Арес похоронил там же, где лежали тела сотен несчастных зубастиков, — уже не было видно: они были погребены под остывающей лавой. Даже следа не осталось от разыгравшейся у них на глазах трагедии.

Арес без труда сориентировался, куда лететь дальше: он обогнул большую пещеру и влетел в длинный узкий туннель. Здесь и несовершенные человеческие уши отчетливо различали звуки,

доносившиеся откуда-то из глубины: крики, визг, звон металла о камень. В воздухе столбом стояла взбаламученная пыль.

Грегор поспешно обнажил меч, чтобы быть готовым к тому, что его ждет. Но когда они вылетели из туннеля, он задохнулся и чуть не выронил оружие.

Никогда прежде он не видел ничего такого, что могло подготовить его к зрелищу битвы крыс и людей.

ГЛАВА 4

Арес бросился прямо в эпицентр битвы. Чувства Грегора обострились, он пытался видеть и осознавать все, что творилось под ним, перед ним и вокруг него.

Это была огромная пещера, каких много в Огненной земле. Поле битвы было прекрасно освещено — гораздо лучше, чем Грегор мог ожидать, потому что всюду в стены были воткнуты факелы. Как они крепятся? — вдруг пришла ему в голову неуместная мысль. — На клею? Надо будет спросить, — машинально подумал он.

Несмотря на довольно яркий свет, разглядеть что-то было все же не так просто, потому что крысиная армия взбивала серую мягкую пыль в густые облака, поднимавшиеся до сводов пещеры. Мимо Грегора проносились летучие мыши, несшие на спинах людей. Большинство были вооружены мечами, а их лица, как и морды летучих мышей, были чем-то закрыты.

Кто-то, пролетая мимо, кинул в грудь Грегору пакет, крикнув: «Давай!»

Грегор не был уверен, что правильно расслышал и что это слово адресовано именно ему, ведь в пещере стоял оглушительный шум. Развернув пакет, он увидел две защитные маски, для него и для Ареса — и он тут же надел их на себя и на Ареса. В маске было не так удобно, зато в легкие попадало гораздо меньше золы и пыли, носившихся в воздухе, и еще она спасала от бьющего в них тяжелого запаха крови.

Кровь, кажется, была везде. Она лилась из людей, била струей, оставляя следы на шерсти летучих мышей, ею были залиты тела крыс. Грегор вдруг осознал, что целью всего творящегося перед его глазами для обеих сторон было выпустить как можно больше крови из противника, залить все вокруг кровью врага.

На долю секунды он почувствовал слабость и головокружение, но тут же взял себя в руки. Он не должен забывать, зачем он здесь.

— Ты видишь Люксу? — спросил он у Ареса.

— Нет! — крикнул тот.

Это было почти невозможно — разглядеть кого-нибудь в этой мясорубке. И даже не из-за масок на лице. Окровавленные люди, летучие мыши и крысы были еще и покрыты пеплом, что делало их неотличимо похожими друг на друга. Он мог летать тут часами, высматривая Люксу, и все равно не найти ее.

Тогда Грегор решил сосредоточиться на поисках Мортоса. Даже под толстым слоем пепла тот должен выделяться на фоне остальных — своими размерами.

Но Грегору все не удавалось увидеть среди крыс хоть одну, которая была бы значительно больше остальных. Он подумал, что, видимо, это не имеет значения, ему надо просто присоединиться к сражающимся с крысами людям, но он не представлял себе, как это сделать. Должен ли он кого-то об этом спросить? Существует ли план, согласно которому надо действовать? Если он и был, этот план, — Грегору это было неочевидно: на его взгляд, на поле боя царил хаос, и все действовали кто во что горазд.

— Что нам делать? — обратился он к Аресу. — Мы можем начать откуда угодно?

— Откуда угодно, — подтвердил тот.

Но... Даже сейчас, даже после всего, через что он прошел и что ему довелось увидеть...

Что-то внутри Грегора сопротивлялось стремлению просто взять и направить разящий меч против крыс — несмотря на то, что яростническая природа побуждала его немедленно пустить оружие в дело.

Ему надо было сосредоточиться, чтобы разобраться в себе. Он должен убивать крыс. Ради чего? Ради того... ради корчащихся в агонии мышей в колодце у вулкана... ради мамы... ради Босоножки и мышат в детском садике.

И ради Люксы, которая, вероятно, сейчас где-то там, в самом центре жестокого побоища.

Ради всего, что уже произошло и еще произойдет, — не только с ним, Воином, но и со всеми остальными, если крыс не остановить...

— Внизу! Справа! — крикнул Арес.

Грегор увидел, как безуспешно пыталась подняться с колен женщина, — из раны на ноге у нее хлестала кровь. Летучая мышь парила над ее головой, но подлететь к женщине ей мешала кружившая вокруг женщины крыса.

Кровь вскипела в жилах Грегора.

— Вперед! — скомандовал он.

Они никогда еще не участвовали в сражениях вместе, Арес и Грегор: единственная настоящая битва Грегора была в джунглях, с острогубцами. Но Ареса с ним не было, Арес как раз боролся с ужасной, неизлечимой на тот момент болезнью.

Правда, они много тренировались на стадионе и теперь настолько изучили друг друга, что в самом деле стали одним целым.

Арес нырнул вниз, чуть накренившись, чтобы предоставить Грегору наилучшую позицию для удара. Крыса прыгнула на раненую женщину как раз в тот момент, когда меч Грегора со свистом обрушился на нее — лезвие, сверкнув, отсекло крысе ухо.

Крыса с угрожающим шипением резко повернулась.

— Надо отвлечь ее, — сказал Грегор, когда Арес разогнался для следующей атаки.

На лице крысы вдруг появилось выражение крайнего изумления — она их узнала. Даже в масках, в мешанине и неразберихе боя она учуяла, что летучая мышь — это Арес, а всадник у нее на спине — Наземный.

— Воин! — завопила крыса. — Это же Воин!

Грегор услышал, как ее крик эхом прокатился по крысиной армии. Он знал, что крысы насмехались над ним — после неприятной встречи с Умняшкой и ее приспешниками, о которой он не любил вспоминать: это произошло несколько недель назад, под Регалией, тогда Умняшка, крыса, обладавшая гипнотическим даром и подзуживавшая Мортоса, натравила на него двоих своих громил. Поначалу Грегор сражался с ними достойно, но потом хвост одного из противников выбил из его рук фонарик, оставив его в полной темноте. Стыдно вспоминать, как он метался в панике по пещере, как ползал по полу на карачках, зовя на помощь Живоглота... Грегор почти сдался тогда и спасся лишь чудом.

«Ну и хорошо, — думал он сейчас. — Пускай смеются!»

Теперь, когда вокруг полно горящих факелов, опасности лишиться источника света не было. И еще — он видел, что они сделали с зубастиками, и никогда этого не забудет.

Летучая мышь смогла наконец подобраться к раненой женщине, подхватила ее и взмыла ввысь, и Грегор сосредоточился на том, что происходило прямо под ним. Не менее восьми разъяренных крыс прыгали у Ареса под лапами, пытаясь до них дотянуться. Конечно, Арес мог подняться повыше, чтобы у них не оставалось иллюзий, — но Грегору хотелось посмотреть, как высоко крысы способны прыгать. Арес дразнил их, летая над самыми головами. Одна крыса, самая крупная и атлетически сложенная, подпрыгнула как минимум метра на три — и Грегор пустил в ход меч, отсекая пару лап, которые едва не цапанули левое крыло Ареса.

— Следи за крыльями, — предостерег он Ареса.

— Вообще-то это не просто, — возразил Арес. — Чтобы сражаться с ними — нужно подлететь поближе, но если мы будем слишком близко — я не успею увернуться. Так что в случае чего тебе придется положиться на меня и мой выбор.

Грегор понимал, о чем говорит Арес. В разгар сражения, находясь в гуще врага у них не было возможности остановиться и обсудить дальнейший план действий. Арес должен был принимать решения самостоятельно, и Грегору оставалось лишь довериться ему.

— Что бы ты ни задумал, — я с тобой, — коротко ответил он.

И Арес ринулся вперед. Куда бы они ни направлялись — всюду их встречали группки разъяренных крыс. Рано или поздно они могли атаковать — если Грегор не атакует их первым. Грегор видел вокруг оскаленные пасти с острыми, как бритва, зубами и жуткие когти — и все это лишь ждало подходящего момента, чтобы вцепиться в него мертвой хваткой и в клочья разорвать его плоть.

Но почему-то страха он не испытывал.

Если ему и суждено погибнуть, то не сейчас — ведь Мортос жив. Если ему суждено умереть — то не раньше, чем он выполнит миссию, предсказанную в пророчестве, заберет белого крыса с собой.

Яростничество пульсировало у него в крови — но ему удавалось не давать ему выхода, держать в узде. Кажется, тренировки на стадионе научили его управлять собой и оставаться хладнокровным в бою. Движения его были отточенными и знакомыми — они повторяли их с Аресом сотни, тысячи раз этим летом, под руководством Марета: нырнуть, атакуя... отклониться вправо... сложить крылья... петля назад... Правда, там, на стадионе, меч Грегора либо вхолостую рассекал воздух, либо вспарывал мешки с песком. Лишь изредка они имели дело с коровьими тушами, их присылали с кухни — Марет считал, что солдат должен иметь представление о том, как ведет себя оружие, сталкиваясь с настоящей плотью. И это было труднее, чем можно себе представить: мечу нужно рассечь кожу, потом мышцы, и не все кости ему подвластны. Нужно много сил, чтобы поразить врага в жизненно важные органы.

Уроки с коровьими тушами вызывали у Грегора омерзение, но теперь он понимал, как они были важны. И был благодарен за них и за свой волшебный меч, меч Сандвича.

Он отличался от остальных мечей Подземья — как отличается нож для мяса от ножа для масла. Он был быстр, словно молния, и одним неуловимым движением мог разрубить крысу пополам. Когда его направляла рука Грегора.

Вскоре Грегор был весь забрызган кровью, и шерсть Ареса тоже стала скользкой от чужой крови, и при этом сами они не получили ни единой царапины.

Грегору не надо было думать, куда направить меч и как ударить, —

казалось, меч обладал собственным разумом и все решал сам. И с каждой падающей новой жертвой Грегор чувствовал, как растет его сила. Он ранил бесчисленное множество крыс, многих из них — смертельно, но нападающих не стало меньше — наоборот, ему казалось, что их силы удваиваются. Для того чтобы заставить себя сражаться, ему необходимо было представлять себе погибших зубастиков и вспоминать о тех, кого он любил, — а вот крысы дрались самозабвенно, забывая об инстинкте самосохранения, они бросались на него, понимая, что у них нет шанса одолеть его, — они сражались из ненависти.

«Ты в самом деле не понимаешь, сколь сильно они ненавидят тебя, Наземный?» — спросила его Люкса, когда он возмущался ее решением объявить войну.

Теперь он понимал.

— Слушай, эти крысы, кажется, и правда хотят меня убить! — крикнул он в ухо Аресу, когда они поднялись чуть выше, чтобы чуточку передохнуть.

Под ними на земле их ждали как минимум два десятка крыс, из оскаленной пасти которых текла слюна, а глаза горели ненавистью.

— А до тебя только дошло?! — спросил Арес, и Грегор услышал знакомое «хух-хух-хух!» — что у Ареса обозначало смех. И тоже рассмеялся.

Это было странно. У них обоих, невзирая на обстоятельства, было необычно приподнятое настроение. Если говорить правду — Грегор еще никогда не чувствовал себя так классно!

«Это и есть яростничество», — подумал он.

В последний раз, когда он дрался, — в джунглях, во время столкновения со змеями, — говорят, он улыбался, рубя врагам головы... Тогда это его расстроило. А сейчас, когда шла кровавая битва — этот задор уже не вызвал у него огорчения.

И у Ареса тоже... Впервые Грегор предположил, что и в Аресе тоже течет кровь яростника.

Хотя, возможно, он просто испытывал облегчение от того, что они наконец делают что-то — что-то настоящее. После того как они беспомощно наблюдали гибель зубастиков, не в силах остановить этот ужас, хоть чем-то помочь.

Как бы то ни было — оба были на подъеме.

— Готов? — спросил Арес.

— Да, вперед! — скомандовал Грегор, но тут же краем глаза кое-что заметил и успел крикнуть: — Подожди, Арес!

В эту минуту ему вдруг стало ясно, что в хаосе, который он наблюдал, прослеживался определенный порядок. Грегор и Арес находились на передней линии фронта, но была еще и вторая линия, в дальнем конце пещеры, хотя там почти ничего не было видно за облаками пыли и пепла.

— Что там такое?

Арес рванул поближе, и Грегор попытался рассмотреть и понять, что происходит внизу.

Над землей выделялся большой каменный козырек — он располагался метрах в четырех от земли на каменной стене. На этом козырьке стеной стояли люди, отражая атаку целого полчища крыс. Людей было много, но крыс еще больше. Летучие мыши, выполняя замысловатый маневр, подныривали под козырек и бросались на крыс, вырывая когтями куски плоти из их тел.

— Там зубастики! Наша армия пытается отбить их у крыс! — закричал вдруг Арес.

Грегор с трудом рассмотрел сбившихся в кучку мышей. Люди защищали их, а мыши пытались покинуть пещеру, добравшись до входа в туннель, расположенного нескольких метрах от них. Задача была трудная и опасная, потому что люди не так уж искусно сражались с крысами. Но выбора у них не было — Грегор это сразу понял: каменный козырек делал полеты летучих мышей очень опасными.

У входа в туннель побоище было особенно жарким. Тела людей и крыс сплелись здесь в огромный орущий ком. Люди использовали свой излюбленный боевой маневр — они выстроились клином и так отражали атаки крыс. А в самом центре их строя была... крыса!

Живоглот.

Он вращался вокруг собственной оси с такой скоростью, что пыль не успевала оседать на нем и кружила вокруг, завихряясь воронкой. Любая крыса, которая вставала на его пути, моментально лишалась жизни. Грегор не мог знать, как давно продолжался бой, но он знал другое: даже у Живоглота есть предел возможностей. Как он тогда сказал? «Я начал уставать после четвертой сотни...»

Живоглот как раз сцепился с огромной крысой, прыгнувшей прямо на него. Ему удалось сломать ей шею, но было видно, что он уже едва держится на ногах.

— Мне нужно туда, вниз! — крикнул Грегор.

Арес стремительно летел вперед и вниз. Грегору было слышно, как тот кричит:

— Я здесь!

Крысы сразу почувствовали, что Живоглот ослаб. На него напали семеро, чтобы прорваться к выходу из пещеры. Грегор спрыгнул прямо в круг, где стоял Живоглот, поскользнувшись на месиве из крови и пыли, чуть не упал, но удержался на ногах. Он выставил вперед меч и занял оборонительную позицию.

На секунду крысы растерялись, они не ожидали появления нового противника. Затем передняя крыса с угрожающим воплем бросилась на него, намереваясь вцепиться прямо в глотку.

ГЛАВА 5

Ноги Грегора начали вращение еще до того, как он успел подумать, что неплохо было бы это сделать. Он успел только раз оглянуться, а его меч уже разил крыс слева от него, по несколько одним ударом. Справа от него кто-то расправился еще с несколькими крысами.

Но тут сразу три жутких крысы выросли перед ним как из-под земли.

Он переступил ногами в новых кроссовках, чтобы занять более устойчивое положение.

Эта троица была как две капли воды похожа на спутников Умняшки. Они были больше обычных крыс — каждый размером почти с Живоглота. Морды их были перепачканы слюной и кровью, а шрамы на мордах свидетельствовали об участии в жестоких боях.

Но главное... Главным был их взгляд.

В их глазах читалась такая жестокость, такая безжалостность, что Грегор сразу понял: перед ним не просто враг — но враг особый, с суперподготовкой. Они умели драться в команде и набросились на него сразу, с трех сторон. Было почти нереально отразить такую атаку.

Но Грегор смог — он позволил яростничеству овладеть собой целиком, и это сделало его зрение избирательным и необычайно острым, позволило противостоять этим жаждущим крови зубам и когтям и четко контролировать их движения.

Как всегда во время приступа яростничества, звуки слились у него в ушах в один непрекращающийся гул, но на этот раз через гул пробился чей-то голос. И хотя голос был хриплым и почти неузнаваемым — все же он мог принадлежать только одному существу на свете.

— О, посмотрите, кто осчастливил нас своим присутствием! И пахнет от него пудингом и пеной для ванны! М-м-м. Как это мило с твоей стороны. У тебя были славные маленькие каникулы, а? Пока мы тут дышали серой и ели... А на самом-то деле и не ели. Говарда посетила замечательная идея отпороть кожаный карман от твоего рюкзака — мы могли время от времени его жевать, но знаешь, не могу сказать, что этого было достаточно. Нет, совсем недостаточно, если говорить откровенно. А тут еще заварушка с освобождением зубастиков! Как видишь, крысы не в восторге от этой идеи.

Грегору хотелось попросить Живоглота заткнуться, сказать, что он сбивает его с толку. Но ему не хватало воздуха, да и слова не шли на язык. Такое бывает во сне: когда хочешь что-то сказать — и не можешь. Чей-то

страшный коготь мелькнул у него перед глазами, на расстоянии всего нескольких дюймов от шеи — и он тут же полоснул крысу мечом. С воплем боли крыса тут же отпрянула назад.

Так, теперь двое.

— Ты знаешь, я тут по-новому взглянул на твою подружку, — продолжал Живоглот почти лениво, будто они просто мило, по-дружески болтали.

— Она не моя подружка! — хотел закричать Грегор, но слова не шли. Да и потом — Живоглот ведь знал о его чувствах к Люксе, — если возражать, можно только дать повод для новой болтовни.

— Крепкий орешек, скажу я тебе! Тебе стоило бы видеть, как она уводила зубастиков прямо из-под носа Мортоса. Ее бабуля была бы довольна и вполне могла бы ею гордиться!

Это последнее, что было нужно Грегору, — думать о Соловет, бабушке Люксы, и о ее реакции на его побег.

— Но честно говоря, я за нее беспокоюсь, — заметил крыс. — Не за бабушку — за внучку.

Грегор в этот момент поразил следующую крысу, которая, захрипев, упала и забилась в конвульсиях.

Но на этот раз он не мог оставить без внимания слова Живоглота. Почему крыс беспокоится о Люксе? Она больна? Ранена?

— А что случилось? — с трудом вымолвил он.

Оставалась последняя, третья крыса — огромная тварь с оскаленными зубами.

— Ей нужен свежий воздух. Хотя бы чуть-чуть. У нас не было масок, пока не появилась армия, она дышала этой гадостью несколько дней, — сказал Живоглот. — Я тоже без маски. Не буду же я надевать ее во время боя — мешает! Но справедливости ради — мои легкие крепче, чем у нее.

— Она больна? — Грегор уже дважды ранил мечом противника, но, казалось, это лишь сильнее разозлило огромную крысу, не причинив ей большого вреда.

— Больна? Ну да. Можно сказать и так. Хотя, говоря откровенно, я сомневаюсь, что она вообще жива, — сообщил Живоглот.

Рука Грегора дрогнула, и крыса, с которой он дрался, с силой ударила его хвостом. Он упал на правый бок, прямо на меч, и кошмарная крыса немедленно бросилась на него. Грегор пытался увернуться, но крыса вдруг взлетела вверх, издавая полные злобы и ненависти вопли: это Арес вонзил когти ей в зад и поднял в воздух. Крыса пыталась извернуться и цапнуть его когтями, но ей это не удалось. Когда Арес сбросил ее вниз, она с визгом

полетела, ударилась о поверхность — и замолкла навсегда.

Живоглот сделал пару шагов, приблизился к Грегору и дал ему хвостом легкий подзатыльник.

— Тебе нужно учиться владеть собой, парень! Вставай!

Грегор сконфуженно потер ушибленное место. Это что же, очередная гениальная находка Живоглота — тренировка в боевых условиях?! Может, он брякнул эту жуть про Люксу только чтобы проверить Грегора? А на самом деле с ней все в порядке? Ему очень хотелось об этом спросить, но он был уверен, что это даст Живоглоту только лишний повод для издевок еще на неделю, не меньше. Если они, конечно, выживут.

— Да давай же, вставай! — прикрикнул на него Живоглот.

Грегор вскочил. Живоглот опять находился в центре арки. Слева от него стояла женщина, которую Грегор знал, — Перита. Она однажды чуть не погибла на его глазах — в ту первую ночь, когда Грегор оказался в Подземье. Он пытался бежать, нарвался на крыс на пляже, и его спасала целая компания людей и летучих мышей. В ту ночь Перита получила тяжелое ранение. Но все же она оправилась от него, и Грегору уже доводилось тренироваться с ней вместе. Она одинаково хорошо владела и мечом и кинжалом и во время тренировки с кровавыми шариками разбивала чуть ли не столько же шариков, сколько Грегор. И считалась одним из лучших бойцов Регалии.

Справа от крысы сражался человек, которого Грегор никогда прежде не видел. Это совершенно точно — потому что если бы видел, он бы его не забыл: в человеке было около семи футов росту. Он двумя руками размахивал тяжеленным мечом, таким длинным, что тот был Грегору почти по плечо, и громко кричал, даже можно сказать — ревел во время боя.

— За мной! — велел Живоглот и хвостом показал Грегору его боевую позицию за спиной Периты.

— Она жива, Наземный! — крикнула Перита, ловко орудуя мечом.

— Спасибо! — только и сказал Грегор.

Странно, но он испытывал сейчас скорее благодарность, чем смущение, несмотря на то что Перита тоже оказалась в курсе его отношений с Люксой. Да все, наверное, в курсе.

Но Живоглот прав — сейчас об этом думать не стоит. Не до того. Сейчас надо сосредоточиться на бое.

Грегор был не единственным, кто присоединился к охранявшим выход из туннеля бойцам: казалось, здесь теперь сосредоточились почти все силы — и люди, и летучие мыши. Не было времени ни на объяснения, ни на приказы, и единственная цель была теперь всем понятна — остаться в

живых.

Он знал, конечно, что Арес прекрасный боец — но в этой битве он был не просто хорош, он был великолепен. Пока люди сражались внизу, летучие мыши могли делать немного: иногда нападать на крыс сверху. Они ныряли в воздухе, вырывали когтями куски плоти из крысиных тел и снова взлетали. Но Арес... Арес, единственный из всех, смог подцепить здоровенную крысу когтями, поднять в воздух и с силой бросить на землю, где она издохла. Он снова и снова поднимал одну крысу за другой, тем самым спасая от гибели людей. И пока шла битва, Грегор все чаще слышал отчаянный крик: «Арес!» — звучавший, как призыв к спасению. И несмотря на жуткие обстоятельства, Грегор был рад тому, что его Ареса, который долгое время оставался изгоем, наконец оценили как он того заслуживал.

Трудно сказать, сколько продолжался бой, — полчаса или сорок минут, но люди вдруг начали кричать: «Зубастики внутри! Зубастики внутри!» Видимо, это означало, что все зубастики наконец проникли внутрь туннеля. У него самого не было возможности даже оглядеться по сторонам, поэтому он не представлял себе, каково их положение сейчас.

Через несколько минут люди передали друг другу по цепочке приказ отступить в туннель. Но Живоглот тут же рявкнул Грегору: «Это к тебе не относится, парень!» — и Грегор остался на своей позиции. Честно говоря, это стоило ему больших усилий: колени были разбиты в кровь и очень болели, да и удерживать равновесие стало нелегко. Вокруг началась суматоха, люди и летучие мыши толпой валили в туннель. Он слышал крики: «Никаких факелов! Только без факелов!» — и все думал, что же они означают. Факелы летели в крысиную армию, сея среди крыс хаос и панику.

Отступление в туннель заняло не так уж много времени — считанные минуты, и вскоре перед входом остались только Перита, Грегор, Живоглот и тот гигант, которого Грегор прежде не встречал, — они и защищали вход.

— Летящие, вперед! — скомандовала Перита, и Арес с еще двумя летучими мышами полетел над крысиной армией, забрасывая их горящими факелами, а затем нырнул в туннель.

Наконец и Грегор, сражаясь, двинулся к туннелю. Войдя в него, он сразу понял, что двигаться придется на ощупь.

— Почему без факелов?! — заорал он, но ответа не последовало.

Может, воздух здесь пропитан чем-то взрывоопасным?

А может, здесь есть растения, которые хорошо горят, — мох или что-то вроде того. Было абсолютно темно, только едва пробивался свет от входа —

этого ему хватило, чтобы найти кнопку «вкл» на фонарике. Грегор включил фонарик на максимум, но как насчет остальных? Живоглота, положим, свет не нужен, он может «видеть» при помощи эхолокации, как и любая другая крыса, Перите хватит света от его фонарика. Но тот большой воин... с тяжеленным мечом... ему тоже придется туго.

— Назад! Там слишком темно! — крикнул Живоглот гиганту, но тот в ответ махнул рукой и выругался.

Грегор вытащил запасной фонарик и помахал им.

— Эй! Ты, который в самом конце! — заорал он.

Снова никакого ответа.

— Йорк, — подсказала Перита.

— Эй, Йорк! — позвал Грегор.

Гигант обернулся, и Грегор бросил ему фонарик.

— Сунь его в зубы! — посоветовал он гиганту.

Времени приматывать фонарик к рукаву Йорка не было, так же, как объяснять, что это такое. Но Йорк, казалось, догадался и сам: он оттянул маску на лице, сунул фонарик в рот и снова бросился в бой.

Может, позади них были еще солдаты — Грегор не видел. Чем глубже крысы загоняли их в туннель, тем темнее становилось вокруг, скоро лишь лучи фонариков разрезали плотный мрак. Он сражался с осаждавшими его крысами, стараясь прикрыть Периту, и не мог ни на секунду отвлечься. Грегор все еще справлялся, но уверенность постепенно стала его покидать. Вот крысиный хвост мелькнул в опасной близости от фонарика, и стекло треснуло. Вот крысиная лапа вцепилась в клейкую ленту и чуть ее не отодрала. Грегор понял, что сейчас лишится фонарика — крысы явно старались лишить его света. Они наверняка знали о его позорном столкновении с Умняшкой и ее громилами, знали, что без света он беспомощен.

Грегор сорвал с лица маску, отодрал от рукава фонарик, сунул его в рот, как только что советовал Йорку, — и тут же едва успел отбиться от крысиного хвоста, который метил прямо ему по губам. Ярости в нем почти не осталось, силы покидали его. Вместо уверенности и азарта он испытывал страх. Что делать? Сказать Живоглота? Продолжать сражаться? Бежать? Ведь без яростнических способностей он был всего-навсего двенадцатилетним мальчишкой, который получил несколько уроков владения мечом. И вдобавок — очень уставшим, понял он внезапно.

Крысиный коготь вцепился ему в голень и выдрал порядочный кусок мяса. Кончик чьего-то хвоста стукнул по фонарику и чуть не выбил его, а пока Грегор возвращал его на место — острый коготь другой крысы

царапнул шнуровку на кроссовках.

— Я больше не могу! — попытался крикнуть Грегор, но с фонариком в зубах сделать этого не мог. Ему надо было дать знать остальным, что им уже нельзя на него рассчитывать...

— Эй!

Ноги разъехались в разные стороны, он упал навзничь и оказался весь в чем-то скользком и липком. В какой-то густой жидкости. Встать получилось не сразу.

— Бегите! Все! — скомандовал Живоглот и начал свою круговую атаку.

Да что происходит?!

Грегор с трудом поднялся на ноги и огляделся по сторонам. Он смог это сделать благодаря фонарику Йорка: его собственный выпал у него из рта, когда он вскрикнул, падая в лужу. Грегор увидел, что Йорк и Перита бросились выполнять приказ Живоглота без малейших колебаний, и он побежал за ними.

Вообще-то «побежал» — громко сказано. Скорее попытался бежать, но больше это было похоже на то, как если бы он продирался сквозь густой кисель. Пол здесь уходил слегка вниз, и жидкость доходила ему уже до груди. Сам себе он больше всего напоминал поплавков. В свете фонарика Йорка было видно, что эта блестящая, густая черная жидкость покрывает сплошь весь пол в туннеле.

«Масло. Или нефть», — подумал Грегор. Что же еще?

Он поднял меч над головой, надеясь только на то, что дальше не станет еще глубже.

Вперед, вперед, пока их не залило с головой!

Вдруг впереди замаячил свет — свет в конце туннеля.

Жидкости стало меньше, и Грегор мог двигаться чуть быстрее, но все равно очень осторожно, потому что было ужасно скользко. Наконец он побежал, когда жидкости стало по колено, — и выскочил из туннеля! Перед ним раскинулась огромная пещера, с полкилометра длиной, и пыли здесь было в разы меньше, чем в той пещере, где они только что сражались с крысами. В дальнем конце горели факелы, но все они были расположены очень высоко на стенах. А внизу толпились, прижимаясь к стенам, сотни зубастиков.

Грегор не понимал, что происходит, но он снова принял привычную позу, выставив меч вперед и начав вращение — это было единственное, что он мог делать независимо от яростничества. К нему словно пришло второе дыхание. Масла здесь не было, он постарался занять как можно более

устойчивое положение на полу, засыпанном пеплом, и смог ускориться.

Вокруг летали люди на летучих мышах, они подхватывали задыхающихся и раненых зубастиков. Арес подлетел было к нему, но Грегор махнул рукой в сторону мышей, кое-кто из них не в состоянии был стоять на лапах. Внезапно пепел под ногами исчез, и Грегор снова ступил в какую-то жидкость, но на этот раз это была проточная вода — он оказался в реке. Грегор подхватил захлебывавшегося мышонка и посадил себе на плечо — к счастью, тот мог держаться самостоятельно, потому что руки Грегора были теперь заняты другим мышонком. Только выбравшись на берег, он разжал руки и выпустил мышонка на землю.

Тяжело дыша и откашливаясь, Грегор оглянулся: последних мышей уже подняли и перенесли сюда. Трое людей на летучих мышах летели в направлении туннеля с черной жидкостью, и у каждого в одной руке была миска, а в другой — горящий факел.

— Могу я дать сигнал, ваше высочество? — прокричал чей-то голос.

— Пока нет.

Грегор едва узнал этот хриплый голос.

Он повернулся и увидел Люксу в нескольких ярдах позади себя, глаза ее не отрывались от туннеля. Она вся была перепачкана черным маслом и выглядела такой слабой, будто находилась на грани обморока.

— Сейчас, ваше высочество? — Голос был полон нетерпения.

— Дайте ему еще несколько секунд, — тихо сказал Люкса. — Вот он!

Грегор посмотрел в сторону туннеля: из входного отверстия выскочил и помчался к ним кто-то блестящий от масла и огромный. Живоглот! А за ним... За ним ведь наступала целая армия крыс.

И тогда Люкса прошептала:

— Пора.

Все трое швырнули факелы в туннель, из которого в пещеру выливалось масло. И тут же до самого потолка взметнулся столб огня, отрезая от выхода крысиную армию. Грегор понимал, что огонь сейчас стремительно распространяется по туннелю, уничтожая все на своем пути. А это означало, что крысы горели заживо, и едкий черный дым отравлял тех, кому посчастливилось оказаться далеко от огня, и это было наверняка ужасно.

Но теперь главным стало другое: в пещеру выплеснулось столько масла, что огонь загорелся и здесь. И хотя он был не таким сильным, как в туннеле, все же, учитывая, что их тела были пропитаны маслом, это было очень опасно. Смертельно опасно.

Грегор вскочил на ноги.

— Живоглот! Где Живоглот?! — закричал он, и тут увидел, как огромный крыс плывет по реке прямо перед его носом. Над головой Живоглота парил Арес.

Живоглот не торопясь вылез на берег и задумчиво следил за тем, что происходило у него перед глазами. Никаких следов крысиной армии — только ревущий огонь в туннеле и перед ним. Дойдя до реки, пламя останавливалось, через воду оно пройти не могло. Так что все, кто добрался до этого берега, были в полной безопасности.

— И чья это была идея? — проскрипел Живоглот.

— Королевы Люксы, — ответил ближайший подземный.

Живоглот повернул голову, внимательно посмотрел на Люксу, прислонившуюся к скале, кивнул в знак одобрения:

— Хороший план.

Люкса открыла рот, чтобы ответить, но вместо слов вдруг закашлялась. Это был ужасный, лающий кашель, от которого все ее тело сотрясалось. Когда она отняла руку ото рта, ладонь у нее была красная от крови. Она с удивлением несколько секунд смотрела на кровь, а потом рухнула на землю.

ГЛАВА 6

С десяток людей кинулись к Люксе, но Грегор первым оказался рядом с ней.

— Люкса! Люкса!

Он не мог скрыть отчаяние.

Перевернув на спину, бережно положил голову Люксы себе на колени. В это время новый приступ кашля сотряс ее тело, тоненькая струйка крови появилась в уголке ее губ и потекла по подбородку.

Одетая в белое подземная-врач откупорила какой-то флакон и поднесла его к губам Люксы.

— Ты только посмотри! Ее надо было отправить домой несколько дней назад! — услышал Грегор грубый мужской голос.

Оглянувшись, он увидел, что это сердито выговаривал кому-то гигант Йорк.

— Мы не могли ее заставить, — еле слышно отвечал ему другой голос, такой знакомый.

Сказав это, Говард, а это был именно он, наклонился и вытер лицо Люксы кусочком ткани. Сам Говард выглядел при этом ничуть не лучше Люксы.

— А ты почему все еще здесь?! — вне себя от гнева продолжал Йорк.

— Я... Это мой долг, — просто сказал Говард. — Тут много раненых, отец.

Отец?! Так этот гигант — отец Говарда? Грегор попытался вспомнить все, что о нем знал. Отец Говарда — правитель на Источнике... он хорошо относится к мышам. И... И это все.

— Ты им ничем не поможешь в таком состоянии. Вы оба! В Регалию! Немедленно! — подняв голову, Йорк громко скомандовал: — Мне нужен летящий, у которого еще остались силы!

Арес опустился на землю:

— У меня остались силы, — произнес он. — Я тоже был там, где пепел, но всего несколько часов.

— Мы можем доставить их в Регалию, — добавил Грегор. — Он и правда очень быстрый.

Йорк глянул на них и протянул Грегору фонарик, который тот дал ему в пещере.

— Грузим их! — приказал Йорк и поднял Люксу с такой легкостью,

будто она была тряпичной куклой.

Грегор поспешно вскарабкался на спину Аресу — пока никто не сказал, что он никуда не полетит.

— Ей лучше сидеть во время полета, — сказала врач, — так ей легче дышать.

Йорк посадил Люксу перед Грегором:

— Сможешь удерживать ее в таком положении?

— Да, — ответил тот. Он обнял Люксу за талию и прижал к себе, так что голова ее откинулась ему на плечо. — Я смогу.

— Если снова начнется кашель — давай ей по глоточку этого лекарства. — Врач протянула ему флакон. — Говард подскажет, если что. Но вообще-то — вся надежда теперь на врачей Регалии.

Говарда тоже усадили на спину Ареса.

Люкса вдруг забеспокоилась и простонала:

— Аврора...

— Не волнуйся, племянница, она полетит на моей летящей, следом за тобой, и с ней все будет в порядке, — и Йорк погладил ее по волосам.

— Живо... Живоглот... — не успокаивалась Люкса.

Крыс тут же оказался рядом и ткнул ее носом:

— Я здесь, — произнес он.

— Зубастики. Если я умру... — выдохнула она.

Живоглот решительно ее перебил:

— О нет, ты слишком важная персона, чтобы умереть!

Люкса попыталась улыбнуться, и ей это почти удалось.

— Не беспокойся, твое высочество, я за ними пригляжу. — Живоглот кивнул Аресу: — Высокого тебе полета. Высокого и быстрого.

Арес взмыл в воздух и быстро замахал крыльями. Им не надо было лететь извилистыми тайными путями, но и прямой путь казался теперь невыносимо, мучительно долгим.

Даже в бою Грегор не испытывал ничего похожего на ужас, который терзал его в полете. Люкса была так больна — она едва могла дышать, была изранена и вся горела, — он боялся, что она не доживет до дома. В какой-то момент, когда она затихла, он запаниковал, что Люкса умерла.

— Люкса! — заорал он и начал трясти ее, а она закашлялась, и у нее снова пошла кровь. Но она была жива, все еще жива.

— Говори с ней, Грегор, — посоветовал Арес. — Как тогда, в потоках, ты говорил со мной.

В самом деле, когда они попали в сумасшедшие воздушные потоки и Арес обезумел от бесплодных попыток справиться с ними, Грегор отвлекал

его от паники бесконечным монологом — это успокаивало Ареса и не давало ему падать духом. И вот теперь Грегор начал рассказывать Люксе все, что приходило ему в голову: он говорил о Нью-Йорке, о том, какой забавной бывает Босоножка, о том, как он рисует на бумаге паутинки, о том, что такое зима и на что она похожа, о рецепте соуса для спагетти миссис Кормацы... обо всем — только бы она не впала в забытие.

Где-то за ним, в темноте, лежал Говард. Грегор вспоминал о его присутствии, когда Люкса кашляла и Говард напоминал ему о лекарстве. Как бы плохо ни чувствовал себя Говард — к счастью, он был в сознании, в отличие от своей кузины.

Прошла, кажется, целая вечность прежде чем Грегор начал узнавать места, над которыми они пролетали, — они приближались к Регалии. Вот показалась широкая и бурная река, что текла от самого Источника через Регалию, впадая в Водный путь. Она почему-то стала совсем не такой бурной, какой помнил ее Грегор, — на поверхности не вскипала пена, превращаясь в белых барашков, а значит, скорость течения была значительно ниже, чем обычно. Видимо, разрушения, вызванные землетрясением, которое произошло недалеко от Источника и уничтожило колонию зубастиков, изменили русло реки.

— Мы почти прилетели, — уговаривал Грегор Люксу. — Мы почти на месте.

Она не могла ему ответить. Она даже уже не кашляла. Но все еще была жива — Грегор чувствовал, как поднимается и опускается ее грудь.

Арес подлетел прямо к пристани. Еще не приземлившись, Грегор принялся вопить:

— На помощь! Врача! Скорее! Врача!

Подземные поспешно сняли Люксу и Говарда со спины Ареса и уложили на носилки. С Грегором тоже хотели так поступить, но он растолкал всех и побежал за носилками с Люксой.

Ее отнесли в какое-то помещение, напоминающее палату реанимации, и вокруг нее теперь суежилась целая команда докторов. Грегор пытался рассмотреть, что с ней делают, но его бесцеремонно выставили из помещения, и каменная дверь захлопнулась перед самым его носом.

Он стоял, задыхаясь и дрожа, отбиваясь от докторов, которые предлагали ему помощь, пока не появился Марет, который взял Грегора за руку и повернул к себе:

— Грегор, — сказал Марет, — тебе нужна медицинская помощь. И ты должен пойти со мной.

— Она ведь выживет, да? — спросил Грегор.

— Я не знаю. Но врачи делают все, что только возможно. Ты не сможешь ей или кому-то еще тем, что позволишь собственным ранам воспалиться, — ответил Марет. — Пойдем.

Вскоре Грегор снова нежился в ванне с травяными настоями, которые вымывали пепел и нефть из его кожи. Ему порядком досталось от крыс, особенно постаралась та, что добралась до голени. Раны ему промыли, зашили, смазали лечебными мазями и перевязали, но он отказывался пить какие-либо лекарства, которые подносили к его губам, — он понимал, что ему дают снотворное, а спать он не собирался. Марет позаботился, чтобы фотография из заднего кармана штанов Грегора была перемещена в карман его новой одежды, а меч стоял возле кровати, на которой Грегор лежал.

Но он требовал, чтобы ему позволили встать. В обычной ситуации он бы этого никогда не добился, но сейчас больница была переполнена людьми и зубастиками, пострадавшими во время боя, и долго с ним возиться у врачей не было возможности.

Он вышел из палаты и слонялся по коридору, пытаясь хоть что-нибудь узнать о Люксе, но ему это не удалось. Время от времени он подходил к палате мамы и через стекло смотрел на нее, спящую, — к счастью, она выглядела теперь лучше, чем в прошлый раз. Потом снова принимался бродить по коридору.

Наконец Марет не выдержал:

— В старом детском саду зашиваются с мышатами из Огненной земли, — сказал он. — Из свободных рук — только мы с тобой. Пойдем посмотрим, вдруг можем чем-то помочь.

Вывав у врачей обещание, что они дадут знать, если будут какие-то новости о состоянии Люксы, Грегор отправился вслед за Маретом.

В садике царил ужасный хаос. Мышат только недавно доставили из Огненной земли. Тех, что были совсем плохи, отправили в больницу, но остальные тоже нуждались в помощи. Панцирь каменной черепахи Сандвича был открыт (Соловет, конечно, обнаружила тайный ход, когда Грегор сбежал) — и мышат приносили со стороны водохранилища. Садик мог вместить отнюдь не всех, поэтому вся лестница сверху донизу была заполнена больными и покалеченными мышатами.

В первую очередь их пытались отмыть.

В том бассейне, где Грегор совсем недавно играл в прятки, теперь было полно воды с лечебными травами, в которых мышат отмывали. Две другие комнаты были превращены в огромные гнезда — туда набросали множество одеял, а в еще одной комнате было что-то вроде столовой, где голодных и испуганных детишек пытались накормить.

Едва их заведя, Далея бросилась к Грегору. Одной рукой она прижимала к себе верещавшего мышонка, завернутого в полотенце, а другой пыталась схватить еще одного:

— Марет! Грегор! Вы можете помочь в бассейне?

— Обязательно, — кивнул Грегор, радуясь, что может чем-то себя занять.

В следующую минуту он уже стоял по пояс в воде, держа в руках мышонка. Малыш трясся от страха так сильно, что у него стучали зубки. Грегору стало нестерпимо его жалко: маленький, беспомощный, измученный и больной мышенок вдруг оказался здесь совсем один, без мамы с папой, не понимая, где он и что случилось.

— Все будет хорошо, малыш, с тобой все будет хорошо, — приговаривал Грегор нежно. Шерстка мышонка слиплась от нефти и пепла, ее не так-то легко было отмыть, но с помощью какого-то специального шампуня и губки Грегору наконец удалось вернуть шерстке природный серый цвет. Едва он успел передать мышонка кому-то, кто держал наготове полотенце, — а в руках у него уже трепыхался следующий.

Их было очень много, они все возникали и возникали в руках у Грегора. Он работал без устали, намывал мышат, шептал им успокаивающие слова. Но мыслями он оставался там, в больнице, рядом с Люксой. Один раз, когда мимо проходил врач, он кое-что выяснил: врачи старались вывести токсины и пепел из организма Люксы, но пока без особого успеха, потому что ее легкие несколько дней дышали только загрязненным воздухом. Но по крайней мере — она жива.

Марет и Далея время от времени уговаривали его немного отдохнуть, но он не мог и не хотел остановиться. Протянув руку за следующим мышонком, он вдруг увидел Босоножку. Она стояла у края бассейна с тарелкой в руках и махала ему рукой.

— Привет, Босоножка, — сказал Грегор и подошел поближе. — Ты чего?

— Я помогаю Далею кормить мысат, — ответила она. — А теперь она сказала кормить тебя.

На тарелке лежали кусочки мяса, немного хлеба и стояла большая кружка с чаем. Грегор немного поел, чтобы порадовать Босоножку, и после еды стал чувствовать себя лучше.

— Спасибо, — поблагодарил он сестренку.

— Я пойду исё кормить мысат, — сообщила она.

— Отличная работа, — похвалил он.

— А ты моешься в ванне, — напомнила она.

— Точно! — и он потянулся за следующим мышонком.

Так продолжалось еще несколько часов, пока Далея не похлопала его по плечу:

— Грегор, тебя зовут в больницу, — сказала она.

Грегор тут же вручил кому-то, кто стоял рядом, очередного мышонка и пулей вылетел из воды. Кожа у него сморщилась и побледнела от стольких часов, проведенных в воде, ноги подгибались от усталости. С одежды ручьями стекала вода. Хорошо, что он разулся, когда входил в воду. Сухие носки и кроссовки с трудом удалось натянуть на разбухшие от воды ступни.

— Она в порядке? Я могу ее видеть? — спрашивал он, от волнения лязгая зубами.

— Не знаю, — ответила Далея. — Знаю только, что тебе велели срочно прийти. — И она указала Грегору глазами на дверь.

Там стояли Горацио и Маркус.

— О, мои дорогие телохранители! — Грегор положил ладонь на рукоять меча.

У него не было дурных предчувствий. Всю дорогу он торопился увидеть Люксу. Он почти бежал, и они молча следовали за ним по пятам, и он слышал их четкие шаги у себя за спиной. Через толпу мышат, по коридору, вниз по лестнице, ведущей в больничное крыло. Он выбрал короткий путь, свернув на боковую лестницу, в самом низу которой была каменная дверь, что вела в больницу. Но Грегор не дошел до этой двери.

Примерно за десять шагов до нижней ступеньки Горацио внезапно прижал его к стене и, прежде чем Грегор сообразил, что происходит, Маркус заломил ему руки за спину. Грегор начал орать, и в рот ему сунули кляп. Потом подняли и понесли обратно, вверх по лестнице, свернули в узкий проход и спустились глубоко вниз, под Регалию. Он отчаянно сопротивлялся, но они были слишком сильны. Наконец они подошли к массивной каменной двери, втокнули его внутрь и встали у входа с оружием наизготовку.

Грегор оказался в небольшой комнате с очень низким потолком.

Он как раз поднимался с колен, когда на пороге возникла Соловет.

— Мы... нам с тобой следует прийти к согласию, — произнесла она.

На этих ее словах дверь захлопнулась, в замочной скважине повернулся ключ, и Грегор очутился в кромешной темноте.

ГЛАВА 7

Грегор хотел завопить от ярости, но не мог — во рту торчал, кляп. Он вскочил на ноги и бросился к двери. Он пытался вышибить ее плечом, но у него ничего не вышло: дверь была из цельного камня, она даже не дрогнула от натиска Грегора.

Некоторое время он продолжал мычать и метаться по своей камере, но наконец понял, что это бессмысленно — его не слышно снаружи, а если и слышно — его стражи надежны и невозмутимы.

Он сел, прислонившись спиной к двери, и постарался успокоиться.

Это было не так просто — в крови закипало яростничество. И не имея возможности выплеснуть свои эмоции — как в битве с крысами, — он чувствовал, что вот-вот потеряет над собой контроль. Он не мог смириться с кожаными путами, что сковывали его руки за спиной, и рычал от бессильной злобы и жгучего желания кого-то немедленно убить.

— Ну-ка успокойся! — приказал он самому себе. — Успокойся!

Он сделал несколько глубоких вдохов и попытался разобраться в ситуации.

«Каков твой план?» — снова услышал он в голове голос Живоглота. Это всегда помогало ему сосредоточиться.

«Прежде всего нужно освободить руки», — сразу пришел ответ. Они забыли забрать у него меч, а значит, не все потеряно. В полной темноте Грегор двигался вдоль стены на ощупь, пока не дошел до угла. Здесь он развернул меч таким образом, что тот оказался позади него. Водрузив меч в угол, он присел и с трудом вытянул меч из ножен — примерно до середины. Затем, придерживая меч и постоянно теряя равновесие, стал осторожно тереть ремни на запястьях о лезвие меча. Оно было острым, как бритва, и это заняло у Грегора немного времени — скоро ему удалось освободить руки. Он тут же вытащил изо рта кляп и с отвращением отбросил его в сторону. Теперь он мог орать по-настоящему громко — но не стал, понимая, что никто не придет его спасать.

Вокруг было абсолютно темно. Они не оставили ему даже жалкой свечки.

Йорк вроде отдал ему фонарик... А где он, кстати? Потерялся в суете в больнице, наверное. А дверь настолько толстая и массивная, что ни один лучик света не проникает сюда снаружи.

Грегор решил на ощупь исследовать свою темницу.

Она была маленькая и квадратная, примерно три на три метра. Потолок настолько низкий, что, когда стоял, — Грегор упирался в него головой. И в камере ничего не было. Ни скамейки, чтобы сидеть, ни еды, ни воды. Ни даже места, куда можно сходить в туалет. Или одеяла, чтобы укрыться, — а этого ему хотелось сейчас больше всего, потому что в камере было холодно, а одежда еще не просохла после купания мышат.

Грегор забился в угол и сунул руки под рубашку, чтобы согреть хотя бы ладони.

Зачем Соловет так поступает?

Видимо, хочет наказать его за то, что он сбежал в Огненную землю. Показать ему, что здесь главная она и что она может сделать с ним что угодно, если он ее ослушается.

Но Грегор чувствовал, что здесь кроется подвох. Если бы она действительно была столь всевластна, — ей не пришлось бы тайно, с помощью Горацио и Маркуса, похищать его и бросать в темницу. Его бы просто арестовали, как тогда, когда он явился в Регалию, не убив Мортоса и отдав крысеныша Живоглоту. Тогда он подвергся аресту, после чего состоялся суд.

А теперь Грегор был почти уверен, что только Соловет и несколько ее солдат знают, где он находится. А остальные? Кто-нибудь в курсе, что он исчез? Далее видела, как Горацио и Маркус увели его, но они сказали, что сопровождают его в больницу. Да и вряд ли у Далее есть время думать об этом и волноваться. Марет... он обычно не спускал глаз с Грегора и заботился о нем, но теперь, когда во дворце царила такая неразбериха, он скорее всего подумает, что Грегор умчался решать очередную проблему. Даже Босоножка слишком занята, чтобы скучать по нему. Мама больна, отец дома, в Нью-Йорке, Люкса и Говард балансируют между жизнью и смертью... Арес? Но он, без сомнения, слишком много сил потратил во время сражения в Огненной земле, а потом по пути в Регалию — такое вряд ли еще кому под силу. Так что Арес наверняка и когтем не может сейчас пошевелить.

Значит, остается Викус. Догадается ли он, что Грегор заперт в темнице?

С того момента как началась война, Викус работает сутками напролет. И Грегор был уверен, что Соловет ему ничего не скажет. Они муж и жена — но доверия между ними нет, взять хотя бы эту историю с чумой.

А раз Соловет могла утаить от мужа такое — про Грегора ей ничего не стоит умолчать.

Прошло, вероятно, несколько часов. Грегор, скорчившись, сидел в

углу, пытаясь хоть как-то согреться — одежда, казалось, и не собиралась сохнуть. Он был голоден и измучен, а темнота давила на глаза.

Мысли его крутились вокруг «Пророчества Времени», вокруг его смерти и того, как ему придется убивать Мортоса. Честно говоря, он не понимал, как может это сделать, сидя здесь. А что случится, если он этого не сделает? И что будет с этим Кодом Когтя? Босоножка в детском садике, но сработает ли предсказание насчет принцессы? В пророчестве в основном говорилось о том, как важно разгадать Код Когтя, о смерти Грегора и Мортоса — и почти не упоминалось обо всем остальном, будто это не имело значения, по крайней мере для Сандвича.

Наконец Грегор впал в состояние, близкое к ступору, находясь между сном и явью. И именно сейчас у него перед глазами стали отчетливо вставать картины боя, совсем недавно разыгравшегося в Огненной земле. Возбуждение и подъем, которые он испытал тогда, исчезли без следа. С тех пор, глядя, как меч разит крысиную плоть, как жуткие когти пытаются достать до его горла, — и не испытывал ничего, кроме страха и отвращения. Словно кто-то другой вселился в него во время боя. И этот «другой» спас его от смерти, заменив собой маленького и беспомощного ребенка, который только и мог, что просыпаться утром у себя дома и слышать, как мама зовет его завтракать.

Наконец Грегору удалось уснуть, свернувшись калачиком на каменном полу. Во сне Люкса летала на своей летучей мыши, весело хохоча, танцевала на стадионе, а потом, когда сон уже превратился в кошмар, лежала на больничной койке, куда его не пускали, и дышала все медленнее и медленнее — пока совсем не перестала дышать.

Он проснулся в холодном поту и услышал, что дверь темницы тихо приоткрылась. Медленно и осторожно он пополз на звук. Правой рукой наткнулся на тарелку. Рагу? Маленький кусочек хлеба. Кружка воды. Приборов не было. Изголодавшись, Грегор запихивал еду руками и глотал, почти не жуя. По крайней мере в планы Соловет не входит уморить его голодом. Естественно, ведь он — ее секретное оружие. Она не пытается его убить — она его наказывает, хочет унижить и, возможно, сломить.

Грегор поднял тарелку и вылизал остатки соуса. Он мог съесть в десять раз больше, но и этого было достаточно: у него хотя бы перестало сосать под ложечкой.

Больше ничего не происходило.

Грегору понадобилось отлить. Писать в дальнем углу ему не хотелось, и он помочился в кружку. Затем добрался до своего угла и вновь свернулся калачиком на полу.

Темнота продолжала давить на него, сводя с ума. Он закрыл глаза и стал представлять себе, что лежит на зеленой мягкой травке в Центральном парке в теплый день. Его ласкают солнечные лучи, согревают кожу теплым прикосновением. Может, он еще чуть-чуть полежит и купит себе хот-дог, обильно сдобренный сладкой горчицей. А потом поведет Босоножку кататься на карусели. В детском зоопарке они будут кормить свинку, и Босоножка будет заливисто хохотать, когда свинка захрюкает от удовольствия.

Но ему плохо. Плохо. Он больше не мог, не хотел здесь находиться, в этой безжизненной дыре под землей. Он даже думать не мог о том, что ему придется здесь остаться. Ему нужен свет, нужны люди, ему нужно знать, что происходит там, за дверью! Жива ли Люкса?

Это жестоко со стороны Соловет — отрезать его от окружающего мира. Как она могла так поступить? Как остальные могли не заметить его исчезновения?! Ведь уже прошли часы, а может, дни, с тех пор как его похитили. Неужели всем на него наплевать?

Ему стало так горько, что он закусил губу, чтобы не заорать. А потом внезапно случилось то, чего он меньше всего ожидал.

Грегор щелкнул языком. Слегка. И этот щелчок почему-то, вместо того чтобы остаться во рту, вырвался наружу и осветил все вокруг.

Грегор прозрел! То есть — на самом деле он по-прежнему ничего не видел, не мог видеть, ведь вокруг царила абсолютная темнота. Но в то же время он отчетливо видел каждую трещинку на противоположной от него стене — у него в голове образовалась совершенно четкая картинка.

Шокированный своим открытием, Грегор уселся поудобнее и снова щелкнул.

Так. Вот поднос, миска, кружка. Он прекрасно видел не только силуэты — он видел четкие очертания. И это еще не все. Кружка почему-то светилась красным светом — и он чувствовал, что это означает тепло. Он подполз к кружке и провел по ней пальцем: и правда теплая — моча в ней еще не остыла!

Значит, все-таки ему удалось. То, чему так настойчиво учил его Живоглот и что никак не получалось. Эхолокация. Все эти щелканья в темной пещере, все эти попытки обнаружить Живоглота, все ошибки и промахи — казавшиеся ему бесполезной тратой времени и сил. А теперь у него был собственный радар! Прямо как у летучих мышей.

Он снова и снова отыскивал немногочисленные предметы, находившиеся в камере, все щелкал и щелкал языком. Нет, это не было случайностью — он ни разу не ошибся. Он «видел» абсолютно все, даже

фотографию Люксы в собственном заднем кармане. Ну нет, саму фотографию он не видел — только маленький квадратик бумаги. Но может быть, со временем и картинку научится различать.

Эти его новые способности позволили ему забыть о своих проблемах. О том, что он в неволе и что его охраняют стражи, которые ни за что не выпустят его отсюда. Ну и пусть — пусть Соловет празднует победу. Он должен покинуть это место таким же несломленным, каким попал сюда, — иначе он станет ее слепым оружием в этой кошмарной войне. А он и правда готов скорее умереть, чем пойти на это. Если дать этой женщине власть над собой — он перестанет быть самим собой.

Теперь, вместо того чтобы предаваться отчаянию и жалеть себя, он тренировался, комбинируя упражнения с мечом и эхолокацию. И его единение с мечом теперь, когда у него была эхолокация, стало еще более полным, еще более захватывающим. Вот стена! Вот миска! Вот дверь! Кончик меча дотрагивался до всего этого по очереди.

Как же ему не терпелось рассказать об этом Живоглуту!

Много раз заново испытав свой бесценный дар, он наконец остановился отдохнуть.

Одежда высохла, ему больше не было холодно, а мозг словно встряхнулся и работал очень четко. Грегор даже начал продумывать план побега из заточения: кто-то ведь приходил и открывал дверь, когда принес ему еду. Значит, в следующий раз ему нужно быть к этому готовым. Он их одолеет — и отправится к Викусу. Или к Живоглуту. Или к Аресу. Или к кому-то еще, кто встанет на его сторону. Он должен выбраться отсюда, и все узнают, что с ним сделала Соловет. Он должен...

Что это? Грегор замер напротив стены в метре от того места, где располагалась дверь, с мечом наизготовку. В этой позиции ему потребуется всего пара секунд, чтобы напасть на стражей и справиться с ними.

Но что-то его смущало. Снаружи доносились голоса. Один, пониже, принадлежал Горацио либо Маркусу. А вот второй... второй был гораздо выше, нежнее и явно принадлежал особе женского пола. И эта особа спорила с охранником и в чем-то убеждала его, хотя расслышать слов Грегор не мог.

Кто это мог быть? Точно не Люкса и не мама — они плохо себя чувствуют. Может, Делей добралась сюда, к его тюрьме? Или Перита его разыскала — после того как они бок о бок сражались в Огненной земле?

Ключ в замке повернулся, дверь приоткрылась. Факел ослепил его на секунду — даже глаза заболели. Снаружи раздался дрожащий голос.

— Грегор, это всего лишь я. Опустить меч, пожалуйста.

Это была Нерисса, кузина Люксы, тоже королевского рода. Грегор не спрашивал, как она нашла его, как узнала, что он в плену, как поняла, что он стоит тут, готовый пустить в ход меч и напасть на своих стражей. Она могла видеть такие вещи, которых никто не видел. Могла видеть события прошлого, настоящего и будущего. Без сомнения, ее посетило видение, и она поняла, что ему нужна помощь.

Он знал, что Нерисса — друг. Но все же не оставлял мысли использовать меч по назначению, если стражи войдут к нему. Поэтому сказал:

— Мне и так хорошо, — и не пошевелился.

Нерисса остановилась в дверном проеме.

Она была такая же худая и нервная, как всегда, и одежда на ней висела, словно была больше, чем нужно, на пару размеров, а длинные спутанные волосы доставали до талии, придавая ей особенно странный вид. Нерисса дрожала, словно от холода.

— Ты нам нужен в кодовой комнате.

Грегор впервые слышал о кодовой комнате.

Но в любом случае она явно располагалась за пределами его темницы.

— И Соловет тоже хочет видеть меня там? — спросил он.

— Она захочет. Я с ней поговорю, — ответила Нерисса. — Но ты должен сначала пойти к ней со мной. И позволить Горацио и Маркусу связать тебе руки, потому что они боятся, что ты сбежишь. Они согласились открыть эту дверь только потому, что я рассказала им, какая у нас трудная ситуация. Нам срочно нужно разгадать код — это самое главное сейчас, и это пока не получается. Пожалуйста, Грегор, верь мне.

Он доверял ей на все сто процентов, но все же ей пришлось потрудиться, чтобы убедить его опустить меч и позволить стражам завести ему руки за спину — ему было нестерпимо снова чувствовать себя беспомощным. Правда, так он мог вырваться из темницы без боя. И еще у него появился шанс сбежать по дороге. Он продолжал колебаться, но тут Нерисса произнесла:

— Люкса спрашивала о тебе.

— Спрашивала, да? Значит, она жива? То есть — я имею в виду, она ведь точно жива, раз спрашивала обо мне, она в сознании и все такое? — выпалил он. Эта новость так взбудоражила его, что он и думать забыл о сопротивлении.

— Да, она поправляется. И хочет тебя видеть, — произнесла Нерисса. — Но мне было трудно выполнить ее просьбу, пока ты был в заточении.

Меч Грегора оказался снова в своих ножнах. Горацио связал кожаными ремнями его запястья. И в сопровождении стражей Грегор пошел за Нериссой по дворцу.

Люкса жива! Она справилась!

Он вдруг понял, что улыбается от уха до уха.

Они шли по дворцу, и атмосфера вокруг скоро отрезвила Грегора. На лицах всех, кого они встречали, лежали печаль и тревога, люди разговаривали торопливо, приглушенными голосами, и Грегору даже показалось, что время от времени он слышал чьи-то рыдания. Он вспомнил тела подземных, лежавшие неподвижно тут и там у входа в туннель в Огненной земле — не всем в этой битве повезло, как им с Люксой.

К тому времени как они подошли к залу заседаний Совета, улыбка сползла с его лица.

«Будь что будет», — решил он. Он не собирался демонстрировать Соловет своих эмоций: она не увидит ни гнева, ни страха, и уж конечно — радости на его лице. Ему хотелось, чтобы лицо его было таким же бесстрастным и отстраненным, как у того каменного рыцаря.

Зал заседаний был похож на военный штаб. Около дюжины подземных с ввалившимися от усталости глазами суетились вокруг, что-то писали, читали какие-то записи, пили чай. Здесь же находилась пара летучих мышей. Стол был завален какими-то свитками, а в сторонке, на длинном буфетном столе стояла целая куча тарелок с едой — значит, эти люди работали здесь уже не первый час. Огромная карта Подземья, которую Грегору довелось однажды видеть, когда они планировали поход к Виноградникам за лекарством от чумы, была теперь пришпилена к стене — и сплошь утыкана маленькими красными флажками. Не обязательно быть великим стратегом и гениальным полководцем, чтобы понять, что теперь это была карта военных действий.

Живоглот, которого помыли и перевязали, прочно обосновался возле буфета. По количеству пустых тарелок рядом с ним можно было сделать вывод, что он ел как троглодит. Сейчас он просто сунул морду в большое блюдо с любимой едой — креветками в сливочном соусе — и громко, с удовольствием чавкал.

Кроме крыса знакомы Грегору были лишь Соловет и Марет, которые что-то обсуждали, перемещая флажки на карте с места на место.

Когда Нерисса, Грегор и его тюремщики вошли в зал, на какое-то время наступила тишина. Потом Соловет бросила взгляд на вновь прибывших и холодно произнесла:

— Прошу всех, кроме Живоглота и Марета, нас оставить.

В ту же секунду зал опустел.

— Что все это значит? — осведомилась она.

Нерисса не дала охранникам времени ответить:

— Грегор нужен нам в кодовой комнате. Я освободила его и теперь прошу разрешения воспользоваться его помощью.

— А как ты, интересно, догадалась, где его искать? — спросила Соловет. — Впрочем, неважно, — думаю, ты его узрела в очередном видении. И что еще видела наша ясновидящая?

— Я не видела ничего, кроме того, что Грегор находится в карцере, — тихо ответила Нерисса.

Грегор заметил полный недоумения взгляд Марета, который тот бросил на Соловет, и понял, что солдат был не в курсе происходящего. Живоглот даже перестал есть и уставился на Соловет, вытащив морду из блюда:

— О, скажи мне, что ты этого не делала! — почти простонал он, слизывая стекавший по морде сливочный соус.

Соловет слегка пожала плечами:

— Это всего на пару дней. Я собиралась его арестовать, но Вилкус отправился вербовать прядущих, и я подумала, что надо дожидаться его прибытия. А что за надобность в нем такая в кодовой комнате, Нерисса?

Соловет крутила в пальцах маленький красный флажок и даже, кажется, не думала возвращать его на карту.

— Это из-за Босоножки. Мы думаем, от нее будет гораздо больше пользы, если Грегор поможет нам управиться с ней, — сказала Нерисса.

Соловет взглянула Грегору в лицо и покачала головой:

— Что ж, думаю, вам придется справиться без него. Я не могу рисковать. Он опять может нарушить приказ и сбежать непонятно куда, — отрезала она. — Вернуть его в карцер!

— Он не сбежал непонятно куда, Соловет, — вмешался Живоглот. — Он сбежал, чтобы участвовать в битве. На наше счастье, между прочим. Соловет, я не понимаю, каких еще подтверждений его лояльности и верности тебе надо!

— У него в карцере не было света, не было медицинской помощи, не было даже постели. И практически не было еды, — тихо заметила Нерисса.

— О, это вообще отлично! — проворчал Живоглот. — Давайте сделаем все, чтобы Воин не захотел иметь с нами дело.

— Ладно. Дайте ему факел и одеяло, — приказала Соловет.

— Я возьму на себя ответственность за него, — произнес Марет. — Он не покинет Регалию.

— Нет, Марет, ты нужен мне здесь. И потом — раз он смог обмануть Горацио и Маркуса, нет никаких гарантий, что он не сможет обвести вокруг пальца тебя, — сухо возразила Соловет.

— Но то, что держит его, уже в Регалии, Соловет, — вкрадчиво сказал Живоглот.

— Нет. Его семьи оказалось недостаточно, чтобы удержать его от побега! — упорствовала Соловет.

— А я говорю не о семье. Я говорю о твоей внучке. Как ты думаешь — почему он так рвался обратно в Огненную землю? Чтобы повидаться со мной? — язвительно спросил Живоглот.

— Люкса? — Соловет вопросительно подняла брови: — При чем тут Люкса?

Она впервые, казалось, проявила какой-то интерес к беседе.

Грегор с трудом смог выдать из себя:

— Заткнись, Живоглот.

— О, видишь — он протестует! — без зазрения совести продолжал Живоглот. — Да он от нее без ума. Голову потерял. Я впервые почувствовал это, когда у них в Огненной земле вышла небольшая перепалка.

Грегор вспомнил тот спор. Он тогда накричал на Люксу за жестокость по отношению к Живоглоту и пренебрежение к остальным. А закончилось все тем, что он очень переживал. И Живоглот тогда, помнится, потянул воздух своим дурацким носом, словно что-то вынюхивая. Видимо, крысы могут учуять не только страх — они и любовь могут учуять.

— Да он чуть не дал себя укокошить там, в Огненной земле, стоило мне упомянуть, что она в плохом состоянии, — продолжал Живоглот. — Ты вспомни себя полвека назад, Соловет! Ты же знаешь, как это бывает!

— Он что, влюбился в Люксу?! — Взгляд у Соловет был изумленный. — Это правда, Грегор? Это и есть причина, по которой ты ослушался моего приказа?

Грегор ничего не ответил. Лицо его пылало.

— Если это так, мне проще оставить тебя на свободе, потому что, насколько мне известно, Люкса не планирует отлучаться из Регалии в ближайшее время, — сказала Соловет. — Но мне нужно услышать это от тебя.

Грегор усталился себе под ноги, размышляя, что именно он сделает с Живоглотом, как только окажется на свободе.

— Так что? Нет? Тогда, боюсь, карцер будет для тебя наиболее безопасным местом, — холодно заключила Соловет.

Стражи уже взяли его под руки, чтобы увести, но тут Марет выпалил:

— Карман! Посмотрите у него в кармане!

Грегор взглянул на Марета, не веря своим ушам, — это было даже хуже предательства Живоглота. Руки были связаны у него за спиной, и он ничего не мог поделать, а Соловет тем временем подошла и вытащила фотографию из кармана его рубашки. Она внимательно изучала ее пару секунд, потом рассмеялась и протянула фотографию Живоглоту.

— Ну! А я что говорил! — воскликнул тот и вновь погрузил свою наглую морду в блюдо с креветками.

Грегор понимал, что фотография выдала его с головой. Разом. То, что он так старательно скрывал, — его чувства к Люксе... — было теперь очевидно и понятно всем. Надо быть идиотом, чтобы хранить фотографию в нагрудном кармане — но разве мог он представить себе подобный вариант развития событий?

— Что ж, это облегчает мне задачу, — промолвила Соловет, сунула фото обратно в карман Грегора и улыбнулась: — Не волнуйся, твоя тайна останется при мне, — и кивнула охранникам: — Развяжите ему руки — он свободен.

ГЛАВА 8

Как только ремни на запястьях были сняты, Грегор развернулся на пятках и выскочил из комнаты. Он был вне себя от злости на Живоглота и Марета за то, что они выдали его тайну.

Во-первых, это его личное дело. И никого, кроме него самого, это не касается. Во-вторых, они ведь догадывались, что Соловет непременно использует это знание против него. Как все, что ему дорого. Как они не понимают, что теперь у нее стало еще больше над ним власти?!

И наконец, в-третьих, — что если это дойдет до Люксы? Грегор даже толком не знал, как она к нему относится! Они никогда не говорили об этом или чем-то подобном. А теперь кто-нибудь непременно сболтнет ей. Сама мысль об этом пугала и страшно смущала его. Он был готов немедленно бежать на поиски Ареса и отправиться прямо домой и...

В самом конце коридора кто-то преградил ему дорогу — это был Живоглот, который обогнал его и встал перед ним:

— Стой, парень, охолонись.

Грегор выхватил из ножен меч так быстро, что даже сам удивился:

— Защищайся. Дерись!

Живоглот поднял передние лапы в притворном ужасе:

— Ох, дорогой! Мы что, будем драться до смерти? Я не готов умирать таким молодым!

— Защищайся, Живоглот! — крикнул Грегор звенящим от обиды и злости голосом и атаковал крыса. Тот увернулся, но все-таки лезвие меча срезало несколько усиков на его морде.

— Либо я становлюсь слишком стар, либо ты делаешь успехи, парень! — заявил Живоглот и добавил: — Но я не рекомендую тебе повторять этот фокус.

Грегор еще не решил, что делать дальше, когда сильные руки схватили его, и он оказался в могучих объятиях, из которых не мог вырваться.

— Стоп, Грегор! Ты не понимаешь, что он сделал сейчас для тебя! — сказал Марет.

— Оставь меня, ты, предатель! — завопил Грегор, извиваясь в цепких сильных руках.

Предательство Марета поразило его в самое сердце — даже сильнее, чем болтовня Живоглота. Грегор считал Марета своим другом. До того момента, когда тот сказал Соловет о фотографии.

Грегор продолжал вырываться, и тогда Марет просто положил его на пол, а Живоглот уселся на него сверху. Ого! Этот крыс весил никак не меньше центнера!

Благоухающая креветками морда приблизилась к лицу Грегора:

— Просто скажи, когда будешь в состоянии выслушать нас.

Очень скоро Грегор почувствовал, что ему нечем дышать, — в легких почти не осталось воздуха. А Марет с Нериссой смотрели на него из-за плеча Живоглота с такими неподдельными сочувствием и тревогой, что нельзя было не поверить, что они искренне огорчены его реакцией.

Грегор попытался расслабить мышцы, но сделать это было не так-то легко — ведь яростничество бушевало в нем все это время, готовое отозваться на любую провокацию, на любой вызов. Нехотя он повернул голову и спросил:

— Ну? Что? Что?!

— Грегор, прости. Прости, что нам пришлось выдать твою тайну. Но как только Живоглот открыл эту дверь — я без колебаний ринулся в нее, — сказал Марет. — Просто мы не хотели, чтобы ты снова оказался в карцере.

— Мне там было не так уж плохо, — буркнул Грегор.

— Это после двух дней. Соловет продержала в нем Хэмнета целый месяц — просто потому, что он перечил ей на Совете, — сказала Нерисса. — Без света. Без людей. Когда вышел оттуда, — он был уже другим человеком.

— Викус тогда сражался на Источнике, Совет полностью находился под ее контролем, — продолжал Марет. — Ни у кого не было шанса помочь Хэмнету. Вырвать его из рук собственной матери. Многие считали, что именно это заставило его сделать то, что он сделал в саду Гесперид.

— А если она, не задумываясь, сотворила такое с Хэмнетом, — думаешь, она стала бы сомневаться относительно какого-то Наземного?! — вмешался Живоглот. — Хэмнет был для нее светом в окошке. А ты ей даже не нравишься!

— Знаешь, я бы непременно сказала то же, что говорят Живоглот и Марет, — если бы была достаточно умна, — добавила Нерисса. — Ну пожалуйста, Грегор, ты ведь понимаешь — мы действовали в твоих интересах.

Грегор подумал о месяце в камере. Даже учитывая его новые способности, пожалуй, это было бы невыносимо. Бедный Хэмнет. Грегор вспомнил, как он разволновался, когда Люкса упрекнула его в том, что он ни разу не вернулся в Регалию и не навестил их. Хэмнет сказал тогда: «Нет, я никогда не смог бы снова уйти. Ты знаешь, как действует Соловет. Она бы

нашла способ заставить меня вновь возглавить армию». Может, он вспомнил тогда об этой ужасной камере, о том, что Соловет могла засадить его туда и держать взаперти до тех пор, пока он не сошел бы с ума или не сломался — чтобы быть готовым выполнять все, что она скажет. Для Хэмнета, видимо, эти воспоминания были ужасны — вот почему, умирая, он так просил Люксу, чтобы его сына, Газарда, не учили быть воином. Раньше Грегор считал, что эта просьба была вызвана в первую очередь отрицательным отношением Хэмнета к войне, но теперь он задумался — может, таким образом он пытался оградить Газарда от влияния Соловет и удержать его как можно дальше от нее.

Грегор почувствовал, как напряжение постепенно отступает, как расслабляются мышцы — теперь, когда он понимал истинные мотивы поведения своих друзей.

И все-таки — а что если сказанное дойдет до Люксы?!

— Ни одно слово из тех, что были произнесены в той комнате, не выйдет за ее пределы, — словно прочел его мысли Марет. — Ты можешь быть в том уверен. Мы болтать не станем, а Соловет вряд ли сделает это достоянием общественности.

— Ладно-ладно, вы молодцы, все правильно сделали. А теперь дайте мне подняться, — сказал Грегор.

Говорил он все еще сердито, но на самом деле уже совсем не злился.

— Ну вот, только я устроился удобненько, — огорчился Живоглот и как следует потянулся, чуть не сломав Грегору все ребра, прежде чем поднять свой тяжеленный зад. — А теперь пойдете-ка в кодовую комнату, пока твоя сестрица окончательно не вынесла подземным мозги.

А, точно — код.

Грегор понимал, что это действительно важно, но...

— Сначала мне надо в больницу, — сказал он.

— Пожалуйста, Грегор. Люкса сейчас спит, ты не сможешь даже поговорить с ней, — взмолилась Нерисса. — А нам действительно нужна твоя помощь.

Из-за событий последнего часа она совсем обессилела, ее трясло мелкой дрожью, и видно было, что Нерисса еле держится на ногах. Грегору не хотелось расстраивать и волновать ее еще больше.

— Хорошо, Нерисса, давай сначала отправимся туда, — согласился он.

Марет вернулся в распоряжение Соловет, а Нерисса и Живоглот сопровождали Грегора в кодовую комнату. Минут десять у него ушло на то, чтобы забежать в ванную, помыться и переодеться в чистое, затем они поспешно поднялись на несколько этажей и оказались в длинном коридоре,

который привел их в странную комнату.

Грегор понимал, что этого не может быть, но на первый взгляд ему показалось, что он очутился в... зоопарке.

Комната была сделана в виде восьмигранника. На одной грани располагалась дверь, через которую он вошел. Противоположная грань был украшена резьбой в виде причудливого дерева. Под деревом стоял длинный стол, сплошь покрытый свитками, книгами и длинными лоскутами белой ткани. На остальных шести гранях располагались выходы разной высоты, ведущие в отдельные комнатки. Над каждой было написано название существа, которое, видимо, должно было там обитать: Прядущий, Ползучий, Человек, Летящий, Грызун, Зубастик. В некоторых комнатах присутствовали обитатели — видимо, это и вызвало у Грегора ассоциацию с зоопарком. Светло-зеленый паук отдыхал в паутине, весь перевязанный зубастик, белый, с черными пятнами, лежал в гнезде из одеял, летучая мышь со светло-кремовой шерсткой висела вниз головой, зацепившись когтями за шесток, а таракан замер на пороге своей комнаты, вход в которую был с метр высотой. Скорее всего, предполагалось, что эти помещения можно легко закрыть — но в данный момент они были открыты, и все создания, не отрываясь, смотрели на Босоножку.

Малышка стояла на спине своего верного друга, таракана Темпа, прямо в середине восьмигранника, и пела песню «Паучок, паучок» во всю силу своих легких.

Зеленый паук, которому, по всей видимости, и посвящалась песенка, явно страдал. Босоножка была в ударе, а пауки, это Грегор знал наверняка, болезненно реагируют на шум и громкие звуки. Поэтому он, должно быть, и лежал в паутине — не исключено, что был без сознания.

Закончив песенку, Босоножка поклонилась на все стороны, приговаривая:

— Спасибо, спасибо! — хотя никто и не думал аплодировать.

Грегор знал, что отсутствие аплодисментов нимало не смущает сестренку: при наличии публики Босоножка могла выступать несколько часов подряд.

— Она уже давно выступает, и ее не остановить, — несчастным голосом сказала Нерисса.

— Ты должен как-то сосредоточить ее внимание на Коде Когтя, — мрачно подхватил Живоглот, — пока вся эта компания не расползлась по домам.

— А теперь я спою для тебя! — звонко объявила Босоножка, поворачиваясь к летучей мыши, которая при этом вздрогнула.

— Босоножка! Эй, Босоножка, что происходит? — Грегор отчаянно старался не засмеяться. Пока что ему казалось, что все это просто забавно, но, возможно, если бы он провел здесь несколько часов, — его мнение бы сильно изменилось.

— Гррре-го! — Она раскрыла ручки, чтобы обнять его.

— Иди сюда, ко мне! — Грегор подхватил ее и посадил к себе на бедро. — Как твои дела, Темп?

Темп помахал усиками — один был сломан после битвы с крысами:

— Я быть хорошо, хорошо быть.

— Я пою, чтобы они радовались! — объяснила Босоножка.

— Ты молодец, — похвалил ее Грегор. — А знаешь, что еще может их очень порадовать?

— Что? — Глазки Босоножки загорелись.

И тут Грегор понял, что и сам не знает.

Он беспомощно оглянулся на Нериссу и Живоглота:

— Что вы хотите, чтобы она делала?

— Ну, точно никто не знает, что именно, — пожал плечами Живоглот. — Предполагалось, что она станет ключом, с помощью которого удастся разгадать код. Но пока все, что она делает, — терроризирует нас своим пением и доводит кое-кого до белого каления.

— Я пела! — гордо сказала Босоножка.

— Это да, это точно, — согласился Живоглот. — Покажи ему ленты, Нерисса.

— Меня вообще-то даже не должно здесь быть, — шепотом сказала Нерисса, ведя Грегора к длинному столу. — Просто я вызвалась помочь с твоей сестрой.

— Это и есть ваша кодовая комната? — спросил он.

— Да, она построена очень давно, и мы уже разгадали много различных кодов. А теперь мы, кажется, знаем, что такое Код Когтя и собираемся его угадать, — ответила Нерисса. — Это тайный код, который грызуны начали использовать в день, когда мы освободили зубастиков. Именно его появление предсказано в «Пророчестве Времени». А вот и образец.

Она взяла со стола одну из белых шелковых лент и показала Грегору: лента была сплошь испещрена маленькими черточками, некоторые шли сверху вниз, другие — слева направо.

— Все коды и шифры, которые прежде использовали крысы, мы разгадывали довольно быстро. Но этот совсем новый и очень хитрый — пока не получается его расшифровать.

Грегор посмотрел на черточки. Они не сказали ему ничего. Абсолютно.

— Ну, если вы ожидаете, что Босоножка сейчас начнет переводить эти следы куриных лап в слова... Не думаю, что ваши ожидания оправдаются, Нерисса. Вынужден тебя разочаровать — она только учится читать.

— Тебя не должны беспокоить эти черточки. У нас есть сообщения, написанные обычными буквами, — сообщила со своей жердочки летучая мышь.

— О, простите! — спохватилась Нерисса. — Это Дедал. Паук — это Рефлекс. Ползучего зовут Мин, а зубастик — это Хирония.

Нерисса, не глядя, тыкала пальцем в каждого, а потом прижала палец ко лбу:

— Может, ты встречался с Хиронией в Огненной земле?

— Нет, не довелось. Но в любом случае приятно познакомиться, — поклонился Грегор всем по очереди.

— Они лучшие взломщики кодов в своем виде, — объяснила Нерисса. — Босоножка представляет людей.

— А ты, значит, представляешь крыс? — спросил Грегор Живоглота.

— Вероятно, сейчас на меня поставили бы немногие, но со временем, уверен, так и будет, — кивнул Живоглот. — Вообще-то крысе не обязательно здесь присутствовать, но крыса может помочь. К несчастью, на меня слишком большой спрос.

— Живоглот везде нужен: в военном штабе, на поле боя, в кодовой комнате. И он много сделал для того, чтобы добыть этот код, — ответила Нерисса. — Но вот разгадать его — он не может. Это роль Босоножки.

Дедал подцепил когтем белую ленту и протянул ее Грегору.

На ленте черточки складывались в буквы — но ни одного знакомого слова Грегор не нашел.

— Возможно, именно то, что она пока не знает букв, поможет ей не обращать внимания на черточки и сосредоточиться на словах.

Грегор с сомнением покачал головой. Он ненавидел кого-нибудь разочаровывать, но следовало быть честным.

— Слушайте, я уверен, вы и сами понимаете, что это лишено всякого смысла. И я не знаю, чего вы ожидаете от моей трехлетней сестренки. Что она, по-вашему, может сделать? Мне кажется, ваши надежды беспочвенны и напрасны.

Босоножка углядела ленту с кодом и вдруг закричала:

— Ой, я знаю, я знаю!

Грегор почувствовал, как все вокруг замерли в ожидании чуда — в надежде, что сейчас случится открытие. Но Босоножка сделала одну-

единственную вещь: она ухватила ленту за один конец, сунула себе сзади в джинсы и начала прыгать. Ткань волочилась за ней по полу, периодически взмывая в воздух.

— Смотрите! У меня хвост! У меня хвост!

Грегор поперхнулся смехом. Что он мог с этим поделать? Все это было совершенно предсказуемо и естественно.

Нос Живоглота оказался прямо перед его лицом, морду перекосило от едва сдерживаемого раздражения:

— Ты, конечно, можешь считать это веселым и забавным, но если не разгадаем код, мы проиграем войну. Определенно! Что бы ни делали, как бы храбро и стойко мы ни сражались на поле боя — мы не сможем одолеть врага, если не будем знать, что он замышляет. Поэтому если ты и дальше собираешься наслаждаться прыжками и чудесным пением твоей сестрицы — пожалуйста, но я все-таки советую тебе помочь ей сосредоточиться!

Грегор подозвал Босоножку, забрал у нее «хвост» и посадил к себе на колени. Он не знал, что следует делать, но попросил ее прочесть буквы на ленте. Она узнала все: несколько значков напоминали маленькое слово «кот» — его она прочла с легкостью и удовольствием. Но одолев три ленты с буквами, Босоножка устала от игры — а еще больше устал Грегор.

— Помогло? — спросил он у остальных.

— Нет. Но может, когда Викус вернется, у него появятся какие-нибудь идеи, — устало ответила Нерисса.

— Как бы то ни было, нам самим надо напрячься и во что бы то ни стало разгадать код, — сказал Живоглот. — Я должен вернуться в штаб, но обещаю работать и над этим. — Махнув хвостом, он вышел из комнаты.

— Грегор, спасибо, тебе не обязательно здесь оставаться. Мне кажется, скоро должны разбудить Люксу, чтобы покормить ее, — произнесла Нерисса.

— Жаль, я не смог ничем помочь, — извинился Грегор и ринулся к двери, пока кто-нибудь его не остановил. Да и зачем останавливать: он все равно понятия не имел о том, что могут означать эти значки и буквы и как эту абракадабру превратить во что-то понятное. И еще ему нужно было непременно увидеть Люксу.

Грегор ворвался в больницу словно ураган, но ему не позволили сразу пройти к Люксе, а сначала заставили снова принять ванну с каким-то антисептиком, переодеться в стерильную одежду и нацепить маску.

— Пять минут, — предупредил врач, который привел его в бокс.

Здесь воздух был прохладный и влажный от пара, который исходил из небольших труб, шедших вдоль стены.

Люкса лежала на постели в халате. Ее лицо, руки, шея — те места, которые больше всего соприкасались с пеплом в Огненной земле, — были ярко-красными и болезненными на вид. Дыхание все еще оставалось прерывистым, и Грегор слышал свист и хрип, который раздавался всякий раз, когда она делала вдох. Но глаза были ясными и смотрели прямо на него.

Грегор присел на край постели. Он не стал брать ее за руку, боясь сделать ей больно, но ее пальцы сами нашли его руку и стиснули ее. Она адресовала ему одну из своих фирменных полуусмешек и прошептала:

— Ты все-таки остался.

Он пожал плечами, будто это было обычное дело, о котором и говорить-то не стоило. Он был так счастлив, что она жива, что он наконец-то рядом — ему и думать не хотелось о том, что означает для него решение остаться. И он пребывал в состоянии безмятежного счастья целых пять минут — всего пять, потому что на пороге появился врач и указал ему на дверь.

Грегор вышел с намерением протестовать, но врач не дал ему такой возможности:

— Наземный, тебя срочно вызывают в кодовую комнату. Там какое-то несчастье с твоей сестренкой.

ГЛАВА 9

Грегор не стал тратить время на расспросы и пустился бежать. Подземные никогда не использовали слово «несчастье» просто так, для красного словца.

Что могло случиться? Может, Босоножка упала и поранилась? Сломала что-нибудь? Но тогда почему они сразу не доставили ее в больницу? Или произошло что-то еще? Было заметно, как она достала всех этих взломщиков шифров. Может, кто-то не выдержал и набросился на нее? Может, Живоглот, вернувшись, выгнал ее, а она потерялась? Вряд ли таракан или летучая мышь могли ее обидеть, а обычная мышь сама была столь больна и слаба, что у нее не хватило бы сил причинить ей вред. Но этот зеленый паук! Конечно, это он запутал ее в своей сети!

Грегор не слишком доверял паукам. Его визит в их земли, когда они чуть было не пообедали им и его спутниками, и не способствовал этому.

В узком коридоре, ведущем в кодовую комнату, Грегор вдруг поскользнулся.

Кровь! У кого-то пошла кровь, и тонкая кровавая тропинка бежала до самых дверей комнаты.

— Босоножка! — взревел Грегор.

Если они хоть пальцем... если хоть один волосок с ее головы...

— Гррре-го! Гррре-го! — выскочила она в коридор. — Гррре-го!

Голос у нее был встревоженный. Он подхватил ее и вертел в руках, поворачивал то одним боком, то другим, ощупал руками кудрявую голову: ранена? куда? где больно?

— Что случилось, Босоножка? Ты в порядке? Тебя кто-то обидел?

— Нет, я хоррросо. Там! Там! — Босоножка вцепилась ручкой в его рубашку и потащила за собой.

Совершенно сбитый с толку, Грегор вошел в комнату. Там, на каменном полу, сидела на корточках другая его сестра. Лиззи.

— О нет! — простонал Грегор.

Он понятия не имел, откуда она взялась. Но понимал, что сейчас не время спрашивать: потому что хотя кровь у нее не шла — но состояние ее было ужасное. У нее была одна из этих ее кошмарных панических атак. Она глотала ртом воздух, задыхаясь, дрожала словно осиновый лист, и он видел, как вспотели у нее ладони. Отец как-то объяснил ему, что с ней происходит: он сказал, что нечто подобное бывает время от времени со

всеми. Если ты очень сильно чем-то испуган или взволнован — у тебя повышается содержание адреналина в крови, сердце начинает стучать гораздо быстрее, чем нужно, все системы работают на пределе, и ты можешь сражаться, как лев, хотя раньше даже муху не мог обидеть, или можешь бежать с сумасшедшей скоростью. Или перепрыгнуть трехметровый забор, а потом стоять и удивляться, как тебе это удалось. Возможно, что-то вроде панической атаки испытал Грегор в музее, когда до него дошло, что сулит ему «Пророчество Времени»...

У большинства такие эмоции проявляются в редких случаях — в случаях, из ряда вон выходящих.

Но таким людям, как Лиззи, особого повода и не надо. Иногда панические атаки возникали у нее без видимого повода. Она впадала в беспричинный ужас и начинала трястись, хотя ей не надо было ни сражаться, ни убегать. Что-то подобное происходило с ней и сейчас.

Даже мысль о том, чтобы спуститься в Подземье, вызывала у нее панику. И вот она здесь, в комнате, полной гигантских страшных существ. И они ведь ничего плохого ей не сделали. Зубастик, летучая мышь и паук оставались в своих комнатах, а таракан поглубже спрятался в свою каморку и замер там, оставался один Темп — и хотя Темп никогда не покидал Босоножку, теперь он прятался под столом. Рядом с Лиззи была только Нерисса, она пыталась ее успокоить и при этом выглядела так, будто у нее самой вот-вот начнется паническая атака.

Грегор отцепил от себя Босоножку и подошел к Лиззи.

— Чья это кровь? — спросил он Нериссу.

— Гермеса. Он принес ее из Наземья. По пути они наткнулись на крыс — и его ранили. Она не ранена — но мы не можем ее успокоить, никак, — растерянно сказал Нерисса.

— Да-да, я знаю. С ней такое и раньше бывало, — кивнул Грегор.

Он присел рядом с Лиззи на корточки, обнял ее и прижал к себе:

— Эй, Лиз. Все хорошо. Все хорошо. Никто здесь не причинит тебе вреда.

— Грегор! Ты должен... тебе надо... тебе надо домой! Сейчас же! — Она с трудом шевелила губами.

— Почему? Что случилось?! — Грегор вдруг сам почувствовал панику. Что же там такого жуткого произошло, что Лиззи — Лиззи! — осмелилась спуститься сюда, в Подземье?!

— Бабушка... она в больнице... а папа... папа снова очень болен! Я не справляюсь, Грегор! Не могу ему помочь! — промолвила Лиззи побелевшими губами.

— Но в папиных письмах говорится, что у вас все в порядке... — растерялся Грегор.

Выходит, отец писал неправду, не желая его беспокоить.

— А миссис Кормацци? — с надеждой спросил он. Миссис Кормацци всегда рядом, на нее можно положиться.

— Она все время с бабушкой... Она устала... ты должен... вернуться домой... — с этими словами Лиззи повалилась на пол, и ее начало рвать.

Грегор поддерживал сестру, а сам пытался осмыслить ее слова. Он так увяз в здешних проблемах — и так мало думал теперь о том, что происходит там, дома. Бабушка в больнице. Отец снова очень болен. Все это действительно ужасно.

Когда Лиззи наконец перестало выворачивать, он поднял ее и отвел в дальний угол комнаты. Там он сел с ней рядом, чувствуя, как она дрожит:

— Все хорошо. Все будет хорошо, Лиз. Я обо всем позабочусь, — сказал он, даже не представляя себе, с чего начать.

— У меня есть... пакет. В моем рюкзаке.

Ее рюкзачок валялся рядом с рвотой.

— Эй, Босоножка, можешь принести мне Лиззин рюкзак? — попросил Грегор.

— Могу, могу! — Босоножка с готовностью понеслась за рюкзаком. — И я достану пакет, я достану!

Ее пухлые маленькие пальчики не сразу справились с молнией, но все же она открыла рюкзак и достала оттуда сложенный бумажный пакет для завтраков. Грегор открыл пакет и прислонил его к лицу Лиззи.

— Дыши. Глубоко и медленно. Глубоко и медленно, Лиззи.

Это помогало. Люди, у которых случается паническая атака, получают слишком много кислорода, а дыхание в пакет дает их организму немного углекислого газа. Грегор поглаживал Лиззи по спине, стараясь расслабить ее напряженные мышцы, и это, а еще пакет, казалось, немного успокоило ее.

— Все хоррросо, Лиззи. Ты в порррядке, — сказала Босоножка, глядя сестру по руке. Эти панические атаки были одной из тех редких вещей, которые пугали и расстраивали Босоножку. — Я здесь.

Нерисса вызвала пару подземных, которые убрали рвоту и тут же исчезли. Остальные существа оставались на своих местах, точно боялись, что одно их неловкое движение может вызвать у Лиззи новый приступ паники.

И тут явился Живоглот. Он ввалился в комнату и обвел всех недоуменным взглядом:

— Что это тут происходит?!

Нос его задержался, он явно почувствовал незнакомый запах. Глаза его обратились к Лиззи, он застыл, и только кончик хвоста слегка подергивался из стороны в сторону. А на морде появилось выражение, которого Грегор никогда раньше не видел и которое, как ни странно, напоминало умиление.

Голос крыса тоже прозвучал непривычно нежно:

— Я не знал, что у нас гости. Но я, пожалуй, могу угадать, кто ты. Ты — Лиззи, верно?

Лиззи высунула лицо из пакета и увидела перед собой гигантскую крысу со шрамом на морде:

— А ты Живоглот, — прошептала она.

— Правильно. Я так рад наконец познакомиться с тобой. Знаешь, я ведь должен поблагодарить тебя за все те вкусные штучки, которые ты мне присылала. Они всегда улучшали мне настроение на целый день, — сказал Живоглот.

Грегор не мог понять поведения Живоглота. Почему он так добр к Лиззи? Он никогда не был обходителен и нежен с Босоножкой.

Живоглот медленно приблизился к Лиззи.

— Иногда помогает, — произнес он. — Нужно делать что-то, чтобы отвлечься.

Грегор посмотрел на крысу с удивлением. Он-то что знает о панической атаке?! Уж кто-то, а он вряд ли когда-нибудь сталкивался с подобными вещами.

— Мой папа обычно решает с ней математические задачки, — сказал, он.

— Математика — это хорошо, да, — кивнул Живоглот. — Сколько будет семь плюс восемь, Лиззи?

— Пятнадцать, — ответила Лиззи.

— Тебе стоит загадывать ей задачки посложнее, Живоглот, она у нас вообще-то дока по части математики. Математический гений, да, Лиз?

Это была чистая правда: и учителя в школе об этом говорили — она решала задачи и примеры куда более сложные, чем положено в ее восемь лет.

— Вот как? — Живоглот заинтересовался. — Тогда сколько же будет одиннадцать умножить на двенадцать?

— Сто двадцать два, — без запинки ответила Лиззи.

— Еще сложнее, — посоветовал Грегор. — Она любит возводить в куб.

— Шесть в кубе? — спросил Живоглот.

— Двести шестнадцать, — последовал молниеносный ответ.

— А как насчет тринадцати?

— Три тысячи сто девяносто семь, — сразу же, без паузы.

Казалось, она действительно начала успокаиваться.

— Тогда давай тридцать семь, — раздался вдруг хриплый голос из-за спины Живоглота.

Это была Хирония — мышь попыталась приподняться на своих передних лапах.

Лиззи задумалась на секунду и выпалила:

— Пятьдесят тысяч шестьсот пятьдесят три.

Живоглот взглянул на Хиронию за подтверждением, и та слабо кивнула. Честно говоря, даже Грегор был удивлен.

— Правильно. Совершенно правильно, — сказал Живоглот и принялся ходить по кругу, что у него означало напряженную работу мысли.

— А скажи мне, Лиззи... Любишь ли ты головоломки?

Она кивнула.

— Они тоже бывают весьма забавными и занимательными. Я как раз знаю одну. И мы можем попробовать разгадать ее прямо сейчас. Хочешь?

— Давай, — согласилась Лиззи, и Грегор почувствовал, что она почти перестала дрожать.

Ничто на свете так не увлекало Лиззи, как головоломки. Он подумал о книжке головоломок, которую купил ей когда-то на уличном лотке — тогда Лиззи осталась дома с больным отцом, а они с Босоножкой отправились в Центральный парк на горку, и он хотел ее хоть чем-то порадовать. Это была толстая, большая книга. И она ее очень любила.

Живоглот занял удобную позицию примерно в метре от Лиззи:

— Ладно. Давай посмотрим. Босоножка, встань, пожалуйста, поближе к Темпу.

— Ой, игра! — воскликнула Босоножка и с готовностью подбежала к таракану.

— Теперь, Лиззи, с того места, где ты сидишь, ты видишь семь существ. Двух человек, один из которых наземный, а второй подземный, одну летучую мышь, одну обычную мышь, одного таракана, одного паука и одну крысу. Предположим, что мы все обедаем и каждый из нас ест свое любимое блюдо. Ни у кого блюдо не повторяется. Блюда такие: рыба, сыр, печенье, пирог, хлеб, грибы и креветки в сливочном соусе. Ну что, готова выслушать условия? — спросил Живоглот.

— Я готова, — ответила Лиззи, складывая руки перед собой. Пакет ей был теперь совсем не нужен.

Живоглот говорил быстро и четко:

— Любимое блюдо летучей мыши — не грибы и не пирог. Печенье — не любимое блюдо таракана. Мышь ест сыр, но не сегодня. Наземный одинаково любит печенье и креветок в сливочном соусе. Грибы и печенье едят не млекопитающие. Подземный любит пирог или хлеб. Внимание вопрос: кто ест сыр?

«Да ладно, — подумал Грегор, — это же какая-то чушь!»

Никто не сможет разобраться в этой абракадабре.

Но Лиззи не на шутку увлеклась задачкой. Она уставилась в пол, сжав кулаки так крепко, что побелели костяшки пальцев. Прошло тридцать секунд, она подняла глаза на Живоглота и коротко победно кивнула:

— Ты, — сказала она.

«Ошиблась!» — подумал Грегор. Любимым блюдом Живоглота были креветки в сливочном соусе.

— Хм-м-м, — произнес Живоглот, и хвост его с такой силой ударил по полу, что звон пошел. Но голос его звучал обычно: — Темп, не мог бы ты отнести Босоножку в садик и оставить ее там с мышатами? Босоножка, ты ведь не возражаешь?

— Ура-а-а! — закричала малышка.

Темп послушно вылез из-под стола, и она тут же вскарабкалась ему на спину.

Живоглот проводил их до дверей и крикнул вслед:

— И не надо возвращаться, пока я не позову!

Грегор слышал, как остальные взволнованно переговариваются в комнате. Похоже, они испытывали сейчас скорее облегчение, чем волнение. Мин (оказывается, это была тараканиха) высунула голову из своей каморки, а Дедал расправил крылья. Неужели Босоножка настолько их достала?

Нет, что-то на самом деле случилось. Но что именно — Грегор понять не мог.

Живоглот вернулся в комнату, теперь он улыбался Лиззи:

— Итак, — сказал он. — Так-так-так.

Он сел на задние лапы и склонился в глубоком поклоне:

— Добро пожаловать в Подземье, Принцесса.

ЧАСТЬ 2

Тик-так

ГЛАВА 10

Этот странный во всех отношениях поступок Живоглота заставил Грегора издать возглас протеста. Принцесса! Это могло означать только одно: крыс считает, что именно Лиззи, а не Босоножка и есть там самая принцесса из пророчества — и он собирается оставить ее здесь.

— Нет, Живоглот! Нет и нет! Ты не можешь так поступать!

Грегор вскочил, схватил Лиззи за руку и потащил к дверям.

— Пойдем, Лиззи, мы сейчас же доставим тебя домой! Сейчас же!

Живоглот встал у двери, перегородив ее своим здоровенным крепким телом:

— Я не могу позволить вам сейчас уйти. Это небезопасно.

— Это правда, — вмешался Дедал. — Гермеса и твою сестру атаковали на дне той шахты, что ведет к вашему дому. И сейчас там наверняка выставлены крысиные посты.

— Значит, она вернется домой через портал в Центральном парке — вот и все! — упорствовал Грегор.

— Даже если у нас есть сейчас свободная летящая — что само по себе вряд ли, — все равно я бы не рекомендовал это делать. Вероятнее всего, крысы установили посты и там. Ты что, хочешь бросить нашу дорогую Лиззи в Центральном парке совсем одну?! А как она отодвинет верхний камень? И как попадет в темноте домой? — спросил Живоглот.

Грегор понятия не имел, который сейчас час в Наземье. Но разумеется, он не мог отправить Лиззи в Центральный парк одну — независимо от времени суток.

Надо попросить папу ее встретить! Хотя нет, не сработает. Отец болен, к тому же они не могут отправить летучую мышь в прачечную, чтобы передать ему весточку, а другого способа связаться с ним у них нет.

Значит, оставался единственный способ переправить Лиззи домой.

— Я отведу ее сам, — тихо сказал Грегор.

— Попробуй высунуть хоть кончик носа за пределы Регалии — и ты моментально окажешься снова в том чудном карцере, не успев и глазом моргнуть, — ответил Живоглот. — И твой Арес тоже.

Грегор почувствовал, как в нем растет отчаяние. Оставлять Лиззи здесь, внизу, было решительно нельзя! Он должен найти выход и отправить ее домой! Но все, что говорил Живоглот, было правдой.

— Но зачем она вам? Что это за штучки с «принцессой»? Она же

неверно разгадала твою загадку — ведь я прекрасно знаю, что больше всего на свете ты любишь креветки в сливочном соусе!

Живоглот вздохнул и закатил глаза, потом глянул на Лиззи:

— Ну, видишь? Вот с этим молодым человеком я без всякого толку бьюсь весь последний год. Объясни ему, будь добра.

— Ведь это всего-навсего головоломка, Грегор, это не настоящему, — сказала Лиззи. — И в этой головоломке крыса ест сыр.

— Но как ты узнала? Ты просто догадалась, да? — растерялся Грегор.

— Нет, просто это был единственный возможный ответ. Оставалась только крыса. Он же сказал: мышь не ела сыр. И два животных, что ели грибы и печенье, — не млекопитающие. А это значит, что паук и таракан сыр есть не могли. И получается, что сыр — это не самое любимое блюдо наземного, подземного и летучей мыши. Остается только крыса. Понимаешь? — объяснила Лиззи.

На самом деле от ее объяснения все только сильнее запуталось — у Грегора голова пошла кругом.

— Нет, Лиз, не понимаю, — признался он. — Все, что я понимаю, — это что тебе нужно домой.

— А может, она и не хочет домой? — вкрадчиво спросил Живоглот.

— Да нет, хочет! — возразил Грегор.

— Давай спросим у нее, — предложил Живоглот. — Лиззи, если бы ты знала, что все люди в Подземье могут погибнуть, потому что без твоей помощи мы не сможем разгадать головоломку, — ты бы осталась или вернулась домой?

— Что? — Лиззи немедленно собралась снова впасть с панику. — Это действительно так?

— Не смей так с ней говорить! — возмутился Грегор. — Она ведь даже не принцесса — это Босоножка принцесса!

— А как называется сестра принцессы, а? Как? — настаивал Живоглот.

— Ладно! Она называется принцесса! — пришлось согласиться Грегору. — Но! Это же только для тараканов так. И никто не называет меня здесь принцем почему-то!

— Ладно, если для тебя это так важно — с сегодняшнего дня ты будешь для меня принцем Грегором, — тут же отреагировал Живоглот.

— А мама, Грегор и Босоножка — они тоже?.. — спросила Лиззи, которая все еще искала ответ на вопрос Живоглота. — Они тоже умрут?

— Да, если останутся здесь. И ты можешь умереть — если останешься. Хотя, возможно, этого не случится. Но вот если ты

действительно та самая принцесса из пророчества и ты здесь не останешься, а покинешь нас — тогда ни у кого из нас шансов выжить не будет, — кивнул Живоглот. — Думаю, присутствующие в этой комнате подтвердят мои слова.

— Только другая принцесса разгадку найдет. Только она разгадает таинственный код, — вдруг заговорила Нерисса. — Вот что означает эта строчка из «Пророчества Времени»! У нас была принцесса — но не та. А настоящую надо было отыскать. Настоящая принцесса — это ты, Лиззи, ты — та, кто может помочь нам разгадать Код Когтя.

— Тогда я должна остаться, Грегор, — объявила Лиззи. — Я не могу уйти и оставить всех остальных умирать.

— А как же папа? — спросил Грегор.

— Не знаю. — Лиззи снова начала часто и громко дышать. — Я не знаю.

— Я отправлю наверх деньги. И инструкции. Ваша чудесная миссис Кормацци сможет нанять сиделку, правда? Ведь так называются люди, которые присматривают за больными? — поинтересовался Живоглот.

— Но если ты можешь отправить деньги и письмо, — значит, ты мог бы попросить миссис Кормацци встретить Лиззи в Центральном парке, — возразил Грегор.

— Грегор, я не пойду! — сказала Лиззи несчастным голосом. — Я должна остаться. — Она повернулась к Живоглоту: — А как ты свяжешься с миссис Кормацци? Через крыс, да? Тех маленьких, обычных, которые живут наверху?

— Совершенно верно. Какое же блаженство — когда не надо объяснять каждый мой шаг и каждую мою мысль! — воскликнул Живоглот.

— Я напишу письмо и соберу деньги, — предложила Нерисса. — Живоглот, я тебе нужна?

Нерисса была столь бледна, что вены под почти прозрачной кожей казались фиолетово-черными. Вся эта нервотрепка с Лиззиным появлением произвела на нее слишком сильное впечатление — она действительно в любой момент могла свалиться без чувств.

— Нет, — покачал головой Живоглот. — Зайди в садик — а потом отдохай.

— Хорошо, — держась за стенку, чтобы не упасть, Нерисса пошла к двери. — Хорошо.

— Нерисса, ты сегодня была молодцом, без тебя мы бы не справились, — произнес ей вслед Живоглот, и она в ответ слабо кивнула.

Ничего себе — да этот крыс пребывал в прекрасном расположении

духа, раз расщедрился даже на комплимент Нериссе! Зато Грегор, в отличие от Живоглота, совсем не испытывал радости. Но он понимал, что спорить с Лиззи сейчас бесполезно и не нужно. Да и Живоглот слишком хитер, чтобы отпустить ее.

Пара подземных вкатил стол на колесиках с дымящейся едой, и Грегор вдруг понял, что страшно голоден. Он сделал себе гигантский бутерброд с ростбифом, тушенным с грибами, и уселся у стены, чтобы обдумать дальнейшие планы, прихватив с собой стакан молока.

Лиззи, которая тоже давно ничего не ела, по настоянию и под руководством Живоглота сделала себе бутерброд с маслом.

— А теперь пойдем, я представлю тебя всем членам нашей команды, — сказал Живоглот, хвостом обнимая ее за талию. — Понимаю, они выглядят для тебя несколько странно, но поверь, очень скоро ты найдешь с ними общий язык, и тебе будет легче общаться с ними, чем с принцем Грегором.

— Почему? — спросила Лиззи, с тревогой глядя на Грегора через плечо.

— Потому что ты иначе мыслишь, — объяснил Живоглот. — И да, кстати: ты ведь не поешь, верно?

— Ну, вообще-то я и правда не очень люблю музыку со словами, — признала Лиззи.

По комнате разнесся всеобщий вздох облегчения.

— Хорошо. Хорошо. — Живоглот чуть наклонился вперед и зашептал в самое ухо Лиззи, так что Грегор едва мог расслышать, что он говорит: — И будь с ними поприветливее — они очень стеснительные.

Это он говорил Лиззи, которая сама была болезненно стеснительной и робкой! Ей всегда было трудно заводить друзей, а если по правде, то у нее и был-то всего один друг, и довольно странный — Джедайда. Он учился в ее классе и тоже, как и Лиззи, держался от других детей в стороне. Ему было восемь, но он прекрасно разбирался в технике и мог рассказать, как работает любое устройство: машина, телефон, компьютер. Однажды, когда они пришли на школьную ярмарку, он, не останавливаясь, говорил обо всем этом целый час. Грегор как-то отвел их обоих на стадион, где играли в футбол. Лиззи замерзла, а Джедайда восхищался бегущей строкой на плазменных панелях. Это было безнадежно. А еще он называл Лиззи всегда ее полным именем — Элизабет — и страшно расстраивался, когда кто-то называл его Джедом. А разговоры, которые вела между собой эта парочка, наводили на Грегора такую тоску, что он начинал думать, вдруг перед ним не его сестра с одноклассником, а пара инопланетян-зануд. «О чем ты

думаешь, Джедайда?» — «Я не знаю, Элизабет!»

И все же в их семье все испытывали к Джедайде своего рода благодарность, потому что если бы не он, — у Лиззи не было бы друзей вообще.

Мысль о том, что взломщики кодов тоже могут робеть и стесняться, воодушевила и успокоила Лиззи. Она каждому из них смогла сказать вежливое «привет!», когда их представляли друг другу. И им она, видимо, понравилась, потому что все они выползли из своих укрытий-комнаток. Дедал — тот вылетел почти сразу, но люди и летучие мыши вообще неплохо ладили здесь, в Подземье. Мин выползала медленно — она была старой тараканихой, такой старой, что, казалось, будто при движении она скрипела, как несмазанная телега, а ее панцирь уже чуть ли не покрылся серой патиной. Хирония с большим усилием поднялась на ноги, проползла вперед и отвесила Лиззи поклон — Лиззи, хихикая, поклонилась ей в ответ. И даже Рефлекс осторожно выступил вперед, поприветствовал ее и снова поспешно удалился в свою паутину.

Живоглот подвел ее к дереву, изображенному на стене.

— Это Дерево Сообщений. Оно было создано много лет назад, чтобы облегчить передачу информации на дальние расстояния. Люди, крысы, летучие мыши, тараканы и пауки создавали его все вместе, в один из редких мирных периодов нашей истории. И мы до сих пользуемся им.

Лиззи внимательно посмотрела на дерево, на котором были начертаны как отдельные буквы, так и отдельные слова — «стуки», «щелчки», «царапанье», а еще какие-то чудные палочки и точки. И ниже значилось: «вправо», «вверх», «вниз».

— Я думаю... — нерешительно начала Лиззи.

— Ну же, не бойся ошибиться! — подбодрил ее Живоглот.

— Ну, может быть, звуки... Может быть, щелчки, царапанье и стуки... их используют для обозначения букв, — ответила Лиззи. — Один щелчок — это одна буква, одно царапанье — другая, один стук — третья. Правильно?

— Верно! — обрадовался Живоглот. — А если ты услышишь, предположим, одно царапанье и два стука?

Лиззи провела пальцем по дереву, размышляя вслух:

— Одно царапанье — это верх, первый стук — это право, второй стук — еще правее. — Вдруг глаза ее вспыхнули пониманием: — Это что-то вроде азбуки Морзе! Способ, при помощи которого сигналами передают информацию по телеграфу! Короткие и длинные сигналы!

— И это верно, отличие лишь в том, что у Морзе два вида сигналов, а

у нас три. А откуда ты узнала про азбуку Морзе? — поинтересовался Живоглот.

— Папа рассказывал, — ответила Лиззи. — Только древа никакого у нас нет: просто таблица с сочетаниями коротких и длинных сигналов для каждой буквы... Да, очень похоже на азбуку Морзе, — кивнула Лиззи.

— Кое-кто считает, что нашу азбуку невозможно выучить наизусть. Но лучший способ ее учить — просто слушать. Царап-царап-щелк. Тук-тук-царап. Именно так она и работает.

Грегор помнил, как папа рассказывал про азбуку Морзе. Это было интересно — но у него в памяти не осталось почти ничего. А вот Лиззи заинтересовалась папиным рассказом и так увлеклась, что некоторое время посылала Грегору сообщения с помощью азбуки Морзе. Правда, Грегор освоил только сигнал бедствия SOS — ти-ти-ти — та-та-та — ти-ти-ти, — который обычно подают терпящие бедствие корабли. Три точки — три тире — три точки. Их надо посылать как единое целое, без перерыва, чтобы даже было непонятно, что это три отдельных слова: «save our souls», «спасите наши души».

Да, Лиззи тогда здорово достала его этой азбукой Морзе. Она стучала ему в стену кулачком, стучала по столу вилкой во время обеда, даже фонариком пыталась изображать какие-то сигналы, длинные и короткие, пока Грегор его у нее не отнял. Лиззи была так увлечена, что практиковалась в передаче сигналов часов по пять в день — даже когда Грегор окончательно отказался в этом участвовать, сославшись, что в школе стали много задавать.

— Что-то я не понял... если вы знаете, как код работает — какие могут быть проблемы с расшифровкой? — спросил он нетерпеливо.

— Это не код, Грегор, — возразила Лиззи. — Это общеизвестный способ передачи информации. Это все равно что по телефону позвонить! Все всегда поймут, что ты говоришь.

— И тебе уже приходилось слышать это раньше — ты же слышал, как крысиные когти царапают, трещат и щелкают, — добавил Живоглот.

Грегор вспомнил, как проснулся ночью в пещере в Огненной земле от подобных звуков. Живоглот тогда велел ему не обращать на них внимания.

— Как в той пещере, — задумчиво сказал Грегор.

— Да. Но те звуки не были закодированы — крысы не думали, что кто-то может их подслушать, и пользовались обычными словами.

Живоглот взял одну из белых лент, испещренных следами куриных лап, и встряхнул, разворачивая:

— Вот код! Код Когтя. Тот, о котором говорится в «Пророчестве

Времени». Тот, который, надеюсь, Лиззи поможет нам разгадать.

Теперь, наконец, Грегор понял.

Щелчки-царапанье-стуки — не шифр. Это простая и всем известная азбука. Но сообщения, которые посылали друг другу крысы, были на первый взгляд полной бессмыслицей, ибо они были зашифрованы. В них А могла оказаться буквой Б, или В, или вообще Х — все зависело от того, как она зашифрована в Коде Когтя.

Лиззи взяла ленту и села на пол, держа ее в руках и внимательно изучая:

— Это что-то вроде криптограммы? Где одна буква заменяет другую?

— Не совсем. — Хирония подползла поближе. — Мы разгадываем обычные криптограммы за считанные минуты — но эта слишком запутанная, с такими мы не сталкивались.

— Там какой-то фокус, которого мы не понимаем. Что-то совсем новое, — добавил Дедал.

— Не нашли, мы нет, не нашли, — со скрипом подобралась к ней поближе и Мин.

— Но главное — у нас совсем нет времени, — сказал Живоглот. Он расстроенно покачал головой и вдруг произнес: — О, как же я снова хочу есть!

Отойдя в сторонку, он тут же занялся жареным цыпленком.

— Ты получил печенье, которое я помогала печь? — спросила Лиззи, не поднимая головы от шифра на ленте.

— Нет, я не получил печенье. — Живоглот с угрозой повернулся к Грегору: — Где оно?!

— Оно в моем рюкзаке в больнице, наверно. Я принес его, но был бой. Прости, не было подходящего момента, чтобы отдать его тебе, — поспешил оправдаться Грегор. — Хочешь, я прямо сейчас за ним схожу?

— Хочу. И даже пойду с тобой — чтобы быть уверенным, что никаких недоразумений с моим печеньем больше не произойдет. Заодно удостоверюсь, что письмо к твоему отцу отправлено и дойдет без проволочек, — заявил Живоглот.

Он ласково коснулся кончиком хвоста волос Лиззи:

— С тобой ведь все будет нормально, да?

— Что? — Лиззи была поглощена изучением шифра. — А, да, думаю, да.

— Отлично. Я скоро вернусь.

Грегор обернулся в дверях, чтобы убедиться, что Лиззи не впадет в истерику, видя, что он уходит. Но она что-то оживленно обсуждала со

взломщиками кодов. Теперь даже Рефлекс выполз из своей паутины и присоединился к остальным.

Это была умилительная картина — все они кружком на полу. Странная — но умилительная и трогательная.

Живоглот подождал, пока они ушли на достаточное расстояние, чтобы их не услышали, и только тогда заговорил. Голос его звучал непривычно мягко и просительно:

— Слушай, Грегор, не сердись на меня и не сопротивляйся. Позволь ей остаться. Она нужна — без нее нам не разгадать этот код, а значит, не спасти людей, которых ты любишь.

— Ее я тоже люблю, Живоглот. Она моя сестра! И она в самом деле сообразительная — но не сильная, — сказал Грегор. — Она не ты — ей здесь не выжить.

— Понимаю, — вздохнул Живоглот. — Понимаю. Но Соловет все равно узнает, что она здесь, и отдаст приказ удерживать ее силой, пока идет война. А вот после войны, Грегор? Что будет после войны?

— Это вообще не проблема. Я сам доставлю ее домой, и...

Грегор вдруг замолчал — он вспомнил «Пророчество Времени»:

Когда Воин... умрет...

Он не сможет никого никуда доставить.

— Я найду способ отправить Лиззи домой. И Босоножку, и маму. И я должен сделать это — пока могу, — пробормотал он скорее себе, чем Живоглоту.

— Ты не можешь. И никто не может, — покачал головой Живоглот. — Но если ты сейчас, без сопротивления, позволишь ей остаться здесь, клянусь: после войны они все трое окажутся наверху, у вас дома.

— Нет, — сердито ответил Грегор. — Что за хрень?! Какой смысл держать их здесь после войны?

— А ты подумай, парень, подумай. В случае победы Соловет получит полную и бесконтрольную власть. Ты думаешь, она отпустит кого-то из них домой? — Голос Живоглота опустился почти до шепота. — Она уже намекала мне... Если у Соловет есть Босоножка — у нее есть власть над тараканами. А если Лиззи представляет собой то, что я думаю, — ну, тогда она просто на вес золота. Нет, кончится тем, что твой отец придет их искать — и вся твоя семья окажется в плену на всю оставшуюся жизнь. Если я вам не помогу.

Грегор даже думать не хотел о таком кошмаре: вся его семья здесь, в

Подземье, в качестве пленников... Но как только Живоглот произнес это вслух — Грегор понял, что это не только возможно... Он понял, что скорее всего так и будет!

— Но я могу доверять тебе? — спросил он тихо.

— Даю тебе слово, — так же тихо ответил Живоглот.

— Слово крысы? — В голосе Грегора звучала горечь.

— Нет. Слово яростника. Я даю тебе слово как яростник яростнику. Я обещаю, что доставлю их домой, — во что бы то ни стало.

Пока Грегор пытался сообразить, какую ценность имеет слово яростника, — во дворце вдруг начали тревожно трубить в рог. Живоглот поднял голову и прислушался:

— Крысы напали на город с северной стороны — оттуда, где находятся сельскохозяйственные угодья.

Грегор растерялся. Значит, обратной дороги нет. И что теперь?

— Ну, что скажешь, Наземный? Мы договорились? — спросил Живоглот.

Выбора у Грегора не было.

— Да.

— Отлично. А теперь иди и найди себе какие-нибудь доспехи, — посоветовал Живоглот. — Увидимся на поле боя.

ГЛАВА 11

Грегор чувствовал себя ужасно. Тогда, в музее, он ясно осознал, что должен погибнуть, но все внутри него сопротивлялось этой мысли и он упорно гнал ее прочь. Несмотря ни на что ему удавалось погрузиться в настоящее и почти не думать о будущем — вернее, о том, что будущего у него нет. Другого способа продолжать жить и действовать не было. Но иногда... иногда, вот как сейчас, страшная правда вдруг всплывала из глубины сознания, и он оказывался с ней лицом к лицу. И все же ему не оставалось ничего другого, кроме как двигаться навстречу неминуемому — остановить время было не в его силах.

Идя по коридорам дворца, Грегор заметил на многих лицах отражение собственных чувств. Он знал, что регалианцам не нужно никаких пророчеств, — им и так известно, что очень велика вероятность каждому из них погибнуть в этой войне. У них тоже были семьи и друзья, о которых они волновались и которых надо было защищать. И от сознания того, что страшные мысли бродят в голове не только у него, Грегору стало чуть менее одиноко.

Он не представлял себе, где взять доспехи, о которых говорил Живоглот, но во дворце была комната, в которой хранилось оружие и боевые принадлежности, а потому он решил, что логично начать с нее. Войдя, он увидел, что в комнате полным-полно народу, — все готовились к бою. И хотя здесь стоял страшный шум и неразбериха, к Грегору тут же подошла пожилая подземная с сантиметром в руках.

— Тебе нужна защита, да? — спросила она, и Грегор кивнул. — Меня зовут Миравет. Я тебе помогу, — и очень быстро, практически молниеносно, обмерила его сантиметром. — Как ты дерешься? Только мечом? Правой рукой?

— Да, так. — Грегор подумал, как много нюансов у такого, казалось бы, простого дела.

— А что ты делаешь левой рукой? — спросила она.

— Ничего. Иногда приматываю сюда фонарик, чтобы видеть, — ответил Грегор, показывая на предплечье.

— И все? — Она выглядела слегка разочарованной, будто он отказался от какой-то очень выгодной сделки.

Затем стала выбирать ему нагрудный щит, крепящийся при помощи крючков, из кучи, что громоздилась на полу.

— Это крепится на груди, — сказала она и взяла выкованный из серебрянистого металла и отделанный перламутром щит.

Но когда Миравет стала застегивать на нем крючки, из-за спины Грегора раздался голос:

— Нет, Миравет, я хочу, чтобы он был весь в черном.

Грегору не надо было поворачиваться, чтобы понять, что сзади стоит Соловет. Он стиснул зубы — настолько ему не хотелось видеть ее снова.

— Почему же? — нахмурилась Миравет, и Грегор сразу проникся к ней симпатией за то, что она не бросилась выполнять приказ Соловет, не рассуждая.

— Чтобы он сливался со своим летящим и не был замечен в темноте, — объяснила Соловет.

— Но грызунам совершенно все равно, замечен ли он в темноте, — возразила Миравет, упрямо продолжая прилаживать щит, который выбрала.

— Грызунам все равно. А людям нет. Он должен символизировать собой силу и неприступность и внушать желание следовать за ним, — настаивала на своем Соловет.

— Как тебе угодно, — сдалась Миравет.

Она вернула блестящий щит обратно в кучу и выудила оттуда другой — из черного металла, инкрустированный кусочками черного эбонита. — Этот?

— Этот лучше, — кивнула Соловет.

Она молча стояла рядом и смотрела, как Миравет ищет для Грегора черные штаны и рубашку, а потом надевает на руки и ноги Грегора защиту — доспехи не были тяжелыми, и это хорошо, потому что ему не хотелось, чтобы что-то стесняло его движения.

Когда ему надели шлем, Грегор краем глаза увидел собственное отражение в зеркале: абсолютно черный, с ног до головы. В таком виде он будет драться с Мортосом, чья шерсть настолько белая, что слепит глаза. Если бы это было кино, — в таком виде Грегор явно был бы представителем «плохих». Но с другой стороны... с другой стороны — в этом черном цвете была особая мощь, и в глубине души Грегор не мог не признать, что выглядит ну просто очень круто.

Но Миравет, осмотрев его, покачала головой:

— Этой одеждой ты только подчеркиваешь его юность. У него недостаточно мужественное и жесткое выражение лица.

Грегор не был уверен, что понимает, о чем она — при чем здесь выражение лица?

— Ничего, у него появится нужное выражение, — сказала Соловет. —

Пойдем со мной, Грегор.

Когда они покинули оружейную комнату, она добавила:

— Моя сестра отлично разбирается в амуниции, но не в людях.

Сестра?! Соловет. Миравет. Их имена созвучны, к тому же это объясняло, почему Миравет не боялась ей противоречить.

— Кстати, о сестрах, — продолжала Соловет. — Я слышала, вторая твоя сестра тоже к нам присоединилась. Напомни мне ее имя.

Они шли по большому залу — и вокруг никого не было. Грегор не мог проигнорировать ее вопрос.

— Ее зовут Лиззи, — промолвил он.

— И ты не против того, чтобы она здесь осталась? — спросила Соловет.

Вообще-то он против. И очень даже против! Но у него договор с Живоглотом.

— Нет, — мрачно произнес Грегор. — Она ведь этот... взломщик кодов.

— Это еще нужно посмотреть. Лично я не уверена, что это именно так и что Босоножка не располагает ключом к коду.

Некоторое время они шли в молчании, потом она заговорила опять:

— Наверно, с моей стороны было жестоко запираить тебя в карцере. Но ты воин нашей армии, и ты послушался прямого приказа. А в армии только один командир, которому все безоговорочно подчиняются. Если нет — это уже не армия. Наступает хаос. Вот почему дисциплина так важна: если мы утратим дисциплину — мы потеряем все.

Грегор был с этим не согласен. Ему казалось, что главное — это четкий план действий и люди, которые готовы претворить его в жизнь.

— Как тебе кажется, ты способен следовать приказу? — спросила Соловет.

— Может быть. А может и нет, — ответил он. — Зависит от обстоятельств.

Если бы Соловет приказала ему, Грегору, создать секретное оружие в виде неизлечимой чумы — он бы точно не стал этого делать.

Но вслух он добавил:

— Кажется, я всегда выполняю приказы Живоглота.

— Что ж, давай посмотрим, можешь ли ты выполнять мои приказы, — произнесла Соловет.

Когда они вошли в Высокий зал, там уже поджидал их Аякс, летучая мышь Соловет. Грегор почти не знал его. Он был массивен и брутален, с шерстью цвета засохшей крови. Как-то Грегор спросил Ареса, что тот

думает об Аяксе:

— Я с ним не общаюсь, — получил он ответ. — И почти никто не общается. Впрочем, как и со мной.

Так что никакого мнения об Аяксе у Грегора не было.

Грегор с Соловет вылетели из дворца, пролетели над стеной, которой заканчивался город, и направились на север, пролетая над сельскохозяйственными угодьями. Половина жителей Регалии была сейчас на полях, они лихорадочно собирали то, что там выросло.

— Это наша политика: когда грызуны подбираются так близко, мы собираем или уничтожаем все, что можно — мы не хотим оставлять им ни крошки наших пищевых запасов, — объяснила Соловет.

Угодья заканчивались еще одной стеной, не столь высокой, как те, что окружали город, но зато в ширину она была не меньше трех метров, а значит, представляла собой прекрасную площадку для размещения армии. Сейчас на стене разместились вооруженные люди, сидевшие на летучих мышах. В центре было оставлено пустое место — видимо, для тех, кто будет отдавать команды.

Когда Аякс приземлился, Грегор бросил взгляд на пещеру, что располагалась за этой стеной. Он неоднократно пролетал здесь, но прежде пещера была погружена в полную темноту, а сейчас, как и во время боя в Огненной земле, люди, готовясь к битве, разместили на ее стенах множество горящих факелов. В их мерцающем свете Грегор разглядел, что бой еще не начинался.

Внизу, у стены, сосредоточились сотни крыс. Они не выстраивались кругом, как обычно, и в этот раз стояли строгими рядами. Если не считать какого-то случайного движения или подергивания хвоста, — они были неподвижны как изваяния.

Люди наверху образовали на своих летучих мышах что-то вроде креста. Соловет подозвала к себе кое-кого из них, выслушала отчет о численности вражеской армии, об их действиях и о том, кто ими руководит.

Вскоре прибыл Арес, несший на спине Живоглота.

Увидев Грегора, Живоглот развеселился:

— О нет! И что должен означать твой костюм?!

— Это я выбрала ему амуницию, — прервала его смех Соловет. — Тебе что, не нравится?

— Он выглядит так, будто он — шахматная фигурка! — заявил Живоглот, и Грегор заметил, что несколько бойцов, стоявших неподалеку, с трудом удерживаются от смеха.

— А тебе-то самому нравится твой прикид? Нравится? — спросил

Живоглот, обходя Грегора.

До этого момента Грегору его прикид нравился — пока Живоглот не начал над ним потешаться.

— А что я мог поделаться?! И вообще — мне же на него не придется смотреть, — отговорился он.

— Да, но нам-то придется! — воскликнул Живоглот.

И тут же, словно забыв о начатом разговоре, принял участие в военном совете с Соловет.

— Как проходит спасательная операция? — спросил Грегор у Ареса.

— Да вроде неплохо. Конечно, много зубастиков еще остается в Огненной земле, но большинство из них мы успеем спасти.

— Ты в порядке?

— Устал немного. А ты? — в свою очередь поинтересовался Арес.

— О, я прекрасно. Соловет посадила меня в карцер. Потом откуда ни возьмись появилась моя сестра Лиззи, и Живоглот решил, что она и есть ключ к коду. А вдобавок — я выгляжу как идиот, — ответил Грегор.

— Да отлично ты выглядишь! Черный тебе к лицу, — возразил Арес.

— Впрочем, ладно. — Грегор махнул рукой. — Люксе лучше, я даже смог увидеть ее и поговорить с ней секунд тридцать.

— Мне не позволили навестить Аврору и Найк в больнице, но доктора говорят, они тоже пошли на поправку, — сказал Арес.

— Господи, у меня ведь не было возможности узнать, как дела у Говарда! — спохватился Грегор, чувствуя себя страшно виноватым за то, что волнение за Люксу вытеснило из его головы всех остальных друзей.

— Ему тоже лучше, — успокоил его Арес.

Некоторое время они молча смотрели на крыс внизу.

— А почему мы не деремся? — поинтересовался Грегор: ему уже немного надоело это ожидание.

— Соловет оценивает позиции крыс, чтобы разработать тактику боя. У нас в Подземье существует два вида боя. Первый — это внезапная атака, за которой следует немедленная контратака, чтобы защититься. А второй — это битва. Сходятся две армии в определенный час на поле боя. И сейчас мы готовимся к битве, — объяснил Арес.

Это напомнило Грегору фильм, который он смотрел когда-то: там две армии, прежде чем начать сражаться, долго стояли друг напротив друга.

Люди имели преимущество перед крысами — у них было время на выработку стратегии и тактики боя. Но зато им приходилось заботиться об охране стены. Крысы же могли начать бой и ослабить противника, не атакуя стену, но их потери в этом случае были бы очень велики. Плюсы и

минусы были у обеих сторон. Может, поэтому обе стороны так долго выжидали.

Сейчас было похоже, что люди как-то слишком уверены в своей победе.

— Может, самым умным решением было бы просто сидеть здесь, — заметил Грегор.

— Может и так. Но тогда мы будем жить с сознанием того, что у нас под носом, у стен Регалии, стоит армия крыс, численность которой будет только расти, — возразил Арес.

Да, не самая приятная мысль на свете.

Тем временем Живоглот о чем-то тихо совещался с Соловет, поглядывая на него. Затем Соловет подошла к нему:

— Грегор, Арес, мы хотим поставить вас во вторую линию на пятый рубеж на правом фланге. Так предложил Живоглот, а поскольку я никогда не видела, как ты дерешься, я решила следовать его рекомендациям.

Грегор вдруг сообразил, что и правда — Соловет никогда не видела его дерущимся. В первое свое путешествие по Подземью он даже не брал с собой меч, а когда он отправился на поиски Мортоса, — ее не было в числе тех, кто плыл с ним на корабле. И хотя она планировала идти с ними в джунгли, — Хэмнет решительно отказался быть в таком случае их проводником. А когда Грегор и его команда вернулись из джунглей в Регалию, Соловет заключили под стражу за ее участие в заговоре, связанном с вирусом чумы.

Так что нет, она никогда не была поблизости ни во время боя, ни даже во время тренировок.

Что ж, вероятно, он сможет показать ей пару приемчиков, которые ее удивят. И возможно, если поймет, какой он хороший боец — она хотя бы немного ослабит хватку.

Грегор понятия не имел, что означает «вторая линия пятый рубеж правый фланг», а вот Аресу, похоже, все было предельно ясно. Когда прозвучала соответствующая команда, он полетел прямо к тому месту, которое было им определено, — во втором из трех рядов бойцов, оседлавших летучих мышей.

Грегору был неприятно удивлен, увидев с двух сторон от себя Горацио и Маркуса.

«Чудесно, — подумал он недовольно, — она и здесь приставила ко мне охрану!»

Но недовольство не было единственным чувством, которое его обуревало. Была и еще одна эмоция... довольно странная, учитывая

обстоятельства.

Приятное возбуждение. Он предвкушал сражение, с нетерпением его ожидал.

Сейчас его жизнь представляла собой полную мешанину и неразбериху. А когда сражался — он по крайней мере понимал, что происходит, и даже в какие-то моменты забывал обо всем остальном.

Воцарилась напряженная тишина. Воздух, казалось, был пропитан всеобщим волнением. И тут Грегор услышал тихий голос Соловет:

— Вперед.

Первая волна летучих мышей хлынула со стены вниз, туда, где крысы поднялись им навстречу. Едва они сцепились, как Грегор почувствовал, что Арес взлетает. В этот раз они не летали по кругу и не выбирали себе жертву — летучие мыши ныряли вниз одна за другой и вклинивались в первое попавшееся свободное пространство.

Для Грегора участвовать в сражениях стало делом обыденным настолько, что практически вошло в его плоть и кровь. Яростничество уже овладело им. Арес перемещал его с места на место, а он рубил мечом направо и налево. Места для маневра здесь было меньше, чем в огромной пещере в Огненной земле, потолок был ниже, а крысы расположились внизу очень тесно. Это было проблемой не столько для Грегора, сколько для Ареса — у него были такие длинные крылья, что, когда он несся вниз, сразу несколько крыс могли в них вцепиться. Поэтому Грегор все время старался защищать мечом и крылья своего летуна. В какой-то момент ему стало казаться, что крысы стараются не столько дотянуться до Грегора, сколько повредить крылья Ареса. Не мешкая, Грегор расправился с двумя крысами, которые прицельно метили в Ареса, но третьей удалось зацепить когтем нежную кожу у самого кончика крыла и вырвать из него изрядный клочок плоти.

— Ты в порядке? — крикнул Грегор Аресу.

— Да, это можно потом зашить, — ответил тот. — На полет это не повлияет.

— Отлично. Давай-ка найдем крысу, которая это сделала! — предложил Грегор.

Они собрались нырнуть вниз, как пролетающий мимо подземный приказал им вернуться обратно на стену.

Грегор собрался было спорить, но Арес тут же исполнил приказ, и Грегор подумал, что, наверно, это правильно — ведь армия обязана слушаться приказов.

И все же, когда они приземлились, Грегор не удержался:

— Да Арес в порядке! Это всего лишь царапина!

— Слезай! — скомандовала Соловет. — Вызовите Периту и Марета, — велела она одному из гвардейцев.

Грегор сполз со спины Ареса, недоумевая, что происходит.

Если она считает, что Арес опасно ранен, — его просто следует немедленно отправить в больницу, а Перита и Марет для этого совершенно не нужны.

Прилетела Перита — она тяжело дышала, возбужденная сражением; откуда-то на стене взялся Марет — он в сражении не участвовал из-за ноги, но Грегор был уверен, что Марет теперь что-то вроде генерала или военного советника, потому что уж очень свободно тот общался с Соловет во время совещания в штабе.

Грегор не ждал от Соловет особых похвал, но все же ее слова повергли его в шок:

— Он вопиюще не готов к сражению! Это не в укор тебе, Марет, — я понимаю, у тебя было немного времени, чтобы его подготовить. Но его левая рука... она у него вообще не задействована! Мы что, не можем дать ему больше оружия?

— Можем, — возразил Марет. — Но я не думаю, что два меча — выход из положения. Он все равно предпочитает работать только правой рукой.

— Ну хотя бы кинжал! — не уступала Соловет. — Хотя бы для того, чтобы ему было чем отражать атаки! Перита, ты за это отвечаешь!

— Да, Соловет, — ответила Перита.

— Я теперь даже не знаю, можно ли рисковать, отправляя его на поле боя, — нахмурилась Соловет. — Он способен на круговую яростническую атаку?

— Не знаю, не знаю, — с сомнением произнес Живоглот. — Он обычно много суетится, нервничает и легко выходит из себя...

— Я могу! — запротестовал Грегор. — Когда я дрался со змеями в джунглях, — мы смогли их прогнать и сами спастись!

— Хм-м-м... — Живоглот все еще сомневался: — И ты мог себя контролировать?

— Да. По крайней мере... Впрочем, да, в конце у меня было что-то вроде головокружения, — признался Грегор.

На самом деле это было не просто головокружение — раньше он никогда так паршиво себя не чувствовал: он совершенно потерял контроль над своим телом, его мотало в разные стороны, он врезался в деревья, и его страшно тошнило. Он даже на спину к Аресу забраться не мог. И прошло

довольно много времени, пока он пришел в себя.

— Живоглот! — Соловет повернулась к крысу. — Оставляю решение этой проблемы тебе.

— Как будто мне других мало, — пробурчал Живоглот.

— Твое мнение об Аресе? — спросила Соловет у Аякса.

— Он слишком рискует — не может рассчитать свои габариты, действует так, будто минимум в два раза меньше, чем на самом деле, — сказал Аякс. — Он сам нарываяется, будто хочет, чтобы его продырявили.

— Неправда! — бросился на защиту своего друга Грегор. — Видел бы ты его в Огненной земле!

— В Огненной земле много свободного пространства, но так бывает не всегда, — возразил Живоглот. — И не горячись, парень, — мы просто пытаемся сделать все, чтобы оставить вашу парочку в живых.

— Какой кинжал ему дать? — спросила Перита.

Соловет на секунду остановила свой взгляд на Грегоре, затем вынула из ножен свой кинжал и протянула Грегору рукоятью вперед:

— Возьми этот.

Этот кинжал — он был прекрасен. Тонкий, изящный. И красота его была не только в инкрустированной красными драгоценными камнями рукояти, но и в остром, прочном лезвии. По выражению лиц окружающих Грегор понял, что произошло что-то из ряда вон выходящее.

— Я не могу его взять. Он же твой, — произнес Грегор.

Но на самом деле ему хотелось принять этот подарок.

Если ему вообще нужен кинжал, — то только этот, который сейчас перед глазами.

— Я редко теперь участвую в сражениях. Не хочу, чтобы он ржавел в бездействии.

— Возьми его. Добавь немного яркого цвета в свой чудный наряд, — вмешался Живоглот.

— Спасибо.

Пальцы Грегора сомкнулись вокруг рукояти, и он вдруг не удержался и ударил лезвием кинжала о лезвие своего меча. Раздался приятный звук — металл звякнул об металл. Грегор внимательно осмотрел свое новое оружие. Это был первоклассный кинжал — похоже, не менее прочный, чем меч. И он чувствовал себя польщенным тем, что Соловет отдала ему свое личное оружие. Правда, это чувство было недолгим и быстро прошло.

— Ну, а теперь мы можем вернуться в бой? — спросил Грегор, засовывая кинжал в ножны на правом бедре, чтобы он был всегда под рукой. Ему не терпелось испытать его в действии.

— Вы двое? — переспросила Соловет таким тоном, будто сама мысль об этом казалась ей абсурдной и нелепой. — Нет, конечно. Я отсылаю вас обратно — тренироваться.

ГЛАВА 12

Поначалу Грегор подумал, что Соловет шутит.

Но вообще-то она была не из тех, кто любит розыгрыши. И если сказала «тренироваться», — именно это она и имела в виду.

Грегор хотел сдержаться, но ведь еще минуту назад он находился в самом центре битвы, и яростничество его еще не отпустило. А приказ Соловет — он был оскорбительным, унижительным для него!

— Да что же это такое! Я вам нужен сейчас, здесь! — крикнул Грегор.

Соловет подняла брови:

— Мы сражаемся с грызунами на протяжении многих веков. И, думаю, мы вполне справимся и без плохо обученных мальчиков.

— Это что-то новенькое, — не унимался Грегор. — Ведь вы не особо задумывались о моей тренированности, когда посылали меня в самые опасные миссии, — с того момента, как я впервые здесь оказался!

— Но это не потому, что от тебя ожидали чудес на поле боя, — возразила Соловет.

— Я умею сражаться! Спросите Живоглота! — наступал Грегор. — Он поставил меня на первую линию в Огненной земле.

— Ну кто-то же должен был приглядывать за тобой. Я и решил, что между мной и Перитой у тебя больше шансов остаться в живых, — пожал плечами Живоглот. — Но не думай, что это было просто, — убережь тебя.

— Что?! Да это ложь! — воскликнул Грегор.

Мысль о том, что он стоял рядом с Живоглотом на первой линии только для собственной защиты, была для него непереносима.

Грегор сорвал с головы шлем и был готов чуть ли не вцепиться в морду Живоглоту, но краем глаза вдруг заметил, что Перита как будто отрицательно покачала головой. И сам не понимая почему — может потому, что уважал Периту, — Грегор вдруг остановился и нахлобучил шлем себе на голову с такой силой, что чуть не пострадали его собственные уши. Он видел, как остальные смотрят на него, и понимал, что должен взять себя в руки. Глубоко вздохнув, он попытался унять свой гнев.

— Хорошо. Когда тренировка?

— За тобой пришлют, — ответила Соловет.

Грегор коротко кивнул и вскарабкался на спину Ареса. Когда они поднялись в воздух, Грегор услышал смех Соловет и ее слова:

— Ну, и кто теперь его враг номер один?

В ответ Живоглот хихикнул:

— Он всегда так легко заглатывает наживку...

Грегор понял, что эта сцена была разыграна нарочно, что его проверяли, желая удостовериться, может ли он взять себя в руки и выполнить приказ.

И он... он эту проверку провалил.

— Мне нужно было просто заткнуться, — сказал он.

И они издевались над тем, что, как он думал, у него хорошо получалось!

— Это трудно, когда тебя провоцируют, — произнес Арес мрачно. — Мне пришлось довольно долго этому учиться — тому, чтобы, как ты выражаешься, вовремя заткнуться.

Они направились в больницу, чтобы зашить Аресу крыло.

У Грегора новых ран не прибавилось, но врач, сняв швы с его голени, обнаружил небольшое нагноение, и Грегора поместили в горько пахнущую лечебную ванну, а потом рану снова зашили. Ему выдали чистую одежду, он отстегнул ножны с мечом и кинжалом и вернул амуницию на место.

Они с Аресом были совершенно свободны.

— Я должен поспать, — сказал Арес. — Эти полеты в Огненную землю меня порядком измотали.

Грегор оказался предоставлен самому себе. Он подумал, что пора проведать сестер. Люкса, вероятно, спит, а у него осталось еще как минимум четыре минуты из тех пяти, что ему разрешили с ней провести. Но в следующий момент он вдруг почувствовал, что сыт по горло всем этим и что единственный человек, которого он действительно хочет видеть, — это мама.

Врачи разрешили ему войти в палату, но предупредили, что ее нельзя волновать и расстраивать. Мама лежала, утопая в подушках, и глаза ее были открыты. Глядя на нее, Грегор понял, что температуры у нее больше нет, но все же она выглядела очень слабой и больной. Он поставил стул возле ее кровати, сел и взял ее за руку.

— Привет, мам, — сказал он.

— Привет. А я уж думала, когда я тебя снова увижу.

— Прости. Столько всего происходит! — Он не мог рассказать ей все. Не знал, с чего начать. И потом — ведь ее нельзя расстраивать. Он просто уткнулся головой в край ее постели и даже не пытался ничего объяснять. Ее пальцы гладили его волосы, и все плохое — гнев, яростничество, унижение, отчаяние — начинало отступать. Ему хотелось остаться здесь, чтобы мама вот так ласкала его, чтобы он был всего-навсего ребенком,

проблемы которого мама может решить одним поцелуем.

— Я почти ничего не знаю — только отрывочные сведения. Я знаю, что началась война... Я вижу, как мимо палаты проносят раненых. Ты об этом хотел сказать? — спросила наконец мама. — Он только молча затряс головой, не поднимая ее. — И я ничем не могу помочь тебе. И ничего не могу тебе запретить, — грустно продолжала она, по-прежнему глядя его по голове. — Только скажи мне: семья в порядке?

Бабушка в больнице. У отца рецидив. Мама здесь, слишком слабая даже для того, чтобы сидеть. Лиззи в кодовой комнате. Босоножка ухаживает за больными и перепуганными мышатами. А Грегор обречен умереть.

Да уж, они все не в порядке. Вся семья.

Грегор поднял голову:

— Здесь все так перепуталось, мам, — промолвил он.

— Ладно. Я должна доверять тебе, Грегор. Делай то, что считаешь нужным, — ответила мама. — Я люблю тебя, мой мальчик.

— И я тебя люблю, — сказал Грегор. — А теперь тебе надо поспать.

Он поцеловал ее в лоб и поспешил выйти из палаты, чтобы не броситься ей на грудь и не рассказать все как есть, без утайки. Теперь ему нужно было поговорить с кем-то еще, с тем, перед кем не придется притворяться, что все в порядке. И Грегор направился прямо к Люксе и уговаривал врачей впустить его к ней, до тех пор пока они не согласились и не разрешили ему еще одно короткое посещение. Перед этим, правда, они заставили его помыть руки в антисептике, но маску на этот раз он не надел.

Люкса выглядело значительно лучше, хотя прошло всего шесть часов с момента их последней встречи. Она все еще сильно хрипела, делая вдох, но уже могла сидеть — и сидела, опираясь на целую кучу подушек. На коленях у нее стоял поднос с едой: бульон, пудинг и что-то вроде пюре из сладкой картошки. Из этого пюре она задумчиво строила вилкой башню — также делали его сестры дома, наверху.

Лицо Люксы просияло, когда она увидела входящего Грегора. И он сразу почувствовал, как все проблемы и неприятности последних дней отступают и растворяются в ее улыбке.

— М-м-м, что это у тебя на обед? Выглядит довольно аппетитно, — сказал он.

Люкса хмуро посмотрела на свой поднос:

— Это годится только для того, чтобы из него что-нибудь соорудить. Но мой желудок еще слишком слаб, чтобы принимать то, что я люблю.

— Пудинг все любят. — Грегор набрал полную ложку пудинга и сунул

в рот Люксе.

Она ела и морщилась.

— Ого! — глаза ее расширились, когда она увидела на поясе у Грегора кинжал. — Что ты сделал, чтобы его заполучить? Ты убил Соловет?!

— Нет, она мне сама его дала, — улыбнулся Грегор.

— Эх, ненавижу тебя! Она мне не разрешала даже его потрогать!

Грегор отцепил кинжал от пояса и протянул Люксе:

— На, наслаждайся!

Люкса вертела оружие в руках, с восхищением разглядывая его.

— Ты что, ее новый фаворит?

— О да. Она нарядила меня в идиотские доспехи, а потом запретила участвовать в боях, пока я не научусь как следует драться, — буркнул Грегор.

— Так тебя вернули тренироваться? О, не воспринимай это близко к сердцу — она все время так делает, — хмыкнула Люкса.

— Правда? — Грегор немного воспрял духом.

— Да конечно! Для нее никто никогда не будет достаточно хорош. Она бы и Живоглоту давала указания, если бы не боялась, что он ее сожрет!

Грегору сильно полегчало. Может, эти дополнительные тренировки — не такая уж плохая идея! Ведь кроме всего прочего — если бы он сейчас продолжал драться там, на поле боя, он не мог бы сидеть здесь, с Люксой.

— Сколько ты пробудешь в больнице? — спросил он.

— Вообще-то нисколько, я собираюсь как можно скорее отсюда выйти, — отрезала Люкса. — Они же уже выпустили Говарда — он ухаживает за больными.

— Ты пострадала сильнее, — возразил Грегор.

— Ну и что? А вообще-то — какая разница? Они все равно не позволят мне ничего делать, внутри я или снаружи — безразлично. Теперь, когда я вернулась, — Соловет приставит ко мне соглядатаев и будет следить за мной двадцать четыре часа в сутки, — с горечью произнесла Люкса. — Кстати, я удивлена, что к тебе не приставили охрану.

— Приставили. На какое-то время, — ответил Грегор.

— И как тебе удалось от них избавиться? — удивилась Люкса.

Грегор почувствовал, что краснеет, — это был вопрос, на который он не был готов ответить.

Что он должен был сказать: «О, это благодаря тому, что Соловет теперь знает о моих чувствах к тебе!»

Это было решительно невозможно, и он ответил уклончиво:

— Ну... я думаю, это из-за того, что здесь, внизу, мои сестры и мама

и... Ты и правда должна хотя бы чуть-чуть поесть.

Люкса с трудом проглотила еще пару ложек пудинга.

— Марет говорит, твоя сестра Лиззи собирается остаться здесь.

— Да. Живоглот думает, что она ключ от кода. Они посадили ее в эту странную комнату с деревом на стене.

— Дерево Сообщений, — кивнула Люкса с улыбкой. — Мы с Генри должны были заучить его наизусть. Это было ужасно! Нашему учителю, зубастик, было, наверное, лет сто, и он заставлял нас упражняться в написании шифровок часами. — Люкса начала хихикать: — Однажды Генри написал: «Помогите, я умираю от скуки!» — и зубастик отказался нас учить.

Грегор тоже засмеялся, но как всегда, когда речь шла о Генри, почувствовал беспокойство и дискомфорт. Генри, который был самым близким для Люксы и Ареса. Генри, который стал предателем. Генри, который упал на камни и разбился насмерть...

— Как будто это было в другой жизни... — тихо сказала Люкса.

— Здесь все так быстро меняется, — согласился Грегор.

— Да, — кивнула Люкса, ковыряя вилкой в башне из картофеля. — Взять хотя бы нас с тобой.

Настал подходящий момент, чтобы признаться ей в своих чувствах. Ведь другого шанса у него может не быть — кто знает, сколько ему еще отмерено? Может, день. Или неделя.

Но Грегор не мог заставить себя вымолвить ни слова. В наступившем молчании он словно слышал, как убегают прочь секунды.

Тик-так, тик-так, тик-так...

Кто-то появился в дверях:

— Наземный, тебя вызывают на стадион тренироваться, — произнес чей-то голос.

— Хорошо, — ответил Грегор.

— Не забудь кинжал, — напомнила Люкса и протянула ему оружие.

Ее голос звучал расстроенно — она понимала, что у них осталось мало времени.

Как же он сможет противостоять целой армии крыс, если у него не хватает смелости даже на то, чтобы сказать такие простые и обычные слова?

Внезапно Грегор сунул руку в карман и вытащил фотографию, на которой они с Люксой танцевали, — ту самую, что послужила доказательством для Соловет.

Он положил фотографию на поднос перед Люксой:

— Вот. Вот причина того, почему у меня больше нет охраны, — выпалил он и выскочил из двери, боясь обернуться и посмотреть на ее реакцию.

Но когда все же обернулся, — он увидел, что Люкса улыбается...

ГЛАВА 13

В конце коридора Грегора встретил подземный с его амуницией. Пока Грегор одевался, кто-то разбудил Ареса, и они вместе отправились на стадион.

— Хорошо подремал? — спросил Грегор.

— Целых двадцать минут, — похвастался Арес.

— Ну, может, у нас будет время после тренировки, — успокоил его Грегор. Он и сам не прочь был бы поспать, хотя и не представлял себе, какое сейчас время суток, — он ведь так и не привык к отсутствию солнечного света.

Когда подлетели к стадиону, они обнаружили, что он кишмя кишит зубастиками, — его превратили в своего рода лагерь для тех, которых согнали с насиженных мест и которые выжили вопреки зловещему замыслу Мортоса. Мох, что покрывал поверхность стадиона, был застелен толстым слоем соломы, у стен развернуты полевые кухни, душевые, туалеты и станции первой медицинской помощи.

Все здесь обрабатывали средствами дезинфекции, но этого было недостаточно для того, чтобы уничтожить запахи: пахло кровью и гноем. И вообще — пахло так, как всегда пахнет, когда на слишком маленьком пространстве скапливается слишком много живых существ.

Они кружили над стадионом, когда прилетела летучая мышь, на спине которой сидело полдюжины мышат и маленький мальчик с черными кудрявыми волосами.

— Эй, это же Газард! — воскликнул Грегор. — Давай поздороваемся.

Летучая мышь, на которой сидел Газард, приземлилась у стены. Грегор едва успел спешиться, как оказался в самом центре толпы пищащих, взволнованных мышей. Арес расправил крылья, создавая барьер между толпой и той летучей мышью, что принесла малышей.

— Что это? Что происходит? — крикнул Грегор Газарду.

— Дети. Мы пытаемся воссоединить семьи, — коротко объяснил мальчик. — Но это очень трудная задача.

Грегор уже это видел. В детском садике были сотни и сотни мышат. А их родители могли быть где угодно: могли лежать мертвые в Огненной земле, могли находиться в регалианской больнице, могли ждать, пока их переправят из Огненной земли в Регалию... но если они были здесь, в толпе — то, разумеется, отчаянно хотели знать, спаслись ли их дети.

— Эй, тише! Тихо! — крикнул Грегор, встав на спину Ареса и поднимая руки, чтобы привлечь к себе внимание. Мыши чуть успокоились. — Нужна настоящая тишина! И отступите немного назад, на несколько шагов — пока вы не передавили друг друга!

К этому времени на подмогу подбежали несколько человек — с их помощью мыши отступили назад, давая возможность летучим мышам приземляться на освободившееся пространство. — Как вы планировали это сделать, Газард?

— Мы начали составлять список. Я приношу детей, по шесть мышат, и выкрикиваю их имена, на случай, если их родители здесь и могут их забрать, — сказал Газард.

— Ты хочешь сказать, что тебя назначили делать эту работу? — спросил Грегор.

Похоже, людей в самом деле не хватает, раз такое дело поручили семилетнему мальчишке.

— У меня получается лучше всех. Ведь я могу разговаривать с мышатами на их языке, — сказал Газард. Но в его ярко-зеленых глазах читалось сомнение. — Они называют мне свои имена. Но ты можешь крикнуть громче, чем я, Грегор. Может, лучше тебе оглашать их имена?

— Ну конечно, — сказал Грегор. — Вот это у нас кто? — и указал на пятнистого серо-белого мышонка.

— Это Скалена, — сказал Газард, протягивая ему малышку, — у нее здесь никого нет.

Грегор поднял дрожащего мышонка повыше и прижал к себе.

— Очень хорошо. Это Скалена! — выкрикнул он. — Кто-нибудь знает, кто ее родители?

Из толпы раздался отчаянный вопль.

— Это наша! Наша крошка! — и в передние ряды протиснулась взволнованная мышь. — Это моя маленькая детка!

Услышав голос матери, Скалена начала извиваться, царапаться и повизгивать, пытаясь вырваться из цепких рук Грегора.

Арес подхватил мышонка и бережно опустил крошку у ног счастливой матери. Та быстро обнюхала свою малышку и умоляюще посмотрела на Газарда.

— У меня еще двое. Евклид и Рут. Где они?

— В этой партии их нет. Но таких малышей сотни в старом садике. Они скорее всего там, — ответил Газард.

Мышь кивнула, подхватила на ручки свою дочурку и поспешно удалилась.

Грегор помог распределить остальных мышат. Но когда дошло дело до последнего, никто на его имя не отозвался.

— Его зовут Ньютон! — крепко и высоко держа хнычущего малыша, Грегор старался перекрыть шум, царивший на стадионе. — Ньютон!

Но на его призыв снова никто не отозвался.

— Я уверен, что этот малыш из колонии, обитавшей в джунглях, — сказал чей-то голос.

У Грегора появилось нехорошее предчувствие. Люкса утверждала, что мыши, погибшие у подножия вулкана... что они как раз оттуда.

— Кто-нибудь из нас заберет его, — сказал зубастик в переднем ряду.

— Нет, я могу отдать его только родителям, — растерянно произнес Газард. — Ведь они могут до сих пор оставаться в Огненной земле.

Мыши не протестовали — никому не хотелось усложнять и без того сложную ситуацию.

— Тогда я отнесу его обратно в садик и принесу следующую партию, — решил Газард.

— Ладно, послушайте! Газард летит за новой партией мышат! Но вы должны вести себя организованно и оставить эту площадку свободной, чтобы ему было куда приземлиться! Хорошо? — крикнул Грегор.

По толпе прокатился согласный гул.

Двое подземных вызвались следить за порядком и помогать Газарду, когда он вернется.

— А тебя ждут, Наземный, — сказал один из них. — У южного туннеля.

Арес взлетел, и Грегор, взглянув вниз, увидел, что зубастики стоят неподвижно. И будут так стоять, потому что для них это единственный шанс вернуть своих детей. На него снова нахлынуло чувство беспомощности и безнадежности, которое овладело им, когда он смотрел на умиравших в колодце зубастиков. Сейчас оно было даже сильнее. И в этот момент Грегор точно знал, почему и за что он должен убить Мортоса.

— Что ж, давай потренируемся, — сказал он, теперь ему не терпелось испробовать в деле подаренный Соловет кинжал.

— Да, — ответил Арес. — Знаешь, Аякс прав. Я действительно должен использовать мои крылья более умело.

Пока Грегор слезал со спины Ареса, Перита начала было оправдываться перед ними за колкости, которые им пришлось услышать, и за то, что их отозвали с поля боя, но Грегор ее прервал:

— Не стоит. Вы оказались правы. Будет куда лучше, если я научусь пользоваться кинжалом. Так как им действовать?

Перита одобрительно хлопнула его по плечу и, не мешкая, приступила к обучению.

Наибольшее внимание они уделяли защитным позициям, хотя она показала ему и парочку приемов атаки.

— Тебе нужно вступить в рукопашный бой с крысой, чтобы убить ее, — сказала Перита.

И Грегор понял, что, поскольку кинжал намного короче, чем меч, это действительно так.

Честно говоря, прежде он редко оказывался на таком расстоянии от крыс, на каком целесообразно применять кинжал.

Урок прошел прекрасно. Оказалось, что с двумя видами оружия сражаться гораздо легче. Грегор вспомнил, как в бою со змеями в джунглях держал в левой руке факел во время круговой атаки — возможно, именно это позволило ему тогда уцелеть.

— Хорошо, Грегор. Отлично. А теперь давай займемся твоим летуном, — сказала наконец Перита.

Арес был великолепен, когда работал вместе с Аяксом над тем, чтобы размах крыльев был минимален в разных позициях. Видимо, он действительно преуспел в этом, потому что Аякс удовлетворенно сказал Перите:

— Теперь он хотя бы в состоянии выполнять инструкции.

Грегор тоже почувствовал, что движения Ареса изменились: они стали более резкими и четкими. Перита и Аякс показали ему несколько приемов, а потом появился Живоглот, и все вместе они устроили ему испытание: они нападали на него так, будто шел настоящий бой. И хотя Грегор понимал, что все понарошку и Живоглот не собирается его убивать — тот, ничуть не сомневаясь, пускал в ход когти и не останавливался перед тем, чтобы нанести Грегору мелкие царапины. К концу урока Грегор и Арес были в крови, но и Живоглот получил несколько порезов кинжалом Грегора.

— Лучше, — заявил крыс, махнув лапой, чтобы остановить бой. — Но ты до сих пор частенько забываешь о том, что у тебя в руке кинжал, и пытаешься заменить его мечом.

— Да, я почти заставляю себя использовать его, — признался Грегор. — Но я буду стараться.

— А ты, Арес, — продолжал Живоглот, — когда летишь вниз и решаешь взмахнуть крыльями — делай это! Ты можешь ими все сокрушать, если сумеешь правильно их использовать.

— То же и я ему говорю, — кивнул Аякс.

— Я буду над этим работать, — сказал Арес.

Прилетевшая летучая мышь-курьер передала Аресу приказ присоединиться к очередной спасательной команде.

— Но он ведь устал, — возразил Грегор.

— Как и все мы, — произнес курьер.

— Я в силах заняться этим, — ответил Арес.

— А как же тренировки? — не отступал Грегор.

— Он свободен. А вот ты... давай-ка посмотрим на твое вращение, — сказал Живоглот.

Арес улетел, а Грегор продемонстрировал Живоглоту свою круговую атаку.

Без реальной угрозы для жизни это было трудно сделать. Ноги у него почти сразу запутались, а голова тут же начала кружиться.

— В джунглях у меня получалось лучше, — сказал он Живоглоту.

— Ну, сейчас это просто жалкое зрелище, — ответил крыс. — Давай начнем с головокружения — ты должен научиться правильно вставать.

Живоглот показал Грегору, как выбрать точку и как находить ее взглядом при каждом повороте.

— Я пользуюсь во время круговой атаки эхолокацией, но... ладно, забудь, все равно в твоем случае это невозможно, — буркнул он.

— Вообще-то... вообще-то, может, и не невозможно, — возразил Грегор.

Живоглот уставился на него изучающим взглядом, потом спросил:

— Уж не означает ли это торжествующее выражение на твоем лице, что ты наконец смог преодолеть свою врожденную тупость и у тебя случился прорыв? Ты овладел эхолокацией?

— Немного. Там, в карцере... да, у меня стало кое-что получаться.

— Так. — Живоглот повернулся к Перите: — Я его забираю.

И не успев опомниться, Грегор уже оказался на месте их прежних тренировок, в подземельях дворца, где в полной темноте отбивался от атак Живоглота.

Правда, темнота теперь не была такой, как прежде. Каждый звук — щелканье, кашель, даже слова — отражались от стен и помогали Грегору «видеть» все отчетливо: каждую тень, каждое движение, каждую трещину в стене.

— Надо было сунуть тебя в карцер несколько месяцев назад, — пробурчал Живоглот.

— Это так здорово! Будто к твоим пяти чувствам прибавляется еще одно, — признался Грегор.

— Да, точно. А теперь давай попробуем круговую атаку. Выбери на

стене какую-нибудь заметную точку и взглядом все время удерживай ее, — проинструктировал его крыс.

Грегор последовал его совету, и первые несколько кругов у него все получалось — он видел Живоглота и даже мог отражать его атаки, но потом голова начала кружиться, и перед глазами все поплыло. Все-таки пока для него это было трудно: «видеть ушами» и при этом кружиться на месте, да еще держать в поле зрения эту неподвижную точку... В конце концов ноги у него заплелись, и он рухнул на пол.

— Ладно-ладно, перерыв! — объявил Живоглот. — На сегодня достаточно!

— Нет, я хочу продолжать! Я хочу научиться! — не согласился Грегор.

— В следующий раз, — покачал головой крыс.

— Но следующего раза может не быть! Или следующий раз будет в пещере, где полно крыс! — не отступал Грегор.

— Ты слишком устал, — отрезал Живоглот. — Это непродуктивно.

Грегор снова открыл рот для возражений, но Живоглот прервал его:

— Грегор! Ты сегодня много сделал и сильно продвинулся вперед! Но сейчас время остановиться.

Все это было не похоже на прежние уроки, когда Грегор только и ждал конца, а Живоглот не мог заставить его заниматься.

— Но ты ведь продолжишь меня учить? — спросил Грегор.

— Да. Но только после того, как ты поешь и поспишь, — ответил Живоглот. — Пойдем навестим Лиззи. И ты сможешь отдохнуть в ее комнате.

— Да, заодно узнаем, удалось ли разгадать Код Когтя, — добавил Грегор.

Его немного беспокоило, что это может занять слишком много времени.

— А мы что, действительно проиграем войну, если не сможем его разгадать? — спросил он.

— Ну, если верить Сандвичу — да. Но в данном случае и без пророчеств я почти уверен в этом, — сказал Живоглот. — Нам действительно очень нужен этот код. Пойдем.

В кодовой комнате в воздухе витало напряжение. По полу были разбросаны длинные ленты материи с зашифрованными сообщениями, а команда дешифровщиков сгрудилась вокруг Лиззи, которая лихорадочно писала какие-то буквы на одной из лент розовым маркером, который, вероятно, принесла с собой в рюкзачке.

— Так, — бормотала Лиззи. — Это, наверно, Т, а это О, а это Р... или

Е? Нет, еще одно Р. Нет. Нет. Не то.

Все разом выдохнули — это был вздох разочарования.

— Ну, как дела? — бодро приветствовал их Живоглот. — Удалось разгадать Великий Шифр Всех Времен и Существ?

— Нет, опять неудача, — ответил Дедал. — Хирония предложила интересный вариант — попробовать двухбуквенный ключ. Но — нет, не подходит.

— Нет, это просто безумие, — сказала Хирония. — Должен же быть ключ! Причем очень простой — чтобы большинство крыс могли держать его в голове. Что-то такое, что они никогда не смогут забыть.

— А как поживает наш новый член команды? — Живоглот хвостом ласково обнял Лиззи за плечи.

Все заулыбались.

— Чудесная есть, она, есть чудесная, — сообщила Мин.

— Она очень интересно и нестандартно мыслит, — кивнул Дедал и тронул голову Лиззи носом в знак симпатии и одобрения.

— А самое главное — она не поет! — добавил Рефлекс.

Это заявление вызвало у всех взрыв смеха.

Но несмотря на похвалы в свой адрес, Лиззи выглядела несчастной.

— От меня нет никакого толку, — сказала она расстроенно. — Я не могу разгадать этот код и сделать чего-то еще — то, о чем говорится в Пророчестве.

— Ты читала Пророчество?! — Грегор был поражен: он не мог поверить, что Лиззи восприняла предсказание о его смерти так спокойно.

— Я велел Нериссе сделать копию для Лиззи, — объяснил Живоглот.

— Да, — Лиззи протянула Грегору свиток, — правда, красиво написано? У нее великолепный почерк.

Грегор развернул свиток.

Строчки о его смерти были изменены:

Когда фонтаном кровь монстра забьет.

Когда Воин, исполнив миссию, снова уйдет...

— Да, очень красивый, — согласился он, радуясь, что у них хватило ума не огорчать Лиззи.

В комнату вкатили очередную тележку, груженную едой.

— Что ж, нам всем не помешает небольшой перерыв — все порядком устали, а для полноценной работы нужны силы. Сейчас мы будем есть, —

сообщил Живоглот и строго добавил: — И чтобы в ближайшие полчаса я не слышал ни от кого из вас ни единой фразы типа «А что если попробовать вот так...»

Грегор и Лиззи, по указанию Живоглота, собрали в кучу ленты с донесениями и отнесли их в комнату крыса — получилось такое уютное гнездо, о каком никто из других крыс и даже людей и мечтать не мог. Еду выставили из тележки прямо на пол, все вперемешку, и закуски, и десерт, и все уселись вокруг уютным кружком. Живоглот действительно хотел отвлечь членов дешифровальной команды от дел и явно был в ударе — он рассказывал забавные истории, анекдоты, шутил и заставил смеяться даже старую скрипучую Мин.

Грегор, который никогда не видел, чтобы Живоглот был любезным и обходительным, был поражен — оказывается, Живоглот мог быть таким — без видимых усилий. Теперь Живоглот был буквально душой компании, и казалось, это доставляет ему несказанное удовольствие. Но Грегор в глубине души понимал: главная цель Живоглота — расшифровка кода. И если для этого надо балагурить, развлекать дешифровщиков и веселить их — он будет балагурить, развлекать и веселить. Для общего веселья он может пошлейшим образом поскользнуться и упасть на банановой кожуре — если это потребуется.

Грегор съел огромную жареную рыбину, семь кусков хлеба с маслом, немного фасоли и много пирога. Но не прошло и пяти минут, как он снова почувствовал голод и доел пирог, запивая его молоком из большой кружки. Уже много недель он питался нерегулярно и в основном какой-то невкусной дрянью, и ему надо было наверстывать упущенное.

Он взглянул на Лиззи, которая ковыряла вилкой рагу.

— Давай, Лиззи, ешь, это вкусно!

— Я знаю. Я ем. Спасибо, — вяло ответила она.

— Я говорил тебе, что с твоим папой все в порядке? Ему обеспечен круглосуточный уход. Он непременно поправится, — сказал Живоглот.

— Да, говорил. Я знаю. Я просто... Я думаю о маме. — Глаза Лиззи наполнились слезами, она с трудом сдерживала их. — Я понимаю, она будет очень расстроена, если увидит меня здесь... но... Я не видела ее уже несколько месяцев. Я так по ней скучаю! Может, мне разрешат взглянуть на нее хоть одним глазком, пока она спит?

— Это бы ее не расстроило, — сказала Хирония, а Дедал добавил:

— А девочке бы стало легче на душе.

В этом Грегор не был уверен. Мама была в таком состоянии, что вряд ли ее вид мог успокоить Лиззи. А уж если вдруг мама откроет глаза и

увидит, что и третий ее ребенок находится здесь, в Подземье, — у мамы непременно случится истерика, и ей станет хуже.

Нет, определенно Лиззи не стоит сейчас с ней видаться.

— Одну минутку, — умоляюще взглянула на него Лиззи.

— Решай сам, — бросил Живоглот.

«Вот спасибо!» — разозлился Грегор. Живоглот постоянно командовал и указывал ему, что и как делать, а тут, когда требовался его совет и вмешательство, самоустранился и предоставил Грегору самому решать эту проблему.

— Ладно, Лиззи, мы с тобой сходим вниз, и если мама будет спать — ты ее увидишь. Если, конечно, доешь рагу.

Лиззи тут же набросилась на еду. А Грегор попытался внутренне подготовиться к тому, что ждет его впереди. В Наземье мама была крепкой, здоровой женщиной. Но уже несколько месяцев она прикована к больничной койке, она бледна и худая, и у нее шрамы от чумы. Грегор был уверен, что очередного приступа не избежать: при виде мамы в таком состоянии у Лиззи точно начнется паническая атака.

Дворец был для Лиззи незнакомым местом и, по всей видимости, казался ей враждебным. Она вцепилась в руку Грегора и не выпускала ее, пока они шли по бесконечным лестницам вниз, в больницу. Обстановка во дворце не способствовала хорошему настроению и веселью: лица встречаемых были печальны и угрюмы, воздух пропитался запахами лекарств и средств дезинфекции, а от дополнительных факелов, что горели теперь день и ночь, было слишком дымно.

Грегор оставил Лиззи ждать в конце больничного коридора, а сам направился к маминой палате. Он надеялся, что она не спит — тогда он готов был помахать ей приветственно рукой и увести Лиззи обратно, сообщив, что к маме пока нельзя. А если спит? Может, попытаться разбудить ее? Хотя это по меньшей мере глупо.

Задумавшись, Грегор подошел к маминой палате. И тут выяснилось, что на самом деле его ожидал сюрприз: на маминой постели рядом лежали восемь раненых зубастиков. А мамы не было! Ее просто не было в палате.

«Наверное, ее перевели в палату поменьше», — подумал Грегор. Но тут в голову ему пришла настолько страшная мысль, что он застонал:

— О нет! — и начал метаться по коридору с воплями: — Врача! Мне немедленно нужно поговорить с врачом! Где врач?!

Он пробежал мимо Лиззи, не обращая внимания на ее встревоженные вопросы, и схватил за рукав первого попавшегося врача. Это была маленькая женщина с темными кругами под глазами.

— Ох, Наземный! — выдохнула женщина-врач, когда Грегор прижал ее к стене. Ей было, кажется, больно и трудно дышать — так крепко он ее держал.

— Грегор,пусти ее! Немедленно! — услышал он голос Говарда. — Она совершенно ни при чем! Она даже не присутствовала!

Говард оторвал Грегора от врача.

— Не присутствовала при чем?! — выкрикнул Грегор, с трудом удерживаясь, чтобы не броситься с кулаками на Говарда.

— Соловет прислала гвардейцев, целую команду, без предупреждения, — негромко произнес Говард. — Она приказала отправить твою маму на Источник. Мы ничего не могли поделать, Грегор.

— Но зачем? Почему?! — бесновался Грегор. — Я же остался! Она знает, что я здесь и никуда не денусь!

— Думаю, это мера предосторожности, — ответил Говард. — Все-таки тебе до дома — один полет.

Один полет? Они тут что, с ума посходили? Да ему до дома тысячи и миллионы километров! Что там километров — тысячи и миллионы световых лет! Он никогда не был дальше от дома, чем сейчас! И никогда не мог быть дальше от дома, чем сейчас.

— Я полечу за ней, — заявил он твердо. — Сейчас найду Ареса и...

Черт, Ареса нет — он улетел на спасательную операцию!

— Где я могу найти другую летучую мышь, Говард?

— Нигде. Ты должен понять, Грегор, — мягко заговорил Говард. — На самом деле это хорошо, что твоя мама на Источнике. Источник в безопасном месте, а про больницу этого не скажешь. В случае чего...

Лиззи потянула Грегора за рукав:

— Что они с ней сделали? Где мама?

Грегор обнял и постарался успокоиться — хотя бы ради Лиззи:

— Все нормально. Все нормально. Они перевезли ее в другое место.

— На Источник, — добавил Говард. — Это мой дом — там вполне можно жить. А ты — Лиззи, верно?

— Я... хотела... повидать... маму...

«Ну вот и паническая атака», — обреченно подумал. Грегор, а Говард как ни в чем не бывало продолжал:

— На Источнике живет и моя мама. Она работает в больнице. И я уверен — она будет замечательно ухаживать за вашей мамой.

— Я должен поговорить с Соловет, — сказал Грегор. — Где она?

— Почти уверен, что она наблюдает за боевыми действиями.

— Лиззи, ты вернешься обратно в кодовую комнату, ладно? —

обратился Грегор к сестре.

— Но я... не найду... обратную... дорогу!

— Я могу проводить тебя, — с готовностью предложил Говард.

Он был старшим братом для четверых. И Грегор вспомнил, как хорошо он обращался с Босоножкой и Газардом.

— Да, пожалуйста, если тебе не трудно — проводи ее. А я пойду узнаю про маму.

Добраться до поля боя оказалось не таким уж легким делом. Даже просто найти выход из дворца было трудно — обычно Грегор садился на летучую мышь и вылетал наружу, а тут... Двери и окна во дворце располагались на высоте как минимум двухсот футов от земли, а стражи, стоявшие у подъемной платформы, отказались запускать ее ради него.

Наконец Грегору удалось в Высоком зале договориться с одной молодой летучей мышью, что она отнесет его на стадион «для тренировки». Правда, стадион был совсем в другой стороне от реальной цели Грегора, но ему было важно для начала выбраться из дворца.

Как только летучая мышь улетела, Грегор развернулся и побежал обратно в город. Улицы были запружены подводами с едой и припасами, ехавшими в сторону дворца. Расталкивая прохожих и не отвечая на вопросы, он не останавливаясь пробежал через город и добрался до северного выхода.

Ему повезло. Ворота были открыты для фермеров, которые везли свою продукцию в город. По крайней мере ему не пришлось тратить время и силы на то, чтобы выйти из городских ворот. Однако он понимал, что стражи узнают его. И не сомневался, что у них есть приказ не выпускать его из города. Поэтому он залез из одну из подвод, ехавших из города, и спрятался на ней, накрывшись какими-то тряпками. По крайней мере часть дороги он проедет и сможет приблизиться к цели.

Трясаясь в подводе, Грегор обдумывал, что скажет Соловет. Он скажет: либо Соловет возвращает маму обратно — либо он не будет сражаться на ее стороне.

Нет, так нельзя. Это только разозлит ее и приведет к тому, что Грегор снова окажется в карцере, и на этот раз вызволить его оттуда будет гораздо труднее.

Соловет нуждается в нем, чтобы сражаться с Мортосом. И она хочет, чтобы он тренировался и учился выполнять приказы.

Или нет? Или это очередная демонстрация силы и власти — на этот раз над ним?

Тогда, может, имеет смысл действовать ее же методами и пригрозить

ей, что Лиззи не сможет работать с кодом, если мамы не окажется поблизости?

В нескольких милях от города подвода остановилась. Поля были прекрасно освещены при помощи газовых фонарей, и Грегору надо было постараться, чтобы его не заметили. Он поглубже зарылся в ветошь, что валялась в подводе. Наконец движение возобновилось. Подземные спешно собирали все, что было можно, на полях. Грегор осторожно выглянул из-под тряпок и увидел, что находится на убранном поле, а прямо перед ним — та самая стена, с которой он наблюдал за боем.

Он бросился бежать к стене. Кто его остановит? Парочка фермеров?

Грегор слышал, как кто-то кричит ему вслед, но погони за ним не было.

Наверное потому, что он неизбежно должен был остановиться у стены — ведь у него не было летучей мыши, которая могла бы перенести его наверх.

Что ж, отлично.

Над головой он увидел летучую мышь. Возможно, она сигналила о его присутствии. На какое-то мгновение Грегор испугался, что летучую мышь послали, чтобы она поймала и вернула его обратно. И вновь бросился бежать.

Но вдруг споткнулся и упал. Сначала он подумал, что попал ногой в какую-то ямку или оступился, но когда его руки коснулись поверхности, он увидел, что тонкий слой почвы вздыбился под ним.

«Неужели землетрясение?!» — мелькнула мысль. Но тут из-под земли появился трехфутовый коготь, который всего на пару сантиметров не дотянулся до его руки. Нет, это не землетрясение!

ГЛАВА 14

Грегор отдернул руку и инстинктивно откатился подальше от когтя. Он лежал теперь на спине и уже почти поднялся, но земля под ним вновь заколыхалась, разверзлась и из образовавшейся дыры высунулась здоровенная лапа.

Грегор поджал ноги и, как краб, пополз назад, а лапа, оснащенная пятью мощными когтями цвета слоновой кости, исчезла, оставив после себя глубокое отверстие в земле.

На секунду Грегору пришла в голову мысль, что эта жуткая штука принадлежит Мортосу: белый крыс стал расти непропорционально, и у него выросли такие чудовищные, смертельно опасные, похожие на ковш экскаватора когти. Но лапа принадлежала не крысе. Даже если бы Мортосу удалось отрастить когти такой длины — форму лапы он бы изменить не мог.

Тогда кто это? Грегор хотел было встать на ноги, собираясь поскорее убраться отсюда, но поверхность земли перед ним взорвалась фонтанами грязи. На лицо шлепнулся причудливый розовый цветок, который шевелился, будто что-то нюхал.

«Это одно из растений-убийц! — пронеслось в голове. — Как в джунглях!»

Мягкие щупальца тянулись к его губам, ползли по щеке.

— Фу! — закричал Грегор и отпрыгнул в сторону, сбрасывая с лица растение. Он схватился было за оружие, но пускать его в ход не спешил.

Тем более что его никто не атаковал. Впервые он смог сосредоточить взгляд на созданиях, что вылезали на его глазах из земли.

Это были не растения. И не крысы, хотя Грегор был уверен, что они состоят с крысами в близком родстве. У них были крупные тела, покрытые блестящей черной шерстью, и длинные мощные хвосты. И у каждого — четыре лапы с пятью убийственными когтями. Задние лапы были заметно меньше и слабее, чем передние. А на том месте, где предполагался по логике нос, находился розовый бутон, окаймленный подвижными Щупальцами.

Необычные и странные на вид животные показались Грегору смутно знакомыми. Где же он видел нечто подобное?

И тут он вспомнил. Ему было около семи. Летом в Вирджинии дедушка учил Грегора играть на веранде в пинг-понг. Мячик закатился под

старое кресло. И когда Грегор полез его доставать, он увидел это: оно, на свою беду, вылезло из-под земли и угодило в мышеловку — маленькое животное с похожим на звездочку носом. Разумеется, оно было куда меньше тех созданий, которые появлялись сейчас на поле вокруг Грегора, но в остальном очень похожи.

Крот-звездоносец, или звездоносный крот.

Отец тогда объяснил ему, что обычно они живут под землей, рассказал о том, какие сильные у них передние лапы и о том, что, хотя они не могут видеть, их причудливые носы столь чувствительны, что при помощи их кроты прекрасно ориентируются и понимают, что происходит вокруг.

Тогда они освободили крота из мышеловки и отпустили его. И у Грегора осталось теплое чувство к этому забавному маленькому созданию.

— Ха, имейте в виду, — сказал Грегор и вдруг засмеялся, — я освободил одного из ваших сородичей из плена!

Но откуда кроты могли взяться в Подземье?

Грегор ни разу слышал, чтобы кто-то о них упоминал! А между тем о них непременно должны были вспомнить, например, во время чумы — ведь кроты теплокровные, а значит, и им грозила опасность. Как могло получиться, что никто не знал об их существовании? Может, они живут на еще большей глубине, чем остальные подземные, и только теперь вышли на поверхность?

Он хотел вступить с кротами в беседу, но они издавали лишь непонятные свистящие звуки. Говорят ли они по-человечески?

Четверо кротов прорыли что-то вроде туннелей и добрались до того места, где он находился. Они втягивали воздух своими необычными носами, дотрагивались ими до его кроссовок — видимо, пытаясь его идентифицировать. Интересно, они когда-нибудь встречали человека? Но даже если так — то уж точно не наземного. Наземные были большой редкостью в Подземье — люди, которых он здесь до сих пор встречал, сразу понимали, что он не из Регалии, — из-за цвета кожи и из-за запаха.

Грегор расставил руки в стороны и вытянул их по направлению к кротам. Когда их носы осторожно коснулись его кожи, он вдруг почувствовал жалость: не имеет значения, пришли они сюда случайно или преследовали какую-то цель... Они нарушили границы, оказались на земле людей, изрыв ее туннелями. И если Соловет узнает, что они здесь, — наказание будет неминуемым. И жестоким. Грегор даже думать не хотел, насколько жестоким.

Он должен был действовать — и немедленно!

— Эй! — сказал он. — Эй, вы, кроты! Вам нужно уходить отсюда!

Он начал махать в сторону выходов из туннелей:

— Идите туда! Быстрее! Возвращайтесь, откуда пришли!

Ему удалось привлечь внимание кротов. Они перестали нюхать его и задрали головы кверху, словно прислушиваясь к его словам. Но никто из них не двинулся с места.

Грегор заговорил еще более возбужденно:

— Послушайте, вам надо уходить. Вы понимаете, что я говорю? Здесь идет война. И вам никто не обрадуется.

Он попробовал подтолкнуть одного из них — который был ближе всех — ко входу в туннель.

Это было все равно что пытаться подтолкнуть автобус. Уходить они не собирались, но пришли в большое волнение. У Грегора сложилось впечатление, что они поняли часть того, что он сказал.

Летучая мышь-разведчик подлетела достаточно близко, и Грегор смог рассмотреть выражение удивления и даже шока на ее морде. Она тут же унеслась к стене, где Соловет наблюдала за ходом боя. Грегор понимал, что не пройдет и пяти минут, как целый полк солдат атакует этих бедных зверюшек.

— Уходите же! — орал он кротам. — Убегайте, пока вас не покалечили! Эта земля принадлежит людям! Людям!

Едва последние слова слетели с его губ, кроты замерли. Свист, который они все это время издавали, стал тише, зато приобрел сердитый оттенок. И они начали ощериваться на Грегора!

— Что? Что я такого сказал? — недоумевал Грегор, отмахиваясь от них мечом. Он не хотел драться с ними — он же, наоборот, пытался им помочь, защитить их!

В голову пришли слова, которые сказал Викус в комнате пророчеств: «Помни: даже на войне есть место выбору. Даже на войне бывают моменты, когда лучше убрать свой меч в ножны и не давать ему хода».

Сейчас, кажется, был один из таких моментов. Грегор не понимал, что спровоцировало кротов на атаку, но был уверен, что это не более чем недоразумение. Непонимание. Он не хотел убивать их. Он лишь хотел, чтобы они ушли. И чтобы остались при этом целыми и невредимыми.

Кроты же из робких и нерешительных животных превратились в яростных фурий. Оказалось, они способны двигаться быстрее, чем Грегор мог себе представить. Они немедленно окружили его, выставив вперед свои кошмарные когти, — со всех четырех сторон. Он хотел было применить эхолокацию, но условия были слишком непривычными — придется рассчитывать на собственные глаза.

Он выбрал в качестве точки возврата повозку, стоявшую вдалеке, зафиксировал ее в мозгу и пытался возвращаться к ней глазами на каждом круге. Это было трудно, ведь вокруг было слишком много отвлекающих моментов.

Четыре крота, у каждого по десять жутких когтей — это все равно что сорок мечей, обрушившихся одновременно.

«Им точно не помешал бы маникюр», — мелькнуло в голове у Грегора.

Но скоро ему совсем расхотелось шутить. Когда один из когтей натолкнулся в воздухе на меч Грегора, раздался характерный звук — будто железо звякнуло о железо. Грегор смог отразить атаку, но разрубить коготь не сумел.

«Из чего же они сделаны?!» — ужаснулся он. Потом сообразил, что кротам, чтобы добраться до этого поля, нужно было прорыть ходы в камне. Твердом камне. И много ходов. Так что их когти тверды и прочны как сталь.

Поэтому он сосредоточился на защите и от души надеялся, что меч выдержит их напор.

Еще с минуту он вращался, а потом понял, что этого недостаточно: у него не получалось, вращаясь, оставаться на одном месте, а кроты подошли на опасно близкое расстояние, и один из них едва не задел его своим когтем.

И поэтому на следующем круге Грегор мечом рубанул по щупальцам одного из этих розовых носов. Крот издал такой крик боли, что Грегор чуть не остановился и не бросился ему на помощь. И в этот момент чей-то коготь вцепился ему в левый бок, разорвал рубаху и сорвал ремень, к которому крепились ножны — ремень обвился вокруг ног, и Грегор чуть не упал, запутавшись в нем. Еще один коготь оставил на левом бедре Грегора глубокую рану.

Соловет была права — левая сторона у него очень слабо защищена!

Правда, теперь кроты переключились на правую сторону. Боль вызвала у него прилив адреналина. И он забыл о точке возврата, забыл о том, как Перита учила его пользоваться кинжалом, забыл, что вообще-то кроты ему симпатичны. Забыл обо всем — и помнил лишь о том, что ему надо остаться в живых.

Розовые цветы! Шевелящиеся щупальца!

Теперь они стали его целью. А еще — если подвернутся под руку — мягкая точка под левой лапой, в которую следовало попасть кинжалом.

Для человека, который не умел танцевать, он неплохо двигался. Да что там — он был великолепен! Ноги выбивали что-то наподобие виртуозной

чечетки — и он был уверен, что ни за что на свете не повторит этот чудесный танец в другой, более подходящий и спокойный момент. Он чувствовал запах крови — кротов, своей собственной — еще до того, как видел ее. А потом крови стало много: она была фонтаном, брызгала ему в лицо, и каким-то краешком сознания Грегор понимал, что сражается уже не один. Подтянулись бойцы на летучих мышах, которые с лету рубили мечами кротов и убивали их.

Грегора начало трясти в тот момент, когда он увидел, как упал последний крот, сраженный мечом Соловет. А потом она закричала — таким ужасным голосом, что Грегор даже не мог разобрать слов... Кажется, она что-то приказывала. Вроде бы он услышал слова наземный... больница... не пускать... камнееды... камнееды... камнееды!

Голова у Грегора кружилась. Кто-то подхватил его на летучую мышь, и он закричал: рана в левом боку болела невыносимо. Через несколько минут он был уже в больнице, на операционном столе. Почувствовал на губах горький вкус — и пустота.

Очнулся он от боли в левом бедре. Она была теперь не такая острая, скорее обжигающая. Пекло. Грегор с трудом открыл глаза. Перед операцией его, видимо, чем-то напоили, — Говард говорил, что этот напиток используют только в экстренных случаях.

Из сумрака выплыло лицо Викаса, который стоял у кровати. Грегор почувствовал облегчение от мысли, что Викас вернулся в Регалию: старик был единственным, кто мог защитить Грегора от Соловет. По крайней мере — выволить его из карцера.

— Кто? — больше у Грегора не получилось ничего сказать.

Но Викас его понял.

— Это камнееды. Мы думали, они давно вымерли, — ответил старик. — Но, видимо, некоторым удалось выжить и спрятаться где-то в Подземье. Эти четверо на поле — конечно, не вся популяция. И они... они союзники Мортоса.

— Почему?! — воскликнул Грегор.

— Видишь ли... эта земля — земля, на которой построена Регалия, — очень-очень давно принадлежала им, — мрачно сказал Викас. — А когда пришел Сандвич — он захотел забрать ее себе. Камнееды не захотели уходить. И тогда он начал войну.

— И он победил, — продолжил Грегор.

Даже в своем теперешнем мутном состоянии он все понял. Регалия находилась в замечательном со всех точек зрения месте: реки, источники,

со всех сторон защищена...

Интересно, как долго это место было родным для кротов, прежде чем явился из своего Наземья Сандвич и решил его отобрать?

— Он победил, — подтвердил Викус. — Сначала была битва, а потом, видя, что люди эту битву проигрывают, Сандвич пошел на хитрость: он отравил воду, которую пили кроты. Такого в Подземье никто никогда не делал — это и в голову его обитателям не приходило. И вот... лишь несколько кротов смогли уцелеть, остальные не выжили.

— Убийцы. Вы — убийцы, — сказал Грегор. Газард говорил ему, что все Подземье использует именно это слово, говоря о людях. — Теперь понятно, почему...

— Да, именно поэтому нас называют убийцами, — грустно кивнул Викус. — Поэтому многие ненавидят и боятся нас. А камнееды хотят нашей гибели.

— Они не нападали на меня, — произнес Грегор. — Сначала не нападали.

Да, пока он не сказал, что они находятся на территории людей.

— Они, видимо, поняли, что ты не один из нас, — предположил Викус. — По крайней мере — они сомневались.

Грегор закрыл глаза. Ему нужно было подумать. Сандвич, основатель Регалии, обладавший даром предвидеть страшные события и создавший этот людской подземный мир, по профессии был мясником. Он вырезал на камне в комнате пророчеств странные послания, которые регалианцы из поколения в поколения пытаются расшифровать. О том, как им жить и умирать. К этим пророчествам все относились с таким доверием, что Грегору в голову не приходило задаться вопросом, каким человеком был тот, кто их написал.

Но теперь он знал.

Он рисковал всем, рисковал собственной жизнью, следуя указаниям того, кто не погнушался уничтожить целый народ, чтобы заполучить его чудесные земли.

А теперь Грегор владеет его мечом.

— Плохо! — наконец сказал он.

— Ужасно. Это наш позор, который мы никогда не сможем искупить, — согласился Викус.

— И что теперь?

— А теперь мы за это расплачиваемся, — развел руками Викус. — На сегодняшний день стало известно, что восставшие из мертвых камнееды роют туннели к дворцу. А за ними следует Мортос.

ГЛАВА 15

Грегор понимал, что эти слова должны были вызвать у него лишь одну реакцию. Несмотря на раны и боль, он должен был вскочить, одеться и подготовиться к сражению. Ведь прямо сейчас, в эту самую минуту, кроты, возможно, вплотную подобралась к стадиону, где расположился палаточный лагерь зубастиков... или к детскому садику... или к больнице, где он лежал. А за кротами сюда ворвется крысиная армия, которая не пощадит никого из обитателей дворца.

Так почему он, Грегор, даже не шелохнулся, не сделал попытки подняться?

Конечно, все еще действовала одурманивающая настойка, которую ему дали перед операцией, но было и еще кое-что.

Все это время, что провел в Подземье, он сражался на стороне людей с четким сознанием своей правоты. Отбить атаку острогубцев, которые пытаются уничтожить лекарство от чумы, остановить змей в джунглях, которые хотят убить его и его друзей, освободить зубастиков от крыс...

Но он не чувствовал себя правым в том, что произошло несколько часов назад, в бою с кротами. Предположим, он не знал, кто они и что с ними произошло. И когда начал круговую атаку — он защищал собственную жизнь. Но...

Они теперь все мертвы.

А история, рассказанная Викусом, доказывает, что правда на стороне кротов-камнеедов. Регалия — их земля. Люди завладели ею обманом, даже не в честном бою.

И что еще хуже — кроты поначалу не нападали на Грегора. Они дали ему возможность сказать, на чьей он стороне. А он встал на сторону людей. И это ужасно — сражаться против того, кто прав.

С крысами было иначе: Грегор и сейчас думал, что после того, что он видел в Огненной земле, сражаться с крысами необходимо, чтобы спасти зубастиков.

Но кроты...

И вообще — кто знает, какие истории могли бы рассказать о своем прошлом крысы. Вполне возможно, что и их агрессия объяснима. Крысы и люди воюют так давно — скорее всего список неблагоприятных поступков с обеих сторон будет внушительным. А ведь Грегор и не задумывался об этом, пока ему не пришлось сразиться с кротами.

Пришла медсестра с новой порцией лекарств, и Грегор не смог их быстро проглотить: в горле стоял ком. А лекарство оказалось как нельзя кстати: ему очень хотелось забыться.

Когда он очнулся в следующий раз, на полу его комнаты было полно раненых людей и летучих мышей, лежавших на носилках.

Благодаря статусу Воина, Грегор мог передвигаться по дворцу куда угодно. Он был рад выбраться из больницы, где кругом слышались стоны раненых и где медперсонал сбился с ног, оказывая первую помощь.

Грегор хотел вернуться в кодовую комнату, узнать, расшифрован ли код. Это беспокоило его больше многочисленных ран и проблем: ведь если они это не сделают в самое ближайшее время, люди будут обречены.

Придерживаясь за стенку, Грегор направился в кодовую комнату. Лиззи должна быть там, и Босоножка, наверно тоже. Теперь он был рад, что маму отправили на Источник, — ей-то совсем нечего сейчас делать в Регалии.

Шел он медленно. Дворец уже не был безлюдным, как обычно. Всюду встречались раненые бойцы. И еще здесь нашли приют целые семьи. Из обрывков разговоров он узнал, что крысы по туннелям, прорытым камнеедками, подошли к самым стенам дворца. Жителям Регалии было предписано укрыться во дворце ради их безопасности.

Значит, Мортос уже совсем близок к цели.

Когда Грегор вошел в кодовую комнату, вся компания трапезничали, сидя на полу. Лиззи и Босоножка вскочили и бросились его обнимать.

— Привет! Привет тебе, привет, привет! — говорила Босоножка. Это была какая-то новая интонация — раньше Грегору не приходилось ее слышать.

— Ты ведь останешься, да? Ты теперь останешься здесь, да? — скрашивала Лиззи, вцепившись в его руку так крепко, будто боялась, что он растворится в воздухе.

— Обязательно. Если, конечно, у вас есть лишняя комнатка для меня, — ответил он.

На пороге комнаты крысы появилась Люкса.

Кожа ее утратила горячечный красный цвет, и, хотя время от времени кашляла, дышала она уже нормально. А фиолетовые глаза были усталыми, но ясными.

Грегор впервые увидел ее после того, как отдал ей фотографию. Он думал, что смутится, — но испытал при виде ее только радость. И никакого смущения.

— Ты что, тоже здесь живешь? — спросил он.

— Я отдала свои покои беженцам. А Живоглот был так любезен, что предложил Газарду и мне воспользоваться комнатой крысы, — ответила Люкса с хитрой улыбкой.

Аврора и Найк тоже здесь поселились, они теперь делили комнату с Дедалом.

Ну и разумеется, здесь был Темп — он присматривал за Босоножкой.

— Мы все соблюдаем правила: молча сидим в своих комнатах, чтобы не мешать команде дешифровщиков работать, — продолжала Люкса. — Но сейчас у нас обеденный перерыв. Ты голоден?

Грегор был голоден. Он уселся на пол вместе со всеми и съел целую кастрюльку мясного рагу. И конечно, объелся. Но он чувствовал себя, как крупный хищник, положим, лев, которому следует наесться на несколько дней вперед: в условиях войны глупо рассчитывать на трехразовое горячее питание.

Появился Арес. Грегор сцепил палец с его когтем в знак приветствия — но обменялись они всего парой слов. Арес проглотил на скорую руку несколько рыбин и рухнул, как подкошенный, на кровать в комнате летучих мышей — отсыпаться.

Пришел Живоглот и приказал остальным тоже отправляться спать — на шесть часов. На Грегора он взглянул мельком и быстро сказал:

— Ты скоро можешь понадобиться на поле боя.

Люкса поднялась первой и протянула руки, чтобы помочь встать Грегору. Но он никак не мог поймать ее руку — настолько был измотан.

— Быстро в кровать! — сказал Живоглот, подталкивая его носом.

— Поговорим завтра, — кивнула Люкса.

В комнате людей было достаточно места для двух больших кроватей. Здесь были туалет и ванна — правда, вода текла только холодная. Грегор заметил, что пытается соблюсти тот ритуал, который всегда сопровождал их укладывание спать дома, наверху: он и его сестры почистили зубы, пусть и при помощи пальцев, после чего он убедился, что Босоножка пописала перед сном, а значит, кровать будет сухой.

Затем он уложил сестер.

— Расскажи историю про меня, — попросила Босоножка.

Она любила слушать про себя. И у Грегора был большой запас всяких историй. Но сейчас он не мог заставить себя рассказывать веселые истории про Босоножку на каруселях, Босоножку на Хеллоуине или про Босоножку и именинный пирог. Все вокруг было так ужасно! И эти воспоминания... он мог от них размякнуть. А вдруг он не удержится и заплачет? Он же до смерти ее напугает.

— Не сегодня, Босоножка, — сказал он. — Сегодня нужно просто заснуть.

И поцеловал обеих девочек в лоб.

— Я рада, что ты здесь, — шепнула Лиззи.

— И я рад, — ответил Грегор.

Он улегся на вторую кровать и заворочался в поисках удобной позы — чтобы не беспокоить раненое бедро. Нет, все равно больно — в любой позе. И съел он слишком много. И слишком устал.

Больше часа он лежал, балансируя на грани сна и бодрствования, но наконец мирное посапывание сестренек убаюкало его, и он уснул.

«Грегор... Грегор...» Это мама звала его по имени, и он резко сел, забыв о раненом бедре.

Зажав рукой рану, чтобы чуть утишить боль, осмотрелся по сторонам.

Разумеется, мамы здесь не было. Да и обычный голос ее звучал иначе, чем тот, который Грегор слышал во сне. Мамин голос был спокойным, уверенным — как и положено. О, как было бы здорово, чтобы рядом были родители, которые бы принимали за него решения, защищали его, говорили бы, что можно, а чего нельзя делать. Он ведь знал, что родители любят его и всегда хотят ему добра.

Но так уж сложилось, что в его семье роль родителя легла на плечи Грегора. Он должен был присматривать за сестрами, он...

А кстати... Грегор бросил взгляд на кровать девочек и заметил, что Лиззина половина пуста.

И где же она, интересно знать? Наверно, опять занялась этими шифрами.

Грегор уже собрался на ее поиски, как вдруг услышал голос.

— Так лучше? — Это был Живоглот.

Грегор задернул занавеску в комнате на время сна, оставив маленькую щелочку, чтобы сюда проникал свет зажженных факелов из главной комнаты, — ему не хотелось, чтобы сестры проснулись в полной темноте. И теперь он приподнялся на кровати и увидел в щелку Живоглота: крыс свернулся калачиком на полу, а рядом с ним таким же калачиком свернулась Лиззи.

— Да. Рядом с тобой я чувствую себя лучше. Ты такой теплый, — сказала сестра.

— Медленно и глубоко дыши, — произнес Живоглот, и Грегор понял, что у Лиззи снова случилась паническая атака. Но почему она не пришла к нему?! Почему пошла к Живоглоту? — Хочешь порешать математические задачи? — спросил Живоглот.

— Нет, — покачала головой Лиззи. — Просто хочу посидеть здесь, с тобой.

Грегор не знал, что страннее и удивительнее: видеть, как Лиззи, которая пугалась своей тени, прижимается к гигантскому крысу, — или видеть, как Живоглот, который над всеми издевался и который спал всегда в одиночестве, даже когда рядом были другие крысы, — заботится о сестре Грегора.

— Как она умерла? Та, которая была похожа на меня? — спросила Лиззи.

О чем это она? Кто умер? Кто похож на нее? И как Живоглот мог быть знаком с кем-то, похожим на Лиззи?

— Ее звали Шелковица. И она умерла в саду Гесперид, — негромко ответил Живоглот.

— Я слышала об этом. Грегор рассказывал: тогда прорвало дамбу, и был страшный потоп. Так она утонула? — продолжала Лиззи.

— Я пытался спасти ее. — Живоглот покачал головой. — Но было слишком поздно.

— А твоя жена? И другие щенки?

— Я потерял их всех. Все умерли. У меня не было возможности даже попрощаться с ними.

Последовала длинная пауза, потом он снова заговорил:

— Я тогда ушел и много месяцев бродил в полном одиночестве. Я хотел умереть. Пытался умереть. Но меня трудно убить...

Грегор вцепился пальцами в одеяло.

Жена?! Значит, у Живоглота была семья. Значит, он был чьим-то отцом. И одну из его маленьких дочек, Шелковицу, напоминает ему Лиззи. И он потерял их всех, когда по приказу Хэмнета были открыты шлюзы.

Но Хэмнет был одним из немногих, кого Живоглот уважал и ценил и над кем никогда не издевался! Почему он не бросился на Хэмнета и не вцепился ему в глотку там, в джунглях, когда Хэмнет вышел к ним из зарослей? Потому что знал: Хэмнет не хотел, чтобы дамбу прорвало. Потому что видел, как Хэмнет пытался спасти тонущих. Или, может, он полагал, что Хэмнет и так достаточно наказан?

— Поэтому ты вернулся, — догадалась Лиззи.

— Я не мог этого вынести. Мысли о том, что они все умерли — а ничего не изменилось, — сказал Живоглот.

Через щелку в занавеске Грегор увидел, что Живоглот положил голову на передние лапы. Глаза его были закрыты. Лиззи протянула руку и стала гладить его уши:

— И это тогда?..

— Да. Тогда я решил, что все должно измениться, — прошептал Живоглот.

Обеими руками Лиззи обняла Живоглота за шею и положила свою голову рядом с его.

И через несколько минут оба крепко спали.

ГЛАВА 16

Слишком. Это было уже слишком.

Когда Грегор проснулся, его мозг был настолько переполнен, что никак не мог решить, что Грегору есть на завтрак. Босоножка просто побросала ему на тарелку всего, что попало под ее маленькую ручку, и он поел, не чувствуя вкуса еды.

Живоглот приказал всем покинуть комнату, кроме команды дешифровщиков. Темп понес Босоножку в садик — заниматься уже привычным делом. Аврора и Найк отправились помогать Газарду воссоединять семьи зубастиков. Арес полетел узнать, нужна ли его помощь в спасательной операции. Грегор и Люкса болтались без дела, когда появился Живоглот и скомандовал:

— Вы двое — ждите меня на городской стене через полчаса. Вам нужно посмотреть, с чем мы имеем дело.

Когда он удалился, Люкса глянула на Грегора:

— Как ты думаешь, зачем он дал нам эти полчаса?

— Не знаю, — ответил Грегор.

И тут же вспомнил о разговоре, невольным свидетелем которого стал этой ночью. Живоглот потерял всех, кого любил, не имея возможности даже попрощаться. Может, эти полчаса — подарок для Грегора и Люксы, именно такая возможность.

И если это так, Грегор не хотел ее упускать. Он хотел остаться с ней наедине, чтобы по-настоящему поговорить. Но куда они могли пойти? Во дворце было полно народу.

И тут его осенило. Музей!

Может быть — ведь может такое быть! — там никого не будет.

— Пойдем, я хочу тебе кое-что показать.

Она посмотрела на него с удивлением, но не возразила, когда он схватил ее за руку и потащил по коридору. Кое-где им приходилось идти друг за другом — народу и правда было очень много, но рук они не расцепляли.

Грегор был прав — не только в музее было пусто и тихо, но даже на подступах к нему, в коридоре, никого не было. Они проскользнули внутрь.

Теперь Грегор не был уверен, что знает, что надо делать.

— Что ты хотел мне показать? — спросила Люкса.

На самом деле он ничего не собирался ей показывать. Просто хотел

пойти куда-нибудь, где их никто не побеспокоит, не нарушит их уединения. Где они смогут поговорить, не опасаясь того, что чужие уши слышат каждое слово. Но здесь, в музее, он понял: сказать то, что хотел, он вряд ли сможет.

— Ух... Это просто...

Взгляд Грегора упал на стопку фотографий со дня рождения Газарда.

— ...Вот эти фотографии, — нашелся он. — Я подумал, тебе стоит их увидеть.

Он бросил на пол несколько старых пальто и кусок старой холстины, и они, сидя на полу и прислонившись спинами к полкам, разглядывали фотографии. Вернее, Люкса смотрела на фотографии, а Грегор смотрел на нее. Отмечал эмоции, которые возникали у нее на лице: удовольствие от того, как выглядел украшенный ради праздника стадион... улыбка при взгляде на фотографию, на которой Босоножка в платье принцессы кормит Темпа тортом... печаль при виде Газарда, обнимавшего Талию, маленькую летучую мышь, которая погибла там, в Огненной земле.

— Думаю, это может помочь Газарду, — сказала она наконец. — Помнишь, он боялся, что забудет лица тех, кого любил. Конечно, образ его мамы почти стерся у него из памяти. А вот Хэмнета он помнит довольно хорошо — благодаря нашему сходству. И Гребешок он помнит.

— Да уж, Гребешок трудно забыть, — согласился Грегор, и образ огромной ящерицы встал у него перед глазами.

— Но он волновался, что забудет Талию, — повторила Люкса. — Можно, я заберу это для него?

— Конечно, — кивнул Грегор. — Возьми все, которые понравились.

Люкса покопалась в пачке фотографий и нахмурилась:

— Здесь больше нет фотографий, где мы вместе. Нам нужно сделать такое фото!

Она была права.

Он отдал ей фотокарточку, на которой они танцевали, и теперь ему тоже нужна была такая фотография. Что-то, что лежало бы у него в кармане до тех пор, пока... Впрочем, это неважно.

— Может, фотоаппарат еще заряжен, — сказал он.

И оказалось, что он заряжен!

А поскольку он делал моментальные снимки — они могли получить фотографию прямо сейчас.

Грегор установил фотоаппарат напротив, и на несколько минут мир вокруг как будто исчез, они превратились в обычных двенадцатилетних детей, дурачащихся перед камерой, строящих рожицы, смеющихся... Но

когда Грегор предупредил: «Внимание, последний кадр!» — что-то с ними случилось. Они прижались друг к другу, ее затылок упирался ему в щеку, а легкость и дурашливость куда-то подевались.

«Последняя фотография, — думал Грегор, пока изображение проявлялось. — Это последняя фотография».

Оба пытались улыбаться — но им не удалось спрятать охватившую грусть. Они получились на фото такими, какими были на самом деле: не беззаботными детьми, самый трудный выбор в жизни которых заключается в том, что лучше — мороженое или кино, а двумя почти взрослыми людьми, знающими, что за порогом идет война, в которой им неизбежно предстоит участвовать.

— Я возьму эту фотографию себе, — сказал Грегор. — У тебя ведь есть та, где мы танцуем.

Он хотел, чтобы, когда война закончится, у нее оставалась память о том времени, когда они были счастливы.

— Боюсь, наши полчаса истекли, — тихо сказала Люкса.

— Да, — ответил Грегор.

Живоглот, наверно, уже ждет их на городской стене.

— Люкса, слушай... У меня, может быть, больше не будет шанса сказать тебе... да ты, наверно, сама все знаешь...

Он не то чтобы боялся произнести эти слова — ему было больно их произносить. Зная, что у них нет будущего.

Грегор замолчал, не в силах продолжать.

— Я знаю, — просто ответила Люкса. — И я тоже.

То, что произошло потом, в обычной жизни ни за что бы не произошло: если бы не война и не сознание того, что в любой момент все может кончиться, а значит — другого шанса у них просто не будет...

Их лица были так близко друг к другу, что они чуть не стукнулись головами — когда поцеловались. Что-то не похожее на возбуждение, которое охватывало его при яростничестве, какое-то другое чувство — теплое, нежное, тонкое — растекалось сейчас по его телу. Губы их соприкасались, и он мог прочесть по ее лицу эмоции, которые она испытывала.

В коридоре послышались шаги, и в музей ворвалась Миравет, с амуницией Грегора в руках:

— Вот вы где! А я-то бегаю ищу тебя по всему дворцу! Мне приказали найти тебя и подготовить к бою, — задыхаясь, говорила пожилая женщина, уже одевая его. — Люкса, тебе тоже не помешает одеться в боевой костюм.

— Соловет не хочет, чтобы она участвовала в бою, — возразил Грегор.

— Чего хочет или не хочет Соловет, сейчас имеет мало значения — сейчас, когда камнееды прокладывают ходы во дворец! Каждый мужчина, каждая женщина, даже каждый старик и ребенок — все должны сражаться! — воскликнула Миравет. — Так что ей следует подготовиться и одеться.

— Да, конечно. Мне только нужно побывать сначала на стене, — сказал Люкса.

— А потом приходи ко мне, дорогая. — Голос Миравет звучал твердо, но при этом она протянула руку и потрепала Люксу по щеке.

Как же это было непохоже на Соловет, которая никогда не проявляла никаких чувств к Люксе, по крайней мере при людях!

Грегор облачился в свои черные доспехи, и они с Люксой поспешили в Высокий зал. Там их ожидал Арес, и вскоре они очутились на городской стене. Грегор думал, что они опоздали, но Живоглот на обратил ни малейшего внимания на этот факт — он был слишком занят обсуждением военных действий с Соловет.

— Вы хотите послать нас туда сейчас? — спросил Грегор.

— Нет, пока нет, — ответила Соловет, — но будь под рукой. А ты... — взглянула она на Люксу, — тебе пока здесь делать нечего, ты понадобишься мне в штабе.

— Живоглот велел мне явиться, — возразила Люкса.

— Живоглот ошибся и признает это, — вмешался крыс.

— Я бы хотела остаться, — не соглашалась Люкса.

— Нет. Викус вот-вот начнет переговоры об альянсе с прядущими и ползучими. И мы оба думаем, что твое присутствие необходимо. Аякс отнесет тебя, — отрезала Соловет.

— Тогда ладно, — сдалась Люкса.

Она бросила на Грегора прощальный взгляд, и Грегор долго смотрел ей вслед, пока взгляд его не затуманили некстати навернувшиеся слезы.

Хвост Живоглота ощутимо толкнул его в бок, возвращая к реальности:

— Соловет решила, что ее присутствие здесь будет слишком отвлекать от дела кое-кого из нашей армии, — язвительно сказал крыс. — А разве это дело?

Грегор ничего не сказал в ответ. В глубине души он был рад, что Люксу отправили обратно. Она действительно отвлекала его. Он и сейчас не мог ни о чем думать, кроме как о ней.

Перед глазами у него все вставала сцена, которая разыгралась полчаса назад.

А битва между тем была в самом разгаре.

До этого крысы располагались внизу, на земле, довольно плотной группой. И сражение проходило метрах в ста от командного пункта людей. Но сегодня крысы подошли вплотную к городской стене. Стена была около десяти метров высотой — ни одна крыса не могла запрыгнуть на нее или перепрыгнуть. Но некоторые пытались карабкаться вверх. Поверхность стены состояла из больших кусков полированного камня, а между ними были мельчайшие трещинки. Благодаря этим трещинкам наиболее упорные и ловкие крысы вполне могли добраться до верха.

Живоглот свесился вниз и наблюдал за тем, как одна особенно удачливая крыса долезла уже почти до половины и собиралась продолжить путь, когда на нее налетел человек верхом на летучей мыши и пронзил мечом. Крыса полетела на землю, но Живоглот недовольно покачал головой:

— Несмотря на то что она потерпела неудачу, — теперь они знают, что это возможно...

Словно в подтверждение его слов, другая крыса моментально заняла место упавшей и полезла по ее следам. Ей удалось залезть даже чуть выше, но и ее сбросил со стены один из бойцов.

— Что ж, я думаю, самое время, — произнесла Соловет, подавая какой-то сигнал.

— Время для чего? — спросил Грегор у Ареса.

— Время для горяченького, — ответил тот.

Грегор вспомнил детскую песенку, которая на самом деле оказалась одним из пророчеств. Они выяснили это недавно, несколько недель назад, в Огненной земле. Там предсказывалось то, что крысы попытаются уничтожить мышиный народ в Подземье.

И среди прочих был такой куплет:

Вот и гости на пороге, раз и два и пять.
Надо их скорей с дороги угощать.
На кусочки режь скорее, раз и два и шесть,
А кой-кому горяченького надо бы поесть.
Мама и папа,
Сестра и братишка,
Спят крепким сном все зубастики-мышки.
Может быть, даже уснут навсегда.
Больше не встретишь ты их никогда.

На протяжении веков подземные были уверены, что эти слова ничего не значат, изображали во время песенки чаепитие, на котором режут на кусочки пирог и разливают горячий чай.

Теперь песенка звучала совсем по-другому и трактовалась иначе. Крысы были теми самыми «гостями на пороге», и это именно их надо было резать на кусочки — с помощью мечей.

А сейчас настало время для, как выразился Арес, «горяченького».

В мгновение ока оказались готовыми к атаке котлы: они были сделаны из толстого черного металла и у них были ручки, как у корзин. Летучие мыши принесли их на стену, и команда людей, одетых в защитные перчатки и шлемы, начала лить со стен на крыс кипящее масло.

Душераздирающие крики наполнили воздух, линия крыс внизу дрогнула и сломалась, у основания стены осталось с полдюжины обваренных крыс, корчившихся от боли.

— Поджечь их? — спросил Соловет один из солдат.

— Только парочку, — ответила она. — Не хочу, чтобы было много дыма и чада, — это помешает нашим войскам.

Горящие факелы тут же были брошены в крыс, и те мгновенно превратились в огненные шары. В отчаянии они крутились вокруг собственной оси, пытаясь сбить огонь, катались по земле, но все бесполезно: их шерсть пропиталась маслом насквозь.

Воздух наполнился запахом горячей шерсти, а потом и горящего мяса. Крысы наконец застыли без движения, возможно — потеряли сознание от болевого шока. Их обгоревшие тела лежали неподалеку от стены.

Это была одна из самых ужасных картин, которые когда-либо доводилось видеть Грегору в Подземье.

Может, хуже было только в Огненной земле, когда мыши корчились в предсмертных муках в колодце... — или когда плотоядные клещи напали на Пандору и за секунды объели ее до самых костей.

Но то, что происходило сейчас... Это было просто кошмаром.

Грегор сглотнул, пытаясь не дать своему завтраку вырваться наружу, и посмотрел на окружающих. На лице Живоглота не отражалось ничего, никаких эмоций. Он лишь произнес:

— Это должно их на время остановить.

Соловет издала какой-то звук в знак согласия, но ее внимание было вновь приковано к битве.

Здесь, на стене, ни у кого не было никаких эмоций. Словно ничего из ряда вон выходящего не произошло. Регалианцы видели подобное сотни раз. У Грегора сложилось впечатление, что такая картина им слегка

неприятна — не более того.

Грегор покрепче вцепился в рукоять меча, чтобы унять охватившую дрожь. Возможно, он действительно еще слишком юн. Со временем это становится обыденным и привычным. И на войне все средства хороши.

Он вспомнил о кротах, о том, как Сандвич отравил их и завладел их землями.

Но ведь это нечестно! Даже на войне есть границы, которые нельзя переходить.

Для Грегора это кипящее масло и заживо горящие крысы — были за гранью. Это то, чего нельзя делать. Да, он в курсе, что в Огненной земле им тоже пришлось поджечь крыс, — но там это была отчаянная попытка спасти собственную жизнь и жизнь сотен зубастиков. И ничего общего с холодным расчетом и заранее спланированной акцией не имело.

Неужели только у него эта акция вызвала отвращение и протест?!

Как вскоре выяснилось, он ошибался. Кое на кого еще из присутствующих это произвело не меньшее впечатление.

Кое на кого, не закалившегося в боях, для кого война была в новинку.

Грегор не знал, где тот прятался, — должно быть, в одном из ближайших туннелей, но сожжение заживо крыс заставило его выйти из укрытия и кинуться в самую гущу боя.

Поднявшись на задние лапы, этот кто-то оглушительно заревел. Это был Мортос.

— А вот и мой маленький дружок! — констатировал Живоглот.

Даже ветераны, стоявшие на стене, не удержались от удивленного возгласа: Мортос стал еще больше, с тех пор как Грегор видел его в последний раз. Теперь он был не меньше трех метров в длину, а значит, как минимум в два раза больше самых крупных крыс на поле боя. Белая шерстка в мерцающем свете факелов отливала розовым и голубым.

«Жемчужок», — подумал Грегор.

А ведь меньше года назад это был славный малыш, дрожавший от страха у него на руках.

Каждый когда-то был ребенком. И далеко не каждый, вырастая, становится монстром, пытающимся истребить целый народ, — даже если у него было тяжелое детство.

Глядя сейчас на это чудовище, Грегор не мог отделаться от мысли, что все было бы иначе, если бы он убил Мортоса, когда тот был еще детенышем.

Если бы ему довелось теперь вернуться в крысиный Лабиринт и снова столкнуться с хнычущим, ищущим защиты у мертвой матери щенком, —

смог бы Грегор убить Мортоса, зная, что будет после? Зная, что в противном случае погибнут сотни зубастиков? Что крысы нападут на Регалию? Что начнется война?

— Надо было его убить, — словно прочитал его мысли Арес и негромко добавил: — Убив одного щенка, мы могли спасти жизни сотням ни в чем не повинных мышат.

— В пророчестве не говорилось, что из него вырастет монстр, — сказал Грегор.

— Мы с тобой решили, что именно спасая ему жизнь, исполняем пророчество. Теперь ты сомневаешься в правильности своего тогдашнего решения? — спросил Арес.

Нет. Грегор не сомневался. Решение было единственно возможным. Даже если вернуться в прошлое... даже если знать о настоящем...

Грегор не смог бы убить ребенка. Не смог бы перерезать ему глотку. Мортос тогда был невинен и беспомощен. А что касается пророчеств...

Теперь, когда Грегор знал, что Сандвич сделал с камнеедами, ему хотелось разобраться: что за человек управлял Регалией все это время? И чем дальше — тем больший протест вызывали у него пророчества...

— Так мы решили, — сказал Грегор.

Времени спорить или говорить об этом не было.

Он видел, как вокруг Мортоса образовалась пустота — ровный круг. Даже другие крысы побаивались его смертельных когтей и убийственного хвоста.

— Он еще больше, чем я могла вообразить, — негромко произнесла Соловет.

— Я слышал, он обожрался мертвыми зубастиками в Огненной земле, — ответил Живоглот. — Покорми его — он еще подрастет.

— Он умеет драться? — спросил Арес.

— Говорят, умеет. Но в деле его пока никто не видел, крысы старались оберегать его от настоящей драки.

— С тобой он не справится, — вмешался Грегор. Ему довелось как-то видеть, как Мортос бросился на Живоглота. Это кончилось для Мортоса весьма плачевно.

— Возможно. А может — и нет, — задумчиво протянул Живоглот. — Он был тогда поменьше. И я уверен, они много с ним занимались. Еще надо учитывать его мощь. А также то, что я не смог бы подобраться к нему, пока на поле боя оставалась бы хоть одна живая крыса. Но вопрос не в том, справится ли он со мной. Вопрос в том, справится ли он с тобой.

И все посмотрели на Грегора.

— Что, время пришло? — спросил он.

Но можно было не спрашивать. И так понятно: пришло.

Грегор проверял свою амуницию, а Живоглот засыпал его своими советами по самую макушку. Все они касались одной темы: как сражаться с существом, которое в разы превосходит тебя по размерам.

Мортосу удобнее всего было сражаться на коротком расстоянии, Грегор же должен был брать скоростью и ловкостью. И помнить, что Мортос может дотянуться туда, куда ни одна из тех крыс, с которыми доводилось драться, никогда бы не дотянулась, поэтому Грегору следовало уворачиваться от его атак, постоянно перемещаясь: вправо и влево, вперед и назад.

Советов было слишком много, и в какой-то момент Грегор перестал слушать Живоглота, сосредоточив свое внимание на Мортосе. Несколько смельчаков уже его атаковали — но он их прихлопнул словно мух. Садясь на спину Ареса, Грегор видел, как чудовищный коготь Мортоса в лоскуты раздирает крыло одной из летучих мышей — словно папиросную бумагу. Летучая мышь кубарем полетела вниз вместе с седоком — а там ее встретила толпа разъяренных крыс.

— Арес... — начал Грегор.

— Я знаю. Я буду следить за крыльями, — тут же ответил тот.

Большая часть армии людей была теперь в воздухе, но почти никто не сражался. Крысы ликовали, а люди были подавлены. Все ждали только одного: когда прилетит Грегор и атакует Мортоса.

И Мортос тоже этого ждал.

Он уже заметил Грегора и занял позицию в центре поля боя: хвост изогнут и ходит ходуном, уши прижаты к голове, с оскаленных клыков капает слюна...

— Воин... Воин... — шипел Мортос. — Иди ко мне и сразись со мной!

Грегор понимал, что его гибель — вопрос нескольких минут.

— Живоглот! — не глядя на крыса, окликнул он. — Моя семья!

— Я дал тебе слово, — ответил Живоглот.

— Тогда все. Вперед! — сказал Грегор Аресу. — Я готов.

Он почувствовал, как поднялась и опустилась грудная клетка Ареса, когда летучий глубоко вздохнул. И вот они взмыли в воздух.

Над полем воцарилась мертвая тишина, в этой тишине Арес полетел вперед и сделал широкий круг вокруг Мортоса, который припал к земле, не сводя с них глаз.

Грегор постарался очистить сознание, открывая путь яростничеству,

выпуская наружу свою яростническую натуру. И тут же его зрение стало привычно фрагментарным и сосредоточилось на слабых местах Мортоса, на точках возможной атаки: глаза... шея... печень... артерия, что пульсирует у него под левой передней лапой... местечко между ребрами, через которое можно добраться до сердца...

Они заканчивали второй круг и находились прямо за спиной у Мортоса, когда Арес стремительно нырнул вниз. Мортос, которому пришлось запрокинуть голову назад, чтобы видеть их, взвился в воздух и крутанулся им навстречу. Арес ушел в сторону, но передняя лапа Мортоса чуть не достала его. Движением, которое они только что отрабатывали на тренировке, Арес прижал крылья к туловищу и повернулся. Грегор ударил, отрубив Мортосу сразу три когтя, и распластался на спине Ареса, отлетевшего на безопасное расстояние.

Люди одобрительно закричали, но Мортоса это только сильнее раззадорило.

Теперь он поворачивался вслед за ними, и атаковать стало труднее. Но атаковать было и не надо, потому что он сам вдруг бросился в атаку. Схватив Ареса за кончик крыла, он потянул его в рот, к жутким клыкам. Но на пути ко рту у Мортоса находился, как и у многих существ, нос, и вот в него-то, в одну из ноздрей, вонзился меч Грегора, заставив Мортоса отдернуть голову назад и взреветь от боли. Арес, воспользовавшись моментом, освободил крыло.

И все началось сначала.

Упускать случай было нельзя, следовало действовать быстро и решительно. Они летали в опасной близости к Мортосу, Арес крутился, нырял и вертелся вокруг собственной оси, а Грегор отбивался от когтей и клыков. Надо сказать, помимо силы у Мортоса была и скорость. Может, он не был столь же быстр, как Грегор, но все же достаточно быстр, и Грегор даже на секунду пожалел о том, что у него нет телохранителей.

Больше всего Мортоса, похоже, раздражал полет возле его морды, поэтому Арес стал подлетать как можно ближе к его глазам. Когда они оказались на расстоянии вытянутой руки, Грегор выхватил кинжал и метнул его Мортосу в глаз.

И тут случилась неприятность. Разъяренный и ревуший от боли Мортос припал на передние лапы, изогнул хвост, перебросил его через голову и сильным ударом сбил Грегора с Ареса. Грегор не удержался и полетел вниз головой, прямо на камень. Удар был сильным, а боль такая, что Грегор не мог пошевелиться, не мог даже вздохнуть, не говоря о том, чтобы занять удобное положение, из которого Арес мог его подхватить. Он

почти слышал, как когти летуна царапнули по камню, и шлепнулся на спину Ареса, выдохнув последний воздух, который к тому моменту оставался у него в легких.

К счастью, Мортосу тоже нужно было время, чтобы прийти в себя. Кровь струилась по его морде, превращая искрящуюся белую шерсть в карминно-алую. Раны, которые он получил — в нос и в глаз — мешали ему ориентироваться.

А у Грегора что-то случилось с амуницией. Он провел рукой по спине, там, куда пришелся удар, и обнаружил, что там больше нет металлического прикрытия — осталась лишь тонкая кожаная вставка. Ощупав себя более внимательно, он выяснил, что с трудом может найти собственные два ребра. Нет, они были — но ушли как минимум на пару дюймов глубже, чем положено. Неудивительно, что ему трудно было дышать.

Но то, что он задумал, он мог сделать и без кислорода.

— Хвост! — прохрипел он прямо в ухо Аресу.

Больше Грегор ничего не мог сказать — но летуну этого было достаточно. Он понесся прямо над головой Мортоса. Хвост крысы лежал сейчас расслабленно на каменном полу, и Грегор ударил по нему мечом, вложив в этот удар всю силу, какая у него была. Удар разрубил хвост Мортоса пополам, оставив огромному крысу маленький обрубок — примерно с полметра. Из раны фонтаном брызнула кровь, обдав Грегора, который скорчился на спине Ареса.

Мортос не сразу смог оценить масштаб своей потери. Он повернулся вокруг себя, ища свой хвост, и еще раз, и еще... а когда увидел отрубленную часть, лежавшую на земле, взял ее в лапы, словно ожидая, что она оживет. Он даже пытался приладить хвост на место.

А когда не получилось — Мортос вскинул голову и издал протяжный и жуткий вой, на который, как думал Грегор, крысы не способны.

Только тогда Грегор понял, что натворил. Он-то хотел отрубить хвост потому, что это мощное и опасное оружие. Но для Мортоса это было гораздо больше, чем оружие. Грегор мысленно вернулся в тот день, когда у Мортоса случилась истерика в подземельях Регалии. Чтобы успокоиться, Мортос сосал, а потом грыз свой хвост, пока тот не начинал кровоточить. Это было его утешение, его секретное средство, то, что давало ему ощущение безопасности и защиты. А теперь, без хвоста — что он будет делать, где искать безопасность и защиту?!

Мортос обезумел, он метался по кругу, уничтожая все, что попадалось ему на пути. Затем бросился на Ареса, который поспешно развернулся и полетел в сторону Регалии так быстро, как только позволяло поврежденное

крыло.

Это было умно, потому что Грегор все равно не мог продолжать сражаться. Но Мортос, вместо того чтобы отступить или остаться на месте, бросился в погоню. Одним махом крыс преодолел расстояние до стены и в высоком прыжке без труда допрыгнул до самого верха. Приземлившись, он своим мощным телом раздавил сразу порядка десяти человек. Остальные тут же сели на летучих мышей и поднялись в воздух, а Мортос прыгнул обратно на землю и стал бросаться на стену, изрыгая ругательства и проклятия.

Арес, который покинул стену за секунду до нападения Мортоса, развернулся мордой к происходящему.

Пока Мортос продолжал беситься, вокруг него стали собираться крысы — все больше крысиных лап и носов упирались теперь в стену. Меньше чем за минуту к Мортосу присоединилась вся первая линия бойцов. И их число стремительно росло.

Прямо на спину Мортосу вскарабкалась крыса красивого серебристого цвета. Грегор знал ее — это была Умняшка. Крыса с потрясающим даром убеждения — она почти убедила его в предательстве Живоглота! Он всегда подозревал, что она имеет на Мортоса огромное влияние: всем было понятно, что он слишком глуп и прост, чтобы организовать массовое убийство зубастиков или вести войну. Вид Умняшки, сидевшей верхом на Мортосе, внушил Грегору настоящий страх: Мортос не был способен мыслить масштабно — а вот Умняшка вполне могла это делать за двоих.

— Взять город! — взревел Мортос. — Живых не оставлять!

И следуя его приказу, крысы хлынули в Регалию.

ГЛАВА 17

Грегор осторожно перегнулся через плечо Ареса и смотрел вниз. Воздух наполнился отчаянными криками ужаса и боли и крысиным визгом, по улицам текли реки крыс, убивавших любого, кого встречали по пути. Большинство населения города укрылось во дворце. Но оставались те, кто еще не успел спрятаться и сейчас пешком или на телегах спешил туда. Крысы безжалостно набрасывались на них и убивали. Некоторые люди успевали достать меч и пытались сопротивляться, но это было бесполезно — у них не было шансов против такого количества жестоких врагов — Грегор видел, как нескольких мужчин крысы растерзали в клочья.

— Это моя вина, — прошептал Грегор. — Я его не прикончил.

Задыхаясь, он пытался приподняться.

— Это было невозможно, — возразил Арес. — Лежи спокойно!

Армия регалианцев не сражалась — она отступала, пытаясь защитить мирных жителей. Арес нырнул вниз и выхватил из повозки двух детей, но их мать спасти не успел — ей вспороли горло крысиные когти. Он принес мальчуганов на балкон Высокого зала и бережно опустил за пол. Они жались друг к дружке, дрожали и плакали, а потом кто-то увел их внутрь. В зал то и дело влетали летучие мыши, ставили на пол людей и снова улетали за теми, кого еще можно было спасти.

— Грегор, я должен покинуть тебя, — сказал Арес. — Я нужен там — я могу еще кому-нибудь помочь.

— Да. Иди. Я в порядке. — Грегор сполз со спины Ареса и опустился на четвереньки. Арес смотрел на него, колеблясь, и он повторил: — Иди. Мне помогут.

Но когда Арес улетел, Грегор понял, что до помощи ему будет добраться нелегко.

В Высоком зале царили хаос и неразбериха, воздух был наполнен шумом крыльев, а на полу тут и там лежали истекавшие кровью раненые. Грегору было слишком больно — он не мог громко позвать на помощь и даже просто кого-то окликнуть. И потом — стольким людям нужна была помощь! Грегор с трудом дополз до другой стороны балкона и там остановился, опираясь на большую каменную вазу — в таком положении ему хотя бы не казалось, будто на нем сидит кто-то очень тяжелый.

Да, с ним что-то было не так — очень не так. Боль в спине казалась просто невыносимой. Может, Мортос перебил ему что-то своим хвостом,

повредил какой-то жизненно важный орган. И теперь он умирает. Нижние ребра слева — левая сторона всегда была у него слабым местом. А что у нас слева, кстати? Сердце? Но это было далеко от сердца.

Грегор старался дышать как можно более поверхностно. От любого движения ему становилось только хуже. Он не мог удержаться и застонал — но вокруг было много стонущих от боли людей. Стонущих, кричащих, визжащих. Ему хотелось, чтобы они все замолчали — хотя бы на мгновение. Тогда, возможно, ему стало бы легче — если бы ему дали хотя бы мгновение тишины и покоя...

Чем дольше он находился здесь, тем яснее становился ему смысл пророчества Сандвича — по крайней мере та его часть, которая касалась его и Мортоса.

Когда фонтаном кровь монстра забьет,
Когда Воин, запачкав кровью ладони, умрет...

Он умирает. И возможно, Мортос тоже умирает.

Грегор видел, как кровь фонтаном била из него на месте отрубленного хвоста. Даже для такого огромного существа, как Мортос, не может не быть опасной такая потеря крови. Умеют ли крысы останавливать кровь? А может, Мортос сейчас, как и Грегор, лежит, свернувшись калачиком, и наблюдает, как утекают последние секунды его жизни...

тик-так тик-так тик-так

Грегор смог посмотреть через перила вниз.

Крысы были везде. Они лезли на крыши, громили дома, терзали тела убитых людей. Армия людей перегруппировалась и пыталась атаковать — но было почти невозможно противостоять крысам в Регалии: здесь было много дверей и окон, где они могли прятаться и выскочить внезапно, напав на жертву, а резной орнамент домов облегчал задачу — они могли зацепиться за него когтями и попасть куда угодно. Куда угодно кроме дворца.

А ведь рядом с городом еще стадион, на котором развернут спасательный лагерь для уцелевших зубастиков. Грегор даже думать не хотел, что творилось сейчас там. Конечно, существовала огромная тяжелая каменная дверь между городом и стадионом — но ведь были еще и туннели, которые вели к стадиону с другой стороны.

Звуки становились все тише, а свет померк.

«Вечер, — подумал Грегор сквозь накатывающую волной боль. — Скоро будет ночь».

Потом вспомнил, что в Подземье не бывает дня и ночи. Наверное, это у него темнеет в глазах. Ну да, похоже. Теперь он был уверен, что зрение отказывает ему, и это, вероятно, первый признак того, что скоро...

— Грегор! — В голосе Говарда звучала тревога. Затем зазвучали ласковые ноты: — Грегор, это Говард. Ты меня слышишь? — Из темноты выплыло лицо Говарда. — Ты ранен? Что случилось?

— Спина.

Губы Грегора сложились для того, чтобы сказать это слово, а звука не было. Но Говард, видимо, умел читать по губам, потому что руки его заскользили по телу Грегора, ища повреждения. Когда пальцы коснулись ребер, волна неистовой боли прокатилась по телу Грегора, и искры посыпались у него из глаз.

— Нет! — На этот раз ему даже удалось сказать это вслух.

— Грегор, понимаю, тебе очень больно, но я думаю, что могу тебе помочь. Ты должен сесть, — велел Говард.

Мысль была смешная — Грегор не мог даже пошевелиться, какое там сесть!

— Врача! Наземному нужен врач! — закричал Говард.

Подбежала женщина, осмотрела Грегора, и вдвоем с Говардом они оторвали его от вазы. Теперь он мог стонать в полную силу — по крайней мере он смог издавать звуки. Он готов был умолять их остановиться, уйти, оставить его в покое — но этого не произошло. Женщина встала позади него, поддерживая его под мышки — таким образом его спина находилась в вертикальном положении. Она дала Говарду инструкции. Говард опустился на колени перед Грегором, крепко взял его за руки и резко дернул.

— Дыши! — скомандовал он. — Дыши, Грегор! Очень глубоко — как можно глубже!

«Ни за что!» — подумал Грегор, который, наоборот, старался дышать как можно чаще и неглубоко. «Ни за что!»

— Дыши, Грегор! Давай же! — настаивал Говард. — Вдыхай!

Было очевидно, что Говард не отстанет. Было очевидно, что они будут мучить его до тех пор, пока он не сделает то, о чем они просят. Поэтому Грегор собрал остатки сил — все, что у него было, а было уже совсем немного, — и заставил себя сделать глубокий вдох. И чуть было не вырубился. Резкий и терпкий запах коснулся его ноздрей, и теперь ему казалось, что глаза и нос у него горят.

— Дыши! — слышал он голос Говарда.

И снова вдыхал. Снова и снова. Делал вдох, практически лишался сознания — и снова собирался с силами для нового вдоха. Наконец, когда уже казалось, что следующий вдох станет для него последним, он вздохнул очень глубоко — и ребра вдруг встали на место. Следующий вдох стал вздохом величайшего облегчения: он снова чувствовал свои легкие, снова мог говорить. Спина у него горела, но выматывающая боль пошла на убыль.

— Легче? — спросил Говард, вставая с колен.

— О да, — Грегор даже смог усмехнуться, — о да.

Они сняли с него доспехи и разрезали рубашку — она была вся в крови и такой заскорузлой, что снять ее иначе было нельзя. Говард обнаружил новое фото Грегора и Люксы — и, ни слова не говоря, положил его Грегору в карман штанов. Врач быстро осмотрела Грегора на предмет других повреждений, ощупывая его ловкими пальцами. Учитывая то, через что ему пришлось пройти, он был в неплохой форме.

— Не вижу ничего, что требовало бы неотложного вмешательства, — сказала врач. — Дай ему обезболивающее, перебинтуй ребра и отправь в постель, — и исчезла, прежде чем Грегор успел поблагодарить.

Говард дал ему обезболивающее — такую дозу, которая уменьшила боль, но не оказала снотворного эффекта. И начал перебинтовывать Грегора полосками шелка, сотканного пауками.

— Где Арес? — спросил Грегор, когда Говард закончил перевязку.

— Думаю, все еще ищет тех, кто нуждается в помощи, — ответил Говард. — Хотя... я видел его крыло. Непонятно, как он может летать.

— Он упрямый, — заметил Грегор.

— Как и ты. Я слышал, ты отрубил хвост Мортосу уже после того, как получил травму.

— А, это да, — подтвердил Грегор.

Это было правдой: он действительно нанес последний удар уже после того, как шмякнулся на землю и его ребра изменили свое местоположение.

— Думаю, во мне было очень много адреналина. Это адреналин — что же еще!

— Ну хорошо, что мы тебя нашли. А то уже разные слухи ходили о твоей судьбе. Летучие мыши эвакуировали город. Большинство людей, не укрывшихся во дворце заранее, погибли. Зубастики забаррикадировались на стадионе, но не удивлюсь, если их решено будет перенести во дворец — стадион трудно защищать, — рассказал Говард. — А дворец — это наш последний оплот, наша крепость.

— А что с камнеедками? — спросил Грегор.

— Ни следа, — качнул головой Викус.

— Но ведь Викус говорит, их много, — не унимался Грегор.

— Да, похоже. Но мы не можем точно знать. И подкоп под дворец требует гораздо больших усилий, чем чтобы просто добраться до наших посевов. Сандвич строил его по-настоящему прочным и недаром выбрал именно это место — глубокий каменный шельф.

— Но все-таки они могут это сделать, — сказал Грегор.

— Если поставят себе такую цель — то да, смогут, — ответил Говард. — Как думаешь, сам сможешь идти?

Он помог Грегору встать на ноги. Грегор чуть было не упал — все поплыло перед глазами. И стало темно.

— Я все еще плохо вижу, — сказал он.

— Это не ты плохо видишь. Взгляни на Регалию, — мрачно произнес Говард.

Грегор посмотрел на город — и все понял. Из сотен факелов, которые обычно освещали город, уцелели и горели единицы.

Когда-то давно, почти сразу после прибытия в Подземье, Грегор спросил Викуса, не удобнее ли людям сражаться в темноте. И старик тогда ответил: «Нам нужны глаза, чтобы сражаться. А нашим врагам — нет».

Как же теперь будут сражаться люди — почти без света?

Они смотрели в молчании, как один за другим гасли уцелевшие факелы. Последний факел сиял, словно звезда, на крыше высотного здания и вспыхнул и рассыпался прощальными искрами, когда его сорвали и бросили на землю.

И как только город погрузился во тьму, началось оно. Царапанье.

ГЛАВА 18

Сначала было единичное царапанье — кто-то когтем провел по камню. Потом еще и еще, все новые и новые когти присоединялись к первому и скрежетали, царапая камень, заглушая остальные звуки.

— Я уже слышал такое. — Грегору пришлось почти кричать, чтобы Говард его услышал. — Ну, или что-то очень похожее.

— В Подземье? — спросил Говард.

— Нет, у нас дома. Живоглот тогда послал крыс — обычных, наземных, и они царапали и скрежетали у нас в стенах, чтобы напугать нас и заставить меня пойти на встречу с ним, — ответил Грегор.

— И вы испугались?

Грегор вспомнил, как они метались по квартире, как пытались бежать, как ужас охватил их всех при виде когтя, продирающего пластиковое покрытие стены...

— Да, испугались.

— Ну, тогда мне не так стыдно признаться, что меня это шкрябанье пугает до смерти, — сказал Говард. — Но это только именно чтобы напугать — крысам все равно никогда не удастся процарапать себе сквозь каменное покрытие дворца путь внутрь.

— Надо сказать, что если их цель — свести нас с ума, они на правильном пути, — признал Грегор. Ему хотелось поскорее укрыться где-нибудь от жутких звуков, пока у него не сдали нервы. — Может, ты отведешь меня в кодовую комнату? Я бы там прилег.

Теперь, когда ребра встали на место, Грегор чувствовал себя вполне прилично.

— Но только, пожалуйста, не геройствуй и избегай резких движений, — предупредил Говард. — А то кости снова могут принять неправильное положение. Если же это произойдет, а меня не окажется рядом, — ты теперь знаешь, что нужно делать. На вот, возьми эту нюхательную соль, — и он вложил маленькую коробочку в ладонь Грегору.

«Здорово, — подумал Грегор. — То есть я не только должен дышать, чтобы не грохнуться в обморок, но еще и приводить себя при этом в чувство».

Но вообще-то на фоне всех этих убитых и раненых в Высоком зале это не показалось ему чем-то из ряда вон выходящим. Пол там был весь в крови. Многим раненым не успели оказать помощь.

— Оставайся здесь, Говард. Я, пожалуй, в состоянии добраться до кодовой комнаты сам.

— Я обязательно приду тебя проведать, — пообещал Говард.

— Вряд ли у тебя будет такая возможность, — ответил Грегор. — Нет, серьезно, я в порядке.

Он стал медленно пробираться сквозь толпу в коридорах к кодовой колшате.

— Простите. Простите. Вы не позволите мне пройти?

Люди расступались, когда видели, кто просит их посторониться. Многие тянулись к нему, чтобы прикоснуться, другие улыбались. А некоторые, похоже, были удивлены.

— Ты живой! — закричал один старик. — А мы слышали, Мортос тебя убил!

Грегор начал волноваться, что слухи могли достигнуть ушей его сестер, и заторопился.

Когда он вошел в кодовую комнату, то увидел, что Лиззи рыдает на плече у Живоглота, а остальные шифровальщики попрятались по своим комнаткам. Босоножка стояла рядом и гладила Лиззи, но у самой глаза были на мокром месте.

Теперь Грегор мог себе представить, как оно все будет, когда он действительно умрет. Такая получилась генеральная репетиция. Говоря по совести, он бы предпочел этого не видеть.

— Ну, что я вам говорил? Я же говорил, что он живой! — Живоглот взял Лиззи за подбородок и повернул ее голову в сторону вошедшего Грегора. — Вот же он, целый и невредимый!

— Грегор! — закричала Лиззи. — А я думала, ты умер!

— Да нет, только слегка ушибся, — ответил он, потирая рукой место под повязкой.

— Гррре-го!

Босоножка радостно скакала вокруг, потом встала на цыпочки и трижды поцеловала нижний край повязки:

— Так лучше? — озабоченно спросила она.

— Гораздо лучше. Спасибо, Босоножка! — сказал Грегор.

— Мог бы подать о себе весточку, — проворчал Живоглот. — Мы потеряли твой след, после того как ты улетел. А это было несколько часов назад, между прочим.

Грегор чувствовал, что крыс готов ему голову откусить, но не хочет еще больше расстраивать Лиззи, и поэтому сдерживается.

— Ну, у меня ребра сместились. И я не мог ничего сделать — даже

пошевелиться не мог, пока Говард и еще одна врач не нашли меня и не поставили их на место.

— У Авроры такое было с крыльями, — вдруг появилась на пороге Люкса. Лицо ее было очень бледным, но она не плакала.

— Да, точно! Очень похоже на то, когда Аврора лежала с вывихнутым крылом там, в джунглях! — подхватил Грегор. — А теперь она как новенькая — и я тоже.

Темп легонько боднул Грегора — во рту он держал чистую рубашку.

— Спасибо, Темп.

Надевая рубашку, Грегор старался не морщиться и не стонать — ему совсем не хотелось говорить о своих ранах и травмах.

— Ну, а что тут у вас происходило все это время? Удалось что-нибудь сделать с кодом?

Вероятно, не надо было этого говорить, потому что Лиззи тут же зарыдала.

— Нет, нам не удалось ничего сделать с кодом, потому что твоя бедная сестра слишком волновалась за тебя, — язвительно ответил Живоглот. — И у нас пропало несколько часов!

— Но он в этом не виноват! Просто я не гожусь. Я вообще ни на что не гожусь! — сквозь слезы проговорила Лиззи. — Если крысы придут — я даже не в состоянии драться. Я абсолютно бесполезное существо!

— Пожалуйста, не смей меня! Ты стоишь тридцати самых прекрасных воинов — ведь взломщики кодов так же редки, как деревья в Подземье!

— Никакой я не взломщик кодов! Я хотела быть им — но нет. Может, все-таки это Босоножка? — промолвила Лиззи, всхлипывая.

— Все в этой жизни бывает, чудеса случаются, но все же я в тебе уверен, — ответил Живоглот. — Так что давай-ка, соберись — и будем работать.

— Ты останешься? — спросила Лиззи.

— Да, останусь до тех пор, пока мы не расколем этот орешек, — сказал Живоглот. — Соловет обойдется пока без меня.

Шмыгая носом, Лиззи улеглась на живот и расстелила перед собой кусок ткани.

— Может, если мы попробуем применить шифр Коперника... — произнесла она, вытирая нос рукавом.

— Давай попробуем, — согласился Живоглот.

Остальные дешифровщики выползли из своих каморок и встали вокруг. Комната погрузилась в тишину.

Если, конечно, не считать этих звуков. Царапанья.

Сюда они еле долетали, ведь комната находилась далеко от внешних стен дворца, но Грегор почему-то их слышал.

Люкса подошла и шепнула:

— Отдохнуть не хочешь?

Он кивнул и позволил ей отвести себя за руку в комнату, предназначенную для людей.

С осторожностью вытянулся на постели на правом боку, стараясь не касаться сломанных ребер и раны на бедре.

Люкса села рядом и взяла его за руку:

— Почему-то один из нас все время валяется в постели.

— Да, это для нас единственный вариант увидеться, — подхватил Грегор.

— Точно, — кивнула Люкса. — Говорят, вы с Аресом просто чудеса творили в бою с Мортосом.

— Кто говорит? — спросил Грегор. — Живоглот? Не верю.

— Нет, не Живоглот, — улыбнулась Люкса. — Но он тоже признал, что ты был даже лучше, чем он мог надеяться. И что он сделал для этого все возможное, — сказала Люкса.

Оба рассмеялись, и тут же нос Живоглота уперся в край постели:

— Некоторые пытаются здесь работать, знаете ли. Мне что, объяснять вам, насколько важно разгадать этот код?!

— Нет, простите, — спохватилась Люкса.

— Почему бы вам двоим не заняться чем-нибудь полезным? — сердито предложил Живоглот.

— Например? — осведомился Грегор.

— Например попытаться что-то сделать с этой девочкой, Босоножкой, чтобы она поняла, что код — это кое-что еще, кроме замечательного хвоста. Это хотя бы отвлечет ее, — сказал Живоглот. — А то слушать ее, записывать чепуху, которую она несет... Если она та самая принцесса.

— Я поняла. Слушайте каждое слово принцессы, она Ключиком стать от замочка должна, — кивнула Люкса.

— Что бы это ни значило, — тихонько произнес Грегор, когда Живоглот исчез.

Босоножка и Темп сидели в стороне от всех, путаясь в белых лентах ткани, испещренных значками кода.

— Где они взяли эту штуку, слушай? — поразился Грегор. — То есть — кто это все написал?

— Ну, крысы посылают звуковые сигналы, — сказала Люкса. — А это

их запись.

Она стукнула один раз по стене костяшкой пальца:

— Это стук.

Затем царапнула стену:

— Это царапанье.

Потом произвела два коротких, негромких удара, один за другим:

— А это щелк. Короткая пауза означает перерыв между буквами, длинная — перерыв между словами. Я никогда не умела пользоваться этими шифром с приличной скоростью. А ты можешь, Темп?

— Похоже на так, на так, похоже на так, — сказал Темп.

Он поставил все свои шесть ножек на пол и начал воспроизводить целую серию стуков, щелчков и царапаний с такой скоростью, что Грегор не мог порой отличить стуки от щелчков.

Правда, когда папа показывал ему на компьютере, как отправлять сообщения азбукой Морзе, Грегор точно так же ничего не понимал — хотя папа и старался делать это помедленнее.

— У нас много разведчиков на стратегически важных позициях, они перехватывают и записывают сообщения. Это не трудно потом расшифровать — крысы и не делают попыток их кодировать. Так что эти ленты — перехваченные и записанные людьми сообщения, которые доставили в кодовую комнату, — объяснила Люкса.

Они вчетвером теперь были в комнате людей.

Никто не озаботился о том, чтобы перевести эти куриные следы на ткани в удобочитаемую форму — возможно, все члены команды дешифровщиков в этом и не нуждались и могли прочесть их и в таком виде. Поэтому Люкса воспользовалась Древом Сообщений как подсказкой. Может, она и скучала на уроках, изучая этот предмет, зато сейчас ей не надо было идти в главную комнату к Древу, чтобы вспомнить, как оно выглядит: она помнила все наизусть.

— Сдается мне, старый зубастик действительно был неплохим учителем, — с уважением заметил Грегор.

— Думаю, да, — согласилась Люкса. — Для меня ничего не стоит по памяти его нарисовать. Дерево задумано так, что соблюдается баланс между удобством его использования и легкостью запоминания. Начнем?

Босоножка, казалось, заинтересовалась тем, как палочки и черточки превращаются в буквы алфавита.

— Так, Босоножка, хорошо. Давай-ка пойдем с тобой прямо-прямо-прямо-влево. Что это за буква? — спросил Грегор, указывая ей на значок.

Босоножка провела по Древу своим пухленьким пальчиком:

— Прямо... прямо... прямо... влево... получается X. Получается X, Грре-го!

— Отличная работа! — похвалил ее Грегор и написал букву Х одним из Лиззиных маркеров.

Они продолжили, разбирая шифр тихими голосами, букву за буквой, час за часом. И к концу занятия Грегор уже вполне прилично выучил Древо. Настолько, что даже смог написать Люксе сообщение:

Люкса рассмеялась, скомкала кусок ткани и бросила его в Грегора.

Но потом, когда они вернулись к своему занятию, Грегор пожалел о том, что написал, и стал думать, что совершил ошибку. Сначала она, видимо, восприняла это как шутку, но теперь заметно погрузстнела.

Во-первых, это была шутка Генри — а ей тяжело было вспоминать о нем. Во-вторых, любые упоминания о смерти сейчас не казались забавными. Тем более что многие люди уже успели похоронить его, уверенные, что Мортос его убил.

Да, не надо было посылать ей эту записку, но сделанного не воротишь.

Босоножка наконец потеряла интерес к Древу, и им пришлось изобретать другие игры с буквами на лентах: они пытались составлять из них слова, читать наоборот, пытаясь по-своему разгадать Код Когтя. Люкса и Темп продолжали урок, пока Грегор просто-напросто не отключился. У него в голове остались только очень простые и нужные мысли.

Он хотел спать.

Он хотел еще обезболивающего.

Он хотел домой. Хотел домой. Домой.

К тому времени когда Живоглот объявил перерыв на чай, Грегор находился в трансе.

Ему совсем не хотелось ни чаю, ни пирога, но он опасался, что Лиззи расстроится, если он не присоединится к остальным, и поэтому он заставил себя сползти с кровати.

Члены команды дешифровщиков были слишком сосредоточены, чтобы болтать. Они пили чай молча, иногда что-то бормоча себе под нос.

Вошел с несчастным видом Газард и сел рядом с Люксой, положив голову ей на плечо.

— Что случилось? — участливо спросила она.

— Мне не разрешают заниматься воссоединением мышц с

родителями. Говорят, это слишком опасно. Всех зубастиков все равно в ближайшее время перенесут во дворец, — пожаловался он.

— Ну, здесь они будут в большей безопасности, — ответила Люкса.

— Ну да. Тем более что уже слышно, как камнееды роют туннели под стадионом, — кивнул Газард.

Живоглот оторвался от пирога:

— Серьезно?! — и метнулся к двери: — Почему я узнаю это от семилетнего мальчика?! — прорычал он. — Скажите Соловет, я не получаю информацию в полном объеме!

— А это не царапанье крысиных когтей? — спросил Грегор.

— Нет, Грегор, нет. — Газард грустно покачал головой. — Эти звуки звучат совсем иначе.

Живоглот вернулся к остальным, бормоча:

— Ну, по крайней мере они не пытаются подкопаться под дворец. Хотя почему? Вот что меня беспокоит.

— Ты думаешь, у них есть другой план вторжения? — спросила Люкса.

— Я думаю, что если даже нет — они совершенно точно работают над этим, — ответил крыс. — Но судя по тому, что они еще не здесь — план пока не удался. Они наверняка понимают, что мы сосредоточим все силы на том, чтобы перенести сюда зубастиков.

— Далее говорит, я понадобится потом, — жалобно сказал Газард. — Она говорит, мне надо отдохнуть. Но я не могу спать. Можно я буду помогать здесь?

— Почему нет? — воскликнул Живоглот. — Может, ты внесешь свежую струю, поможешь встряхнуть наши закосневшие мозги.

— А что вы делаете? — заинтересовался Газард.

Казалось, ни у кого не осталось сил, чтобы ответить.

Наконец, Лиззи, которая ненавидела, когда вопросы оставались без ответов, заговорила:

— Я тебе покажу.

Она взяла ближайшую ленту, вынула из кармана маркер цвета морской волны и села рядом с Газардом.

— Вот это — сообщение, которое отправила одна крыса другой. Эти вот маленькие черточки обозначают буквы... — и быстро написала поверх черточек правильный вариант букв. — Но даже если мы переведем эти черточки в буквы — мы не сможем прочитать сообщение. Оно закодировано. И нам неизвестен ключ. Тут есть какой-то фокус, — объяснила Лиззи.

— А может, к примеру, буква А означать именно букву А? — уточнил Газард.

— Мы думаем, что нет. Смотри, вообще-то все это представляет собой криптограмму, в которой ни одна буква не является сама собой. Это скорее даже анаграмма — когда буквы перемешиваются и из них составляют другие слова. Ну, например, как если бы слово «кот» означало «ток» — но при этом буква О не меняет позиции, а слово «брак» означало бы «краб»...

— А имя Грегор почти совпадает с «Грызер», — сказал Грегор, подтолкнув Лиззи в бок.

— Это я заметила, когда Грегор рассказывал мне о Подземье. У него и у Грызера четыре буквы совпадают, — кивнула Лиззи.

Это было целую вечность назад!

— Я рассказывал о встречах с гигантскими пауками и о том, как падал с высоченного утеса, а Лиззи тогда вдруг сказала, что у этого противного крысиного короля и у меня в именах несколько одинаковых букв! Причем она это сразу заметила, представляешь? — Грегор сделал большой глоток чая и стал думать, не съесть ли ему еще кусок пирога, когда вдруг заговорила Хирония:

— Она заметила это сразу? — медленно произнесла старая мышь. — Она заметила это сразу?

— Ну да, — кивнул Грегор. — Ну, вы же знаете, как она любит головоломки со словами.

Он и правда не видел в этом ничего особенного. Для него увидеть, что в слове «Грегор» четыре буквы из шести совпадают со словом «Грызер», было ничуть не большим достижением, чем разгадать загадку Живоглота.

Но эта информация произвела в комнате странный эффект. Один за другим дешифровщики поднимали головы и смотрели на Лиззи, которая нервно крутила в руках маркер цвета морской волны.

— Я заметила это сразу, да. Заметила, — сказала сама себе Лиззи.

— Но ведь то, что она заметила... это же ключ к Коду Когтя, — произнес Дедал. — Подумай как следует, Лиззи, что именно ты заметила. Может, имя твоего брата — ключ к нашей головоломке?

Глаза Лиззи обратились к Древу Сообщений и заматались по буквам. Рот слегка приоткрылся, и она начала часто дышать. Грегор неоднократно видел панические атаки, которые начинались точно так же, и хотел было вмешаться. Но все остальные замерли, словно боялись неверным движением или словом прервать напряженную работу мысли, и он решил подождать.

— Имя... Имена... — произнесла Лиззи.

— В совпадении имен и кроется разгадка, — замирающим голосом сказал Живоглот.

— Может быть... эта строчка... это...

Лиззи вдруг бросила маркер и схватила кусок ткани с закодированным сообщением, который показывала Газарду. Она читала написанное, и губы ее шевелились, но звуков не было. Когда же она подняла глаза и заговорила, ее слова звучали почти неслышно:

— Гре-гор. Гры-зер. Думаю... я знаю... как расшифровать код.

ЧАСТЬ 3

Воин

ГЛАВА 19

Лиззи перевернула ленту и начала писать на обратной стороне алфавит, в то время как слова сыпались с ее губ:

— Так-так, ладно, все что нам нужно, это единый ключ — и получится очень простой код, который крысы могут запомнить и употреблять.

— Ты думаешь, это слово «Грегор»? — спросил Живоглот.

— Это слово, которое я заметила, — ответила она.

— Это был бы неплохой выбор. Легко запомнить.

— На самом деле все даже проще, — заметил Живоглот. — Можно запомнить вообще только одно слово из четырех букв — горе. Г-О-Р-Е. Нужно помнить только это слово.

— Да, — кивнула Лиззи. — Именно так.

Она написала эти буквы над соответствующими буквами в алфавите.

— Попробуй прочитать сообщение! Ну же! — воскликнул Живоглот, протягивая Лиззи ленту.

Руки Лиззи слегка дрожали, когда она развернула ленту и начала читать:

— Камнееды... появились... рядом с... Регалией. Туннель — подкоп.

Несколько секунд они молчали, ошеломленные успехом.

— Это старое сообщение. Нам нужно самое свежее!

Живоглот метнулся к дверям:

— Свежую шифровку! Немедленно! — крикнул он. Потом развернулся к Лиззи, ткнул ее своим носом и закружил по комнате, подхватив передними лапами. А потом подбросил в воздух и поймал...

Лиззи хохотала, обняв его за шею:

— Я все-таки для чего-то гожусь! Гожусь!

И тут все, кто был в кодовой комнате, впали в бурное веселье. Рефлекс начал разбрасывать ленты с шифровками по комнате, словно серпантин. Дедал повесил ленты себе на крылья и летал с ними по воздуху, чтобы они развевались. Хирония, с трудом сохраняя равновесие, хромала вокруг Живоглота и Лиззи, пытаясь приплясывать. И даже древняя Мин, скрипя конечностями, пустилась в какое-то подобие тараканьего танца.

Босоножка была на седьмом небе. Она бегала, кружилась, обматывалась лентами и выплясывала на спине Темпа буги-вуги.

— Лиззи годится! — кричала она. — Она хорошая!

— Да, Лиззи хорошая, очень хорошая, ты, приставучее мелкое

существо, — сказал Живоглот.

Но он был счастлив. Совершенно счастлив.

Газард бросился на шею Люксе:

— Теперь все будет хорошо, да? Теперь, когда они разгадали код?

— По крайней мере теперь будет лучше, Газард, — ответила она, обнимая его в ответ.

Она взглянула на Грегора — и он понял, о чем она подумала: о том, чем кончается Пророчество.

О его смерти.

— Все должно быть теперь хорошо, Газард, — сказал Грегор.

Меньше всего на свете он хотел испортить этот потрясающий момент своими проблемами.

— Отличная работа, Лиз, дай пять! — произнес он, хлопая ладонью по ладони сестры.

— Это все мы, — возразила она. — И Газард. Это он заставил меня вспомнить.

— Можно, я пойду к зубастикам и расскажу о том, что вы разгадали код? — спросил Газард. — Я уверен, это внушит им надежду.

— Нет! — резко сказал Живоглот. — Никто, кроме присутствующих сейчас в этой комнате, не должен об этом знать. Я сам проинформирую Соловет. А остальные должны хранить это в строжайшем секрете.

Все члены команды согласно кивнули, и Грегор тоже кивнул, хотя он думал, что Газард прав и что эта новость очень поддержала бы боевой дух остальных.

В дверях появилась молодая женщина, которая принесла корзину, полную скрученных лент с донесениями. Вся команда дешифровщиков столпилась вокруг, лихорадочно ища самые последние.

Несмотря на всеобщее возбуждение, Грегор снова стал подумывать о том, чтобы вздремнуть.

Но Живоглот нашел для него другую работу: он велел ему, Люксе, Газарду, Босоножке и Темпу расшифровывать не самые свежие сообщения на тот случай, если там вдруг попадется что-нибудь важное. Люкса предложила работать в спальне, так что Грегор мог лечь.

Им приходилось делать две копии каждого послания: сначала они переводили черточки в буквенный вариант, а потом применяли к нему Код Когтя. Большинство сообщений содержали старую информацию: о битве за освобождение зубастиков, об альянсе с камнеедами, о местонахождении Мортоса. Но были и важные сведения, которые могли оказаться полезными: например, о том, кто из жителей Подземья встал на сторону

Мортоса, а кто отказался. Тараканы не вступили с ним в союз, пауки пытались соблюдать нейтралитет (поэтому присутствие здесь Рефлекса было засекречено), и существовала грозная опасность, потому что велись переговоры с муравьями-острогубцами. Но Грегору трудно было представить себе, что муравьи займут в этой войне позицию одной из сторон — неважно какую, потому что они люто ненавидели и тех и крыс и людей, и большая война между ними была для них большим подарком.

Грегор изо всех сил старался держать глаза открытыми. Но в конце концов Люкса сказала:

— Спи, мы справимся без тебя.

И Грегор перестал сопротивляться сну. Когда же открыл глаза, вокруг было тихо. Газард, Люкса и Босоножка спали на кровати рядом с ним, Темп тихонько сопел на полу — видимо, Живоглот велел всем ложиться.

Грегор попытался было снова уснуть, но слишком болели спина и бедро. И еще зверски хотелось есть. Он немного поворочался и решил встать.

Выйдя в кодовую комнату, Грегор увидел, что Лиззи и Живоглот спят рядышком на полу, как и в прошлую ночь. Живоглот приоткрыл мутные глаза и проводил ими Грегора, но тут же снова смежил веки.

Грегор подошел к тележке с едой и выудил из нее миску с остывшим мясным рагу. Когда он вылизал миску дочи́ста, ему стало гораздо лучше.

Теперь Грегору хотелось, чтобы пришел Говард и дал обезболивающее. Но он вспомнил раненых, стонущих в Высоком зале, вспомнил, как кроссовки разъезжались в лужах крови — и понял, что у Говарда нет ни секунды лишней, чтобы заняться им. Конечно, можно послать сообщение в больницу, но опять же — там столько тяжелораненых, которым нужно срочно спасать жизнь, что даже неловко беспокоить врачей из-за пары сломанных ребер.

Грегор стал думать, понравилось ли маме на Источнике. Хорошо ли за ней ухаживают? Или больница там так же переполнена, как в Регалии? И как там бабушка и папа? Грегор надеялся, что папе не придется в голову лезть сюда, чтобы спасти семью. Хорошо бы рецидив был таким сильным, чтобы он не мог встать с постели. Конечно, желать такого папе было гадко, но это все же лучше, чем попасть в лапы крыс.

Грегор налил себе кружку холодного чая и окончательно отказался от идеи возвращаться в постель.

Он не чувствовал сейчас усталости — так почему бы не сделать что-то полезное? Вокруг валялись ленты с последними сообщениями, исчерканными ультрамариновым маркером Лиззи. Но на дне корзины

лежало еще много нерасшифрованных, более старых донесений. Грегор выгреб их из корзины и принялся за работу. В основном там были устаревшие сведения о перемещениях боевых частей — много недель назад.

А потом появилось это:

Он написал его буквами. Применил Код Когтя. И сердце у него остановилось.

Вертихвостка. Образ этой крысы тут же встал перед глазами. Вот она зарылась носом в мох на стадионе, потому что запахи людей были слишком сильны и заставляли ее страдать.

Он вспомнил отчаяние на ее морде, когда крысу засасывало в водоворот. И то, как она вцепилась когтями в его спасательный жилет и шептала: «Не — бросай — меня!» Он не бросил. Он рискнул собственной жизнью, спасая ее, когда остальные не хотели даже пальцем ради этого шевельнуть. И тогда они стали друзьями, несмотря на все разногласия между крысами и людьми.

Вертихвостка первой определила, что Грегор яростник. Она делилась с Босоножкой едой.

Она пожертвовала собой в Лабиринте, помогая Грегору и Аресу найти Мортоса, а потом заставила их оставить ее умирать и идти дальше.

Но она не умерла. Не сразу.

Крысы захватили ее в плен. Они посадили ее в колодез и, вероятно, пытали и морили голодом, чтобы она рассказала им все, что знала о Грегоре. А она не рассказала.

И наконец только сейчас, недавно, она покинула этот мир.

Такая же одинокая, как всегда.

Слезы, которые брызнули у него из глаз, удивили самого Грегора — ведь он не плакал уже очень давно. Он не плакал о маме и об Аресе, когда они могли умереть. Не плакал о мышах и Талии. Не плакал о Люксе. Он даже не плакал о себе самом, когда узнал из пророчества, что обречен погибнуть. Все это было ужасно, но...

Вертихвостка. Какая ужасная ей выпала судьба!

Изгнанная за свой дар яснонохания в Мертвые земли, она жила совершенно одна в жестоком и страшном мире, пока наконец не прибилась к Живоглуту. Истекала кровью в Лабиринте — но не истекла, ее ждала еще

более ужасная участь: попасть в руки к крысам, которые ненавидели ее за ее дар, а еще больше — за то, что она помогала Грегору...

— Кончено. Все. Теперь все хорошо.

Это был Живоглот — он заглянул через плечо Грегору и прочел сообщение.

— Нет, не хорошо! — Грегор старался говорить тихо, чтобы не разбудить остальных, но в голосе его звучали горечь и ярость. — Ничего не хорошо, Живоглот. Я должен был пойти и найти ее.

— Мы думали, она умерла, — возразил Живоглот.

— Но мы не знали точно! И они мучили ее все это время! А мы даже не попытались узнать правду!

Грегор вспомнил о папе, который провел больше двух лет в плену у крыс. Может, Вертихвостка умерла в том же колодце, где держали отца?

— Даже если бы мы узнали правду — у нас не было шансов ее спасти, — мягко сказал Живоглот. — Мы бы не...

— Да заткнись, Живоглот! Тебе-то что?! Она тебе даже никогда не нравилась, тебе было на нее наплевать! Ты к ней относился как к мусору. Просто заключил с ней сделку — потому что тебе было это выгодно, она должна была помочь мне убить Мортоса для тебя! Не делай вид, Живоглот, будто... будто все это имеет для тебя хоть какое-то значение! — Грегор больше не сдерживался и не понижал голос.

Почти все уже проснулись и с тревогой наблюдали его истерику — они не могли понять, что происходит, и думали, что крысы ворвались во дворец.

— Просто заткнись, Живоглот!

Грегор рванулся в комнату крысы, резко задернул занавеску, рухнул на кровать вниз лицом и зарыдал.

Он понимал, что плачет не только из-за Вертихвостки. Он плакал сейчас из-за всех ужасных вещей и событий, которые уже произошли и которые ждали его впереди.

Чья-то рука (он подумал — Лиззи) тихонько отодвинула занавеску.

— Оставьте меня в покое! — крикнул Грегор.

От рыданий снова накатила волна боли, но он все лежал и плакал, плакал, плакал — в полном одиночестве. А потом просто лежал на кровати и смотрел на отблески света на стене.

Снаружи снова было тихо — наверное, остальные опять уснули.

Потом в кодовой комнате послышались шаги.

— А где Грегор? — произнес взволнованный голос Говарда.

— Он там, — ответила Люкса, но заходить к Грегору не стала, ждала,

что он выйдет сам. — Мы получили известие о гибели Вертихвостки. Они держали ее в колодце все это время. И Грегор очень расстроился.

Последовала пауза, пока Говард переваривал услышанное. Потом он сказал:

— Вообще-то мы все должны переживать. А скорбь Грегора не приправлена жгучим стыдом — как у нас.

Говард тоже не хотел спасти Вертихвостку, когда она тонула в водовороте. Правда, потом он заботился о ней, помогал ей.

— Она много сделала для всех нас. А мы отплатили ей черной неблагодарностью.

Говард отдернул занавеску крысиной комнаты и вошел.

— Мне жаль, — просто сказал он.

Грегор не ответил.

— Давай-ка, привстань, тебе нужно принять вот это.

Говард приподнял его, помог сесть, отмерил дозу обезболивающего и оставил бутылочку с остальным содержимым на будущее. Наложил свежую повязку на бедро Грегора и проверил швы на голени, тоже заново все перевязав. И в конце осмотрел спину.

— Ушиб очень сильный, но кости сейчас на месте, — сказал он и снова перебинтовал ему грудь.

Потом Говард сел на кровать, поставив локти на колени, и, поддерживая ладонями подбородок, заговорил, с трудом подбирая слова:

— Грегор... мне кажется, насколько я могу судить о Вертихвостке... ты был лучшим, что было в ее жизни. Ты относился к ней лучше всех.

— Ты тоже помогал ей, — возразил Грегор. — Потом, после водоворота.

— Потому что ты был прав, — ответил Говард. — Ты единственный из нас смог заглянуть ей в душу, не обращая внимания на ее шерсть, клыки и когти. И ты единственный увидел, какая она самом деле. Если нам суждено когда-нибудь жить в мире — это будет первый шаг к нему. Чтобы изменить все это... — Говард сделал в воздухе жест, будто собирая все то, что их окружало в данный момент. — Чтобы мы перестали уничтожать друг друга... рвать друг друга на части... Это так ужасно и бессмысленно. Все это.

Он вдруг прижал бледные, дрожащие от усталости руки к глазам.

— Тебе нужно много спать, чтобы скорее поправиться, Грегор.

— Тебе тоже не мешало бы отдохнуть, Говард, — сказал Грегор.

— Нет. Видел бы ты, что творится в больнице... — Говард опустил глаза и посмотрел на свои руки — они очень сильно дрожали от

усталости. — Мне нельзя отдыхать. Только вот я начал опасаться, как бы в таком состоянии не наделать ошибок.

— Хотя бы несколько часов. Ложись. Я обещаю, что разбужу тебя, — уговаривал Грегор.

Говард смотрел на него, будто не понимая, о чем он.

— Несколько часов?

— Ты точно наделаешь ошибок, Говард. Ложись!

Грегор встал, уступая место Говарду, и почти силком уложил того на кровать.

— Два часа. Не больше, — пробормотал Говард.

И пока Грегор укрывал его одеялом, он уже провалился в сон.

Грегор вышел в кодовую комнату. Все уже встали и снова были заняты работой.

К нему подошла Босоножка и протянула к нему ручки. Взять ее на руки он не мог из-за спины и прочих травм, поэтому Грегор сел на пол и посадил ее к себе на колени.

— Ой, — сказала Босоножка грустно и прижала ладошку к носу. Так она обычно изображала Вертихвостку, потому что была слишком маленькая и не могла произнести такое сложное имя. — Ой. Она умерла.

— Да, — вздохнул Грегор и подумал, что, пожалуй, ему было проще, когда Босоножка не понимала, что такое смерть.

— Но она у тебя останется вот здесь. — Босоножка прижала ладошку к его груди, туда, где, как она думала, находится сердце. Вообще-то сердце у Грегора было с другой стороны — но разве это имело сейчас значение?

— Да, она останется у меня вот здесь, — согласился Грегор.

Он поймал взгляд Люксы. У нее с Вертихвосткой были особые отношения — они защищали друг друга в Лабиринте до последнего.

Грегор поставил Босоножку на ноги и пошел помогать Люксе с очередными лентами донесений.

— Не могу поверить, что она так долго нуждалась в нашей помощи, а нам это не приходило в голову, — прошептала Люкса.

— Я понимаю, — сказал. Грегор. — Со мной то же самое. Я должен был помочь ей — но ничего не сделал. Тешил себя фантазиями, что ей удалось бежать и что она в безопасности, в Мертвых землях или где-то еще.

— Ну теперь да. Теперь она в безопасности, — печально произнесла Люкса.

— Значит, вот как оно все тут, внизу, устроено, — заметил он.

Никто здесь не может чувствовать себя в безопасности, пока не умрет. Он взглянул на Живоглота, вспомнил о его семье и погибших детях... и

пожалел, что наорал на него. Уж кто-кто, а Живоглот знал не понаслышке о том, что значит оказаться в глухом колодце — его туда бросили приспешники Мортоса, и он лежал там без еды и воды, без возможности стачивать зубы, которые росли и росли и уже почти вонзились ему в мозг... Да, Живоглот смеялся над Вертихвосткой — как и над всеми остальными. Не больше. Но Живоглот ничего плохого ей не сделал и, будь она жива, Грегор был уверен — Живоглот выполнил бы свое обещание и взял бы ее в свою стаю. Хотя теперь это не имело никакого значения.

Прибыла корзина с новыми донесениями, и Живоглот заставил работать с ними всех, даже тех, кто до этого занимался старыми. Прошло всего несколько минут, как вдруг Мин начала тревожно щелкать:

— Плохо новости, здесь быть, очень плохо новости!

Тараканиха была так взволнована, что не могла прочесть сообщение вслух, и Люкса поспешила ей на помощь. Быстро преобразовав черточки в буквы, она применила код и прочла: «Когда — камнееды — доберутся — до — стадиона — начать — атаку...»

— Что? Где? — Живоглот аж подпрыгнул на месте.

Люкса развернула ленту так, чтобы все могли прочитать написанное.

— «Со — стороны — реки», — вслух прочел Живоглот.

— Со стороны реки, — повторила Люкса. — Никто не может атаковать со стороны реки. Там у воды такая скорость, что любого разорвет в клочья.

— До сих пор это было невозможно. Но когда ты видела реку в последний раз? После землетрясения видела? — спросил Живоглот.

— Нет, — растерянно ответила Люкса. У нее не было еще возможности там побывать.

— Река теперь совсем не такая быстрая, — констатировал Живоглот. — Им надо проплыть несколько сотен метров с северного берега, и они в состоянии это сделать.

— Ты ведь был в штабе. Какая защита стоит у нас на пристани? — с надеждой спросила Люкса.

— Никакой, — безжалостно ответил Живоглот. — Вообще никакой.

ГЛАВА 20

Живоглот начал нервно расхаживать по комнате.

— Так, ладно. Прежде всего нужно разделить команду дешифровщиков. Если крысы ворвутся во дворец — нам нельзя оказаться всем в одном месте. Значит так: Мин, Рефлекс и Люкса — в штаб. Лиззи, Дедал и Хирония — вы остаетесь здесь. Ни в коем случае никому не проговоритесь, что нам известен код! Грегор, Газард, Босоножка и Темп — вы отправляетесь в комнату пророчеств, Нерисса там, и у нее есть ключ. Запритесь изнутри и не открывайте, пока я сам вам не скажу.

— Почему? Я вообще-то собираюсь надеть свои доспехи, — возразил Грегор.

— Ты полагаешь, что в состоянии сражаться? — Живоглот с сомнением взглянул на Грегора. — А ну-ка, атакуй меня.

Спину у Грегора ожгло болью, когда он попытался вытащить меч из ножен, а кинжал он и вовсе уронил.

— Нет, ты не можешь драться. Но даже если бы мог — мы бы никогда не стали рисковать тобой в обычном бою. Ты нужен нам, чтобы сражаться с Мортосом. Но пока можешь быть спокоен — не думаю, что он станет форсировать реку, — сказал Живоглот. — Его наверняка спрятали в какой-нибудь пещере, и он там отлеживается, а команда пауков ткет ему повязки для хвоста.

— Я думала, пауки соблюдают нейтралитет, — удивилась Люкса, глядя на Рефлекса.

— Нейтралитет означает, что они помогают обеим сторонам, поэтому победитель после войны не трогает их и не мстит им, — объяснил Живоглот. — Они же помогали вам, помнишь? А теперь — шевелитесь, живо!

Грегор подобрал кинжал и сделал шаг к двери, но вдруг остановился:

— Нет, подожди. Я хочу, чтобы Лиззи пошла со мной.

— Вот как? Ты действительно хочешь, чтобы Лиззи отправилась с тобой в комнату пророчеств, где ей нечем будет заняться, кроме как... целыми днями читать пророчества? — спросил Живоглот, со значением глядя на Грегора.

Грегор понял, что он имел в виду. Живоглот пытался защитить Лиззи от ужасного знания — от знания того, что написано в «Пророчестве Времени» про него, Грегора. И все остальные ведь тоже скрывали это от

Лиззи. Но если она попадет в комнату пророчеств — она все узнает.

— Со мной все будет в порядке, Грегор, — вмешалась Лиззи. — Живоглот прав. Нам лучше разделиться.

— Если ей будет угрожать опасность — я могу перенести ее в безопасное место, — сказал Дедал. — Я знаю секретный путь.

— Согласен, — сдался Грегор.

Так даже лучше. Дедал сможет доставить ее домой. Ее и маму с Босоножкой.

— Как долго все это продлится?

— Этого тебе никто не скажет. Запаситесь одеялами и возьмите с собой тележку. — Живоглот кивнул на стоящие в ряд тележки с едой, которые недавно вкатили в комнату.

Лиззи погрузила целую охапку одеял на спину Темпа, и Босоножка сразу вскарабкалась туда же. Грегор попытался сдвинуть тележку с места, но у него ничего не вышло — слишком он был слаб и слишком сильной была боль в спине. Пришлось попросить Газарда везти тележку.

— Я приду навестить вас как только смогу, — пообещала Люкса, крепко сжимая руку Грегора.

Все разделились так, как велел Живоглот, и Грегор возглавил процессию в комнату пророчеств. Они шли ужасно медленно, в основном из-за этой тележки. Грегор даже подумывал бросить ее, но они не знали, что ждет их впереди, а потому имело смысл помучиться дорогой, чтобы потом не страдать от голода.

Нерисса уже ждала их. Она впустила их в комнату пророчеств, закрыла дверь и заперла ее на ключ, а ключ положила себе в карман. У нее не было приготовлено спальное место и продуктов припасено не было, зато повсюду горели только что принесенные факелы.

— Почему Живоглот нас сюда послал? — спросил Грегор Нериссу.

— Потому что эта комната — одна из немногих, где очень прочная дверь. Это дает хоть какую-то защиту, — ответила она.

— Ну... пожалуй, — согласился Грегор.

Но защита была так себе. Дверь была деревянной, и крысы могли разодрать ее и изгрызть, правда — не сразу. Грегор предположил, что камнеедам вообще ничего не стоит преодолеть такую преграду — у них это заняло бы пару минут.

По крайней мере у них будет время подготовиться к бою.

Правда, он не знал, насколько это важно. Важным было одно: если он, Грегор, не поправится в ближайшее время — их никто не сможет защитить. Нерисса наверняка не в состоянии держать меч, Газард и Босоножка еще

дети, а Темп... он умеет драться, и будет драться до последней капли своей благородной тараканьей крови — но много ли у него шансов против крыс?

Грегор решил во что бы то ни стало привести себя в порядок.

Говард велел ему побольше спать — значит, он будет много спать. Они устроили из одеял спальные места у стены, и Грегор улегся. Если не шевелиться, лекарство Говарда почти снимало боль, и Грегор чувствовал себя почти хорошо. Усилием воли он заставил себя не думать о том, что происходит снаружи, — и провалился в сон.

Шли часы, а возможно — дни.

Темп развлекал Босоножку и Газарда — они втроем играли в тараканов, пока Грегор ел, спал и принимал обезболивающее.

Никто не приходил к ним, и снаружи не доносилось ни звука. Только однажды они услышали за дверью чьи-то шаги. Взволнованный голос что-то прокричал — и все снова стихло.

По мере того как боль в спине становилась тише, он все сильнее волновался о том, что происходит во дворце. Напали ли на дворец крысы? Успели ли люди подготовиться? Почему никто за ними не приходит?

Он хотел открыть дверь и все узнать самостоятельно, но Нерисса решительно этому воспротивилась.

— Это не твоя битва, Грегор, — сказала она. — Тебе нужно ждать — твое время не пришло.

Ждать в этом информационном вакууме было для Грегора тяжелейшим испытанием, даже мучением — гораздо более тяжким, чем выходить на поле боя и убивать. Нерисса пыталась отвлечь его, обсуждая с ним пророчества, рассказывая ему подробности истории Подземья. Он много узнал о прошлом Регалии — и совсем ничего не знал о ее настоящем!

— Слушай, Нерисса, ну что может случиться, если я просто выгляну наружу? — уговаривал он ее.

— Взгляни, Грегор, на это стихотворение, — отвечала Нерисса. — Это одно из моих любимых. Когда кажется, что все потеряно, я успокаиваю себя этими строчками.

Грегор вздохнул и обратил взор на стихотворение в том углу, где обычно сидела Нерисса.

На слабых ногах, на себя не похожий совсем,
Смерть обманув в сотый раз, он явится всем.
Тот, кто убит, похоронен, оплакан — воскрес.
Линии две на лице образуют загадочный крест.
С миром придет неожиданный мира гонец.

Линии все пересечься должны наконец.

— И это тебя утешает?! — недоуменно спросил Грегор. — А почему?

Для него это звучало невразумительно. Это было чересчур даже для Сандвича, мастера напустить тумана на ровном месте. К тому же Сандвич отныне перестал быть для него авторитетом.

— А ты прочел название? — спросила Нерисса.

Грегор наконец увидел, что у стихотворения есть название. Над ним значилось: «Миротворец».

«Отлично. Миротворец, значит», — подумал Грегор. Что этот Сандвич, убийца камнеедов, знал о том, как установить мир?

— Так ты думаешь — этот миротворец придет? Когда же? — спросил он у Нериссы.

— Этого никто не знает. Может, завтра. А может — через сотни лет. Но миротворец обязательно придет. Как пришел Воин, — ответила она.

Что-то забрезжило в мозгу у Грегора. Какое-то смутное воспоминание. Миротворец... Он уже слышал о нем раньше. Это было давно, когда он появился в Регалии во второй раз. Ночью, гуляя по дворцу, он случайно подслушал спор Соловет и Викаса. Они спорили о том, нужно ли ему упражняться в военном искусстве. Соловет хотела его немедленно вооружить, и Грегор помнил ее слова: «В пророчестве говорится, что Грегор — Воин. Воин, а не Миротворец».

— Ну, это точно не я, Нерисса, — улыбнулся он. — И скорее всего меня уже не будет, когда он явится. Но все же я надеюсь, что все будет так, как написано. Теперь можно я открою дверь?

Но Нерисса в ответ лишь покачала головой.

Не мог же он силой отобрать у нее ключ. Нет, конечно мог — но ему не хотелось. Может, когда Нерисса уснет, стоит незаметно вытащить ключ из ее кармана и выглянуть за дверь, хотя бы на пару секунд. Он должен знать, что происходит. И кроме того — комнату уже требуется проветрить: от их импровизированного туалета смердело, как из канализационной трубы. И хотя у помещения была вентиляционная решетка, она лишь обеспечивала им приток воздуха. От вони спасения не было.

Ожидая, пока Нерисса уснет, Грегор снова начал упражняться с мечом.

Мальчик все еще чувствовал слабость, но он смог вытащить меч из ножен. Комната была невелика, и ему трудно было в ней упражняться. Грегор подумал и решил, что, пожалуй, уже в состоянии сражаться — процентов на семьдесят пять, если появится необходимость. И это

укрепило его решимость осуществить задуманное: даже если парочка крыс неслышно караулит у них под дверью — у него хватит сил с ними расправиться.

К тому времени как Нерисса заснула, Босоножка, Газард и Темп тоже спали. И это было к лучшему, ведь Грегор не был уверен, что они бы одобрили его поступок.

«Я ключ не краду — я его одалживаю! — убеждал он себя. — И я верну его обратно еще до того, как кто-нибудь заметит пропажу».

Грегор подкрался к Нериссе и тихонько вытащил ключ из ее кармана. Со всей осторожностью, на какую был способен, он на цыпочках подошел к двери и вставил ключ в скважину.

Он чуть было не повернул ключ, когда вдруг услышал шум: чьи-то торопливые шаги, скрежетание когтей, крики... Страшный удар обрушился на дверь — ее явно пытались выбить. Снова скрежет когтей — и еще один удар, в результате которого крысиный коготь вырвал из двери порядочный кусок прямо перед лицом Грегора. Грегор отшатнулся и схватился за меч. Еще шум, еще шаги. Душераздирающий визг... И тишина.

Обернувшись, Грегор увидел, что остальные проснулись и в ужасе смотрят на него.

Он вынул из замка ключ и молча протянул его Нериссе. И она так же молча его взяла. Даже была столь деликатна, что не сказала: «Я же говорила...»

Секунды утекали за секундами.

Значит, крысы ворвались во дворец. В двери крысиный коготь оставил маленькую дырочку — совсем маленькую, размером с глазок, но в коридоре снаружи было темно, и поэтому рассмотреть что-либо было невозможно. Волнение Грегора росло с каждой минутой.

Крысы во дворце. Они знают, где он. Что, если они нашли Лиззи?! Люксу?! Что там вообще творится? Почему никто не выходит с ними на контакт? Он же уже может сражаться! Он должен сражаться! Но если он уйдет, крысы могут напасть на комнату пророчеств. Кто тогда защитит Босоножку, Газарда, Темпа и Нериссу?

Сердце у него ухнуло вниз, когда снаружи по двери скрипнул крысиный коготь. Грегор вскочил, принял боевую стойку и вытащил меч, направив его прямо в глазок.

— Что ж, теперь ты снова можешь пригодиться, — услышал он голос Живоглота. — Открывайте! Дворец освобожден!

Нерисса тут же открыла дверь ипустила Живоглота, который был смертельно бледен, но, кажется, не ранен.

Грегор забросал его вопросами, но Живоглот не стал отвечать:

— Многие погибли, но все, кто тебе дорог, живы. Мы смогли защитить город — благодаря твоей сестре, которая разгадала Код Когтя. Крысы изгнаны за пределы города, но теперь они перегруппируются и объединяются вокруг Мортоса. Так что... ты нужен нам в штабе, парень. — Он повернулся к Нериссе: — Остальным я позже скажу, что делать. Пока посидите здесь еще.

Грегор шел за Живоглотом по коридору. Повсюду валялись трупы людей, крыс, зубастиков — все вперемешку. Дети утаскивали куда-то мертвые тела — иногда, чтобы сдвинуть с места одно тело, за него брались шестеро детей. «Они слишком маленькие для такой работы», — с горечью подумал Грегор. А потом вспомнил, что приходилось делать им с Люксой, — и решил, что эта работа не самая худшая. Впрочем, с ним вообще все было по-другому: он выпал из детства много месяцев назад. Или нет?

В штабе было полно людей и существ, но вниманием Грегора тут же завладела Люкса.

Она, видимо, участвовала в сражении: одежда ее была чистая, но на голове красовалась свежая повязка. И она снова кашляла.

— Не стоило тебе драться, — сказал Грегор, дотрагиваясь до повязки.

— Это мой дом, — возразила Люкса. — Как твоя спина?

— Гораздо лучше.

— Прекрасно, — произнесла Соловет. — Мы должны немедленно отправиться во владения грызунов.

— Я пошлю за Авророй, — кивнула Люкса.

— Нет, Люкса, ты остаешься. Ты ранена. И потом — ты нужна здесь, — строго сказала Соловет.

— Ты не можешь оставить меня в тылу, — заявила Люкса. — Нет. После того что они сделали с Регалией...

— И все же ты должна остаться. — Соловет была непреклонна.

Люкса упрямо склонила голову:

— Должна?

Грегор почувствовал, как в нем борются противоречивые чувства: на этот раз он был на стороне Соловет. Он не хотел, чтобы Люкса летела к крысам, по нескольким причинам: она ранена; ему было бы спокойнее знать, что она в безопасности; и наконец — он не хотел, чтобы она видела, как он умрет...

Живоглот встал между Соловет и Люксой и примирительно заговорил:

— Послушай, твое высочество, мы в первую очередь думаем о Регалии. Да, надо довести дело до конца. Но когда все закончится... когда все закончится, твоему народу, Люкса, нужен будет правитель. Крысы разгромили Совет, почти никто из старейшин не выжил, не осталось никого способного взять власть в свои руки, никого, кому можно доверять. И ты единственная, кто может править Регалией.

— Он прав, Люкса, — подтвердила Соловет. — После падения Совета власть переходит в твои руки.

— Но я еще не достигла нужного возраста, — возразила Люкса. — Вы же знаете — я еще не могу править!

— Это уже не имеет значения. В такие моменты, как сейчас, это уже не имеет значения. Ты продемонстрировала выдающуюся храбрость и мудрость. Поверь мне — ты взойдешь на трон. И если люди пошли за тобой во время войны — они пойдут за тобой и в мирное время. Не кажется ли тебе теперь, что ты не имеешь права рисковать собой — слишком велика цена этого риска? — спросил Живоглот.

Он не уговаривал ее, не давил — он говорил с ней на равных.

Люкса уставилась на Живоглота, обдумывая его вопрос. Потом она опустила глаза и ответила:

— Да, кажется. Вы правы. Я остаюсь.

Живоглот и Соловет обменялись взглядами и вернулись было к обсуждению военных вопросов, но Грегор заметил вдруг затаенную улыбку в уголке губ Люксы.

— Она врет! — вдруг выпалил он.

На лице Люксы читались неверие, боль — и вслед за этим ярость и ненависть.

— Почему ты так думаешь? — спросила Соловет, нахмурясь.

— Потому что я ее знаю. Если вы хотите, чтобы она осталась... — Грегор сглотнул и набрал побольше воздуха в легкие, потому что сказать то, что он собирался сказать, было почти невозможно: — Если вы хотите, чтобы она осталась — запирайте ее в карцер.

ГЛАВА 21

Соловет некоторое время изучающе смотрела на Люксу, потом махнула рукой стражам:

— Взять ее! И летящую не забудьте.

Грегор усилием воли заставил себя смотреть, как Люксу хватают и ведут по коридору. Она вырывалась, била удерживавших ее стражей ногами — но слова, которые она выкрикивала, предназначались не им: они предназначались ему, Грегору. Она кричала, что не ожидала от него такого предательства. Что теперь она никогда не сможет снова ему доверять. Что он хуже, чем Генри, а она думала, что хуже не бывает. И хотя об этом она не кричала — но Грегор был уверен, что чувства, которые она к нему испытывала, испарились в эти минуты без следа.

А его чувства, как ни удивительно, лишь усилились. Поэтому он и не мог оторвать от нее глаз, пока стражи не скрылись за поворотом, забирая ее из его жизни навсегда.

Но то, что Люкса в нем разочаровалась, было сейчас только к лучшему. Он ощупал задний карман штанов, чтобы удостовериться, что фотография, которую они сделали в музее, при нем. Да, она на месте. Он не стал вытаскивать ее. Лучше потом, в пещере или туннеле, когда остальные будут спать, он вытащит ее и проведет с ней какое-то время. Расскажет Люксе на фотографии то, что уже никогда не сможет рассказать живой девочке.

— Это был мудрый и мужественный поступок, Грегор, — сказала Соловет словно невзначай. — Сейчас она тебя ненавидит всей душой и будет всегда ненавидеть, но со временем она поймет, почему ты это сделал.

И Соловет снова повернулась к карте на стене. Ее одобрение ничуть не улучшило настроения Грегора. Она ему не нравилась. Соловет считала, что использовать чуму как оружие и поливать крыс кипящим маслом — это хорошо и правильно. Мудрый и мужественный поступок! Лучше бы она этого не говорила.

Викус подошел и пожал ему руку. А Грегор даже и не знал, что старик находится в комнате.

— Она не будет тебя вечно ненавидеть, — сказал Викус. — Если она смогла простить Генри, который ее предал, — разве не поймет и не простит тебя, ведь ты, наоборот, хотел ее спасти?

— Сомневаюсь, что она воспринимает это именно так, — ответил Грегор. — Впрочем, дело сделано — что теперь об этом говорить!

— Мы стартуем от реки через час. Грегор, тебе нужно побывать в оружейной комнате и переодеться, — сказала Соловет.

Через час? У него остался всего один час?

— Я оденусь по дороге. Сейчас я хотел бы побыть с моими сестрами.

— Они будут сопровождать нас, — возразила Соловет. — Лиззи нужна нам в качестве дешифровщика, а Босоножка будет вдохновлять ползучих. Не волнуйся — я буду держать их на безопасном расстоянии от боевых действий.

Спорить с Соловет было бессмысленно. И названные ею причины, для чего она брала с собой его сестер, были более чем разумны. И все же...

— Они будут в безопасности, — негромко произнес Живоглот. — Я же обещал. Слово яростника, ты помнишь?

Когда Грегор пришел в оружейную комнату, ему сначала подали еду. Он поел, и Миравет отправила его в ближайшую ванную помыться.

Он никак не мог отделаться от мысли, которая молоточком стучала в мозг: в последний раз...

Горячая еда — в последний раз...

Ванная — в последний раз...

Свежая одежда — в последний раз...

Он начал одеваться, когда вошел Говард, чтобы перевязать его раны и осмотреть его.

— Ты выглядишь куда лучше, чем раньше! — обрадовался Грегор.

— Еще бы. Я проспал целых два дня, — улыбнулся Говард.

— О господи, я забыл! Я обещал разбудить тебя! Прости. Живоглот уснул меня в комнату пророчеств и... и я забыл, — признался Грегор.

— Не вини себя. Зато теперь я практически единственный адекватный человек во всей больнице. А хотя бы один такой все-таки нужен, — улыбнулся Говард. — Твои раны отлично заживают.

Он снял Грегору швы на голени, на бедре трогать пока не стал и наложил свежие повязки. Затем протянул Грегору бутылочку обезболивающего.

— Что ж, — произнес он. — Мне нужно возвращаться.

«Я вижу Говарда в последний раз», — подумал Грегор.

Он поднялся и обнял Говарда:

— Ты ведь присмотришь за Люксой?

— Как за родной сестрой, — сказал Говард. — Высокого тебе полета, Грегор.

— Высокого тебе полета, — эхом ответил Грегор.

Ему так хотелось сказать еще многое: о том, как он благодарен Говарду

за все... о том, что если бы у него был старший брат — он хотел бы, чтобы этот брат был таким же, как Говард, добрым и смелым, и так же не боялся говорить о том, что его волнует, и так же умел бы признавать свои ошибки...

Но Грегор ничего этого не сказал.

Теперь у Люксы есть старший брат — и это главное.

Доспехи Грегора принесли с балкона, вычистили и починили. Миравет даже кое-что подправила в них таким образом, чтобы он чувствовал себя удобнее с учетом его травм и ран.

Когда он оделся, прибежала девчушка и принесла его розовый рюкзак, который он брал с собой в последнее путешествие в Огненную землю. Он оставил его где-то в больнице, напрочь позабыв о нем, потому что волновался за Люксу. В рюкзаке был фонарик, который вернул ему Йорк, батарейки, скотч, бутылки с водой, печенье Лиззи и дорожные шахматы.

— Говард поручил мне принести тебе это, — сказала девчушка.

— Передай ему мою благодарность. Мне это и правда пригодится, — ответил Грегор, и девчушка, просясь, убежала.

Придя на пристань, Грегор застал там печальный ритуал. Подземные хоронили своих погибших. Мертвые тела — людей, летучих мышей, зубастиков — помещали в маленькие лодочки, сделанные из ткани. В изголовье устанавливали факелы. Люди тихонько произносили какие-то слова, которые Грегор не мог разобрать. Затем лодочку спускали на воду — и она уплывала по течению. Хотя река уже не была такой быстрой, как до землетрясения, все же течение было довольно сильное, и лодочки скрывались из глаз одна за другой. И повсюду на реке, покуда хватало глаз, мерцали огоньки факелов и их отражения.

Значит, так они хоронят своих мертвых.

Отправляют их в маленьких лодочках вниз по течению до Водного пути, огромного озера-моря, где их, вероятно, поглощает водная пучина.

Что ж, это разумно. Земли в Подземье мало, чтобы хоронить в ней умерших. Вообще Грегор видел то, что можно назвать почвой, только в джунглях и на полях. Можно было бы хоронить в камне — но тогда это надо было делать за пределами города, да и вырубать в камне могилы — дело нелегкое. Если бы речь шла о паре тел — их можно было бы сжечь, но когда трупов сотни... Страшно представить себе, каким стал бы воздух — в нем было бы слишком много дыма, а здесь не бывает таких сильных ветров, как в Огненной земле, чтобы его развеять.

Шестеро ребяташек, которых он уже видел раньше, притащили мертвую крысу и бросили ее в воду без всякой церемоний.

Рядом на пристань опустился Арес.

— Как много мертвых! — произнес Грегор.

— Да, — ответил Арес. — Сотни отправляются сегодня в свое последнее путешествие.

— А как вам удалось отбиться от крыс? — спросил Грегор. Ему хотелось знать, что здесь происходило, пока он отсиживался в комнате пророчеств.

— Когда нам стало известно о вторжении крыс, они заходили в воду в туннеле к северу отсюда. Мы дождались, пока они поплывут, и атаковали с воздуха. Для них было тяжело одновременно плыть и защищаться — но их было очень много. Многие погибли — но все-таки кое-кто добрался до дворца. Одна группа ворвалась в больницу и перебила там раненых. Остальные метались по коридорам, уничтожая всех, кто встретится на пути. В конце концов удалось загнать их обратно в реку, и те, кто мог, уплыли, спасая свои шкуры, — ответил Арес.

— Без Мортоса? — коротко спросил Грегор.

— Без Мортоса. Он спрятался где-то в крысиных владениях. Оставшиеся найдут его и восстановят армию.

Грегор задумчиво смотрел на реку, на проплывавшие мимо тела.

Он не сразу узнал зубастика, которого готовили к спуску на воду в следующей лодочке. Сейчас этот зубастик казался меньше, чем при жизни, меньше и слабее. И он был мертв.

— Это же... это Картик? — не поверил своим глазам Грегор.

— Он погиб, защищая детский садик, — ответил Арес. — Но детеныши не пострадали.

Грегор почувствовал, как его накрыла волна печали. Он не слишком хорошо знал Картика — но ведь они путешествовали вместе. Вместе смотрели, как умирают мыши у вулкана. Вместе играли в прятки с Босоножкой и мышатами.

Грегор протянул руку и погладил мягкую шерстку, прежде чем подтолкнуть лодочку в воду. Живоглот сказал, что никто из тех, кто был дорог Грегору, не погиб. Но он имел в виду Люксу и членов его семьи. А ведь были еще другие — и много! — кого Грегор знал в лицо и о ком волновался. И кто знает, что с ними сейчас: живы они или умерли?

Появились остальные путешественники. У Лиззи, Газарда и Босоножки были завязаны глаза, их вели стражи.

— Зачем им смотреть на это? Еще будут потом кошмары сниться, — пробурчал в объяснение Живоглот.

Грегор вспомнил забрызганные кровью коридоры — и согласился с

этой мерой предосторожности.

Арес должен был нести Живоглота, поэтому Грегор, его сестры и Темп присоединились к Викусу на его большой серой летучей мыши по имени Еврипид. Соловет заняла свое место на Аяксе позади них.

— Привет, принцесса, — услышал Грегор голосок Босоножки из-за спины. Он повернулся и увидел, что его маленькая сестренка подняла повязку и обращается к Найк.

— Привет, Принцесса, — ответила Найк, поднимая свои черно-белые крылья.

— Мы обе принцессы, — повторила Босоножка свою излюбленную шутку и засмеялась.

Грегор надвинул повязку обратно ей на глаза:

— Не жульничай, эй! — сказал он и повернулся к Найк: — Рад тебя видеть. Ты с нами?

— Я понесу дешифровщиков, — ответила Найк. Рефлекс и Хирония как раз располагались у нее на спине. — Дедал и Мин останутся здесь.

— А разве они не закончили свою работу? — удивился Грегор.

— Что ты, у них еще полно материалов, которые надо расшифровать, — сказала Найк. — А шифр может в любую минуту измениться.

Когда они взлетели, Грегор вдруг сообразил, что не попрощался со столькими своими друзьями. Марет, Далея, Нерисса, Аврора — впрочем, Аврора вряд ли... она же заперта вместе с Люксой в карцере и, наверное, проклиняет его сейчас вместе с ней.

Может, так и лучше.

Потому что прощание с Говардом очень сильно расстроило его. А впереди ведь было еще столько боли — эти несколько часов, которые ему остались... они будут полны боли.

Друзья поймут, подумал он.

Они пролетели сквозь туннель и повернули к Водному пути.

Он весь был в огоньках — это мерцали факелы погребальных лодочек.

К ним присоединились около пятидесяти бойцов, и еще Грегор увидел несколько зубастиков.

— Зубастики тоже будут драться? — спросил Грегор у Викуса.

— Не эти. У этих специальная миссия. Крысы ведь передают секретную информацию через сеть шпионов. А у нас сейчас нарушилась передача информации. Мы можем отследить крыс, которые общаются между собой через код, а потом при помощи зубастиков запустить к крысам дезинформацию о наших планах и действиях, — ответил Викус.

Грегор смотрел, как солдаты и зубастики улетают прочь и исчезают в темноте, получив от Соловет инструкции.

— И какую информацию теперь получают крысы? — осведомился он.

— Что наши потери гораздо больше, чем мы ожидали, что наши силы недостаточны для того, чтобы их преследовать, что ты умер от ран, полученных в бою с Мортосом, — сказал Викус. — Пока крысы не знают, что мы разгадали Код Когтя — они будут думать, что все это правда.

— Вот почему Живоглот так настаивал на том, чтобы мы молчали! — понял Грегор.

— Это наше самое мощное секретное оружие. Только с помощью его мы можем выиграть эту войну, — произнес Викус. — Крысы сейчас уверены в своей безопасности. И мы атакуем их на равнине Тартара, как раз тогда, когда они меньше всего этого ожидают.

— Неожиданная атака, — повторил Грегор.

— Да. Пока они спят и даже не планируют контратак, — кивнул Викус. — Это наша единственная надежда. Регалия не скоро оправится после их нападения. Камнееды роют ходы к нашему стадиону и, возможно, где-то еще. Мы разрушили те, что обнаружили — но кто знает, сколько их осталось? Если Мортос останется жив и крысы снова нападут на нас — не думаю, что у нас будут шансы сохранить город.

К тому моменту когда они остановились на привал у выхода из туннеля, их стало заметно меньше: зубастики-дезинформаторы и их охрана исчезли, бойцы приземлились в нескольких километрах отсюда. Соловет провела на земле всего пять минут, а потом объявила, что улетает.

— Куда? — удивился Грегор.

— Прядущие до сих пор сомневаются, чью сторону следует занять. Они требуют моих личных гарантий их безопасности, когда война закончится, — ответила Соловет. — Я догоню вас и не позже чем через два дня присоединюсь к вам на равнине Тартара. Если битва начнется раньше — не забывай, что левая сторона — твое слабое место, Грегор.

И она улетела на Аяксе вместе со стражами Грегора, Горацио и Маркусом, летевшими по обе стороны от нее. Словно ничего особенного не происходило — и она летела на увеселительную прогулку.

Жизнь в лагере тем временем текла своим чередом. Живоглот и Викус, голова к голове, склонились над картой, Лиззи, Дедал и Хирония занимались расшифровкой сообщений, которые то и дело приносили летучие мыши. Найк, Арес и двое бойцов вместе со своими летучими мышами патрулировали территорию, а Босоножка, Темп и Газард играли в тараканов.

Грегор остался один на один со своими мыслями и сомнениями. Он ушел вглубь туннеля и там упражнялся с мечом и кинжалом. Спина еще не восстановилась, но если говорить начистоту — он и не думал, что ему это будет важно в бою, скорее просто хотел размять мышцы. Устав от упражнений, он попрактиковался в эхолокации, бегая в темноте по туннелю и определяя с помощью щелчков местонахождение стен и потолка. Было так здорово не волноваться о том, что батареи могут сесть и он останется без света!

Примерно через полчаса он почувствовал, что ему надоело. Тогда Грегор решил попросить Живоглота поработать с ним в паре — может, крыс найдет возможность оторваться от карты.

Но когда Грегор вышел из туннеля, он увидел, что снаружи все замерло. И все замерли — никто не занимался тем, чем ему следовало заниматься.

— Что случилось? — с тревогой спросил Грегор.

— Мы только что получили сообщение. Крысы узнали, что Соловет направилась к паукам. Они собираются перехватить и убить ее, — негромко сказал Живоглот.

— Но как они узнали?! — воскликнул Грегор. — Они нас подслушали?

— Нет. Один из прядущих, похоже, слил информацию. Может, кто-то из бойцов — а может, и сама королева. Их понятия о верности очень условны, — произнес Викус.

Он выглядел спокойным, только лицо приобрело нездоровый сероватый оттенок.

— Так давайте отправимся вслед за ней. Давайте мы с Аресом полетим! Мы сможем отбить ее. И можно еще взять с собой пяток бойцов, тогда мы точно... — начал Грегор.

— Нет, парень. Этого делать нельзя, — прервал его Живоглот.

— Но... но тогда у нее совсем нет шансов... вы что же — позвольте ей так просто погибнуть?! — не понял Грегор.

— Да. Позволим. Мы должны, — ответил Викус, словно пытаясь убедить самого себя.

— Так, ладно, я не понимаю, что тут происходит. То есть я хочу сказать... да, мне не нравится Соловет, но я не собираюсь просто сидеть и ждать, пока ее убьют! — закричал Грегор.

— Но ты должен, Грегор! — вмешалась вдруг Лиззи. — Как ты не понимаешь?! Если мы отправимся спасать ее — крысы поймут, что мы взломали код.

— Что?! — не понял Грегор.

— Единственный способ, которым мы могли получить эту информацию, — взломав код. Если они это обнаружат — неожиданной атаки не получится, они тут же сменят дислокацию. И все наши усилия по вбросу дезинформации пойдут прахом. А еще — они немедленно создадут другой код, и у нас уйдет время на то, чтобы его расшифровать, время, которого нет, — объяснил Живоглот.

— Но ведь вы же узнали про атаку с реки — и воспользовались этим, — возразил Грегор.

— Это легко объяснить: они были уже близко, наши разведчики вполне могли заметить их и подать нам сигнал... Сейчас совсем другой случай, — покачал головой Живоглот.

— Соловет сама не захотела бы, чтобы мы ее спасали, — хрипло произнес Викус. — Не такой ценой.

— Но... может быть, мы... если сделать вид, что мы решили полететь за ней — просто так! — не сдавался Грегор. — Тогда они ничего не заподозрят.

— Не заподозрят? Ты уверен? Если бы она собиралась лететь туда с кем-то из нас — все полетели бы сразу, Грегор. Крысы легко обо всем догадаются, — ответил Живоглот.

Грегор не был это готов принять.

— Нет! Должно быть какое-то решение! Должно быть что-то, что мы можем сделать!

— Сейчас мы можем делать только одно, парень, — сказал Живоглот. — Мы можем сидеть и ждать.

ГЛАВА 22

Грегор сидел и ждал, а секунды убегали прочь.

Это было не то тревожное тиканье, которое он слышал внутри себя с самого начала войны, эти секунды казались бесконечными.

Команда дешифровщиков снова занялась донесениями. Они не могли позволить себе бездействовать.

Босоножка, которая не вполне понимала, что происходит, уснула на куче одеял. Темп и Газард о чем-то шепотом переговаривались.

А для Грегора, Викаса и Живоглота время как будто остановилось, и они вязли в нем, словно в болоте, задыхаясь в ожидании известий.

«Может, они ее упустят, — думал с надеждой Грегор. — Или начнется бой, и Соловет, Маркус и Горацио смогут отбиться». Почему нет? Они отличные бойцы.

Но всякий раз, взглянув на Викаса, на его поникшие плечи и полное отчаяния лицо, — Грегор понимал, что надежды мало. А точнее — ее просто нет.

Он жалел о своих словах — что ему не нравится Соловет. Да, она ему не нравилась. И разве она могла ему нравиться после того, как она участвовала в этом заговоре с чумой? После того как заперла его в карцере? После того как Живоглот высказал свои сомнения в том, что она выпустит семью Грегора из Подземья? Может, ее смерть облегчит Живоглоту задачу — доставить всех его близких домой, в Наземье. Хотя, разумеется, если война окончится и Люкса взойдет на трон, — она-то уж точно отправит их домой, и плевать, что там скажет ее бабушка. В этом Грегор был уверен. Или... Или нет?

Одним словом — хорошо, что Живоглот дал ему слово яростника. Это-то была стопроцентная гарантия.

Соловет. Нет, он не мог притворяться, что она ему нравится. Хотя в прошлом было немало моментов, когда она относилась к нему тепло и делала для него что-то хорошее. Например, когда он первый раз оказался в Регалии — она, единственная из всех, подошла и обняла его, отчего ему сразу стало легче на душе. Она настаивала на том, чтобы он учился сражаться, и теперь он понимал, что если бы не это — он бы уже давно был мертв. И она отдала ему свой кинжал.

Грегор провел пальцами по рукояти кинжала, думая — как же она сейчас сражается без него? Все-таки он должен был полететь за ней —

несмотря на его сложные чувства.

Тогда кто-нибудь сообщил бы об этом Люксе — и она стала бы ненавидеть его чуть меньше.

Наконец Хирония тихо сказала:

— Мы получили известие... Все трое людей, а также их летящие, попали в засаду и убиты.

Живоглот потянулся лапой к шраму на морде, погладил его:

— Ну, у меня от нее останется на память вот это.

Значит, это Соловет нанесла ему эту рану. Когда? Во время войны между людьми и крысами? Во время дружеского побоища, которое они устроили ради забавы?

Грегор невольно подумал, что Соловет оставила шрам не только на морде Живоглота... Она оставила шрамы на мордах и телах многих крыс... а еще — в душах членов своей семьи и многих людей, мечтающих жить в мире.

Живоглот повернулся к Викусу:

— Что ж, она всегда говорила, что именно так хочет умереть.

— Сражаясь... — Губы Викуса произнесли это слово, но звука не было.

— Да, сражаясь. Не на больничной койке, а с мечом в руках, — сказал Живоглот.

Грегор пытался придумать слова утешения для Викуса, но он не был мастером по этой части. Говард был, Люкса была, а вот ему на ум приходили только жалкие и пустые слова. Было особенно трудно подобрать их потому, что Грегор знал: Викас любил Соловет. Они прожили вместе лет сорок, не всегда понимали друг друга, и даже часто ссорились. Они решали проблемы кардинально разными способами: Соловет всегда призывала к сражению, а Викас, напротив, всеми силами старался сражений избежать. Соловет верила в силу, Викас — в дар убеждения. Узнав об участии жены в заговоре, связанном с вирусом чумы, Викас был совершенно раздавлен. Но он продолжал любить ее, несмотря на все разногласия, несмотря на этот ужасный ее поступок.

Газард подошел и опустился на колени рядом с Викасом. Он взял своего деда за руку. Викас пожал ему руку в ответ — но не произнес ни слова.

— Я сожалею о твоей бабушке, Газард, — сказал Грегор. Это у него получилось сказать. — Ты в порядке?

— Да. Правда. Я, если честно, не знаю, что чувствую. Соловет редко говорила со мной, я даже не думаю, что она помнила о моем

существовании. Может, потому, что они с моим папой ненавидели друг друга так сильно, — ответил малыш со своей обычной откровенностью и простотой.

В этих словах не было ничего особенного, но на Викуса они произвели эффект разорвавшейся бомбы.

Соловет и Хэмнет. Семейная трагедия, в которой было все: ненависть матери и сына, гибель ни в чем не повинных крысиных детей в саду Гесперид, отчаянное бегство Хэмента из Регалии, гнев и злоба, которыми оба пылали в момент встречи в джунглях... Смерть Хэмнета — а ведь его уже один раз похоронили...

Викус издал какой-то странный звук. Рука его взметнулась к лицу, а потом безвольно повисла вдоль тела. И Викус повалился набок.

— Викус! Викус! Ты в порядке? — с тревогой спросил Живоглот.

Викус пытался ответить, но изо рта вырывались только какие-то шипящие и хрипящие звуки.

— Врача! — закричал Живоглот. — Срочно врача!

Живоглот продолжал говорить с Викусом, носом уткнувшись ему в лицо, стараясь успокоить старика. Меньше чем через минуту прилетел врач, бросил на Викуса всего один взгляд, влил в него какое-то лекарство и велел немедленно погрузить на летучую мышь.

Газард дернул врача за рукав.

— Что с моим дедушкой?

— У него инсульт. Его надо как можно скорее доставить в Регалию, — ответил врач.

— Он поправится? — спросил Грегор.

Его голос прозвучал почти так же по-детски, как и голос Газарда. Половина лица Викуса застыла, словно маска, и Грегор понял, она парализована. Видеть его в таком состоянии было страшно и мучительно. Грегор не хотел, чтобы Викус их покинул. Он не хотел терять единственного подземного, который всегда понимал его и считался с ним.

— Мы сделаем все, что в наших силах, — пообещал врач, и летучая мышь с Викусом на спине улетела.

— Инсульт, — произнес Живоглот. — Я бы очень удивился, если бы этого не произошло: последний год был для него убийственным.

— Это из-за того, что я сказал, да? Про моего папу? — расстроено спросил Газард.

— Нет конечно! Это случилось бы и без всяких слов. А теперь иди-ка и... не знаю... посмотри, не можешь ли ты помочь с шифрами, что ли, — сказал Живоглот.

— Люди могут оправиться после инфаркта, Живоглот, правда? — Грегор ждал подтверждения своим словам.

— Ну, кто-то да. Со временем, — ответил Живоглот.

Он явно не хотел продолжать эту тему.

Без Викуса и Соловет пещера казалась пустой.

— И что теперь? — спросил Грегор.

— Теперь... теперь мне нужен человек, который мог бы взять командование на себя. Марет должен быть в Регалии... — размышлял Живоглот. Он послал за Перитой и, когда она появилась, коротко ввел ее в курс дела: — Соловет погибла. Викус парализован. Теперь ты принимаешь на себя командование армией.

Перита выглядела растерянной и даже попыталась возражать:

— Здесь многие старше и опытнее меня!

— А я не хочу иметь с ними дело. Я хочу, чтобы это была ты, — отрезал Живоглот. — Мне нужен человек, которому я могу полностью доверять.

Живоглот с Перитой принялись за выработку плана битвы, оставив Грегора наедине с его мыслями о только что разыгравшейся на его глазах двойной трагедии — сначала Соловет, потом Викус... Хотя Викус еще может поправиться... А если нет...

Грегор снова подумал о Люксе. Он вытащил из кармана то фото и постарался сосредоточиться на воспоминаниях о счастливых временах, но из этого не вышло ничего хорошего: перед ним то и дело всплывало ее лицо в тот момент, когда он советовал посадить ее в карцер. Смириться с тем, что именно так все между ними кончится, было невозможно. Поэтому Грегор взял одну из лент с донесениями и попросил у Лиззи маркер. Сама она писала пером и чернилами.

— Маркеры высохли, — сказала сестра. Но все же вынула красный маркер из своего рюкзака. — Может быть, несколько букв ты и сможешь написать — если послунишь кончик.

Грегор плюнул на кончик фломастера, закрыл колпачок и выждал минутку. Он не собирался писать длинное письмо. Сначала он хотел написать его, применяя Код Когтя, но потом подумал, что если вдруг крысы перехватят письмо — они поймут, что код разгадан, а этого допустить нельзя. В итоге он решил обойтись значками с Древа Сообщений — все-таки это давало ему хоть какую-то иллюзию приватности.

Через пару минут он открыл колпачок фломастера и попробовал его в деле — писал он бледно, но все-таки писал.

И Грегор накарябал:

Люкса

/\|//\//\|||.|\//|.|\//|\.
|//||\.///\|.||/|\./||//.
|\//||\.\.

«А теперь соберись с силами — и напиши это, — сказал он самому себе. — Ты все равно уже будешь мертв, когда она прочтет эти слова. И потом — это ведь правда».

./|\//|//||\.\.|||||//|//.

Грегор

Последние слова было трудно разобрать — фломастер совсем перестал писать. Тогда Грегор порезал указательный палец о лезвие меча и обвел почти неразличимые буквы тоненькой линией собственной крови. Вот так.

Это даже не было письмо в буквальном смысле этого слова — он написал всего-то тринадцать слов.

Но даже если бы у него была целая коробка новеньких фломастеров — разве он добавил бы что-нибудь еще? Ну, если только постарался бы получше объяснить, почему одному из них обязательно нужно остаться в живых.

Потому что вообще-то они оба должны были жить. Но если одному суждено умереть — другой должен остаться хотя бы для того, чтобы сохранить память об ушедшем. И поскольку умереть выпало ему — значит, ей нужно жить дальше.

И он должен знать, что она выживет и вырастет, повзрослеет, станет заниматься всякими интересными делами и в конце концов обретет счастье — тогда ему хватит и сил и храбрости в его последние минуты в схватке с Мортосом.

Люкса — девочка сообразительная, она поймет, что он имел в виду. По крайней мере Грегор на это очень рассчитывал. Он свернул свое письмо и отдал его Лиззи — чтобы та передала Люксе, когда будет в Регалии.

— А почему бы тебе самому не отдать? — удивилась Лиззи.

— Потому что... просто она очень зла на меня сейчас, — нашелся Грегор. — Если она будет думать, что это письмо от тебя — она его точно прочтет. Ну и потом — скорее всего ты вернешься в Регалию раньше меня.

Лиззи кивнула и убрала письмо в свой рюкзак.

А Грегор подумал, что, вероятно, она тоже возненавидит его, когда узнает, что он обманывал ее с «Пророчеством Времени».

Он сказал всем, что еще потренируется, и ушел вглубь туннеля. А там просто лег на каменный пол. Махать мечом ему не хотелось, он выключил

фонарик и начал щелкать языком. Его способности к эхолокации развивались на глазах. Он теперь мог «видеть» очень много: неровный потолок туннеля, каждую трещинку в полу, мельчайшую деталь на поверхности стен. Он экспериментировал с различными звуками: кашель, мычание, свист. В какой-то момент Грегор обнаружил, что даже его собственное тихое дыхание помогает ему видеть четкую картинку.

Открытие успокоило его — ведь это означало, что пока он будет жив — он сможет видеть.

Сердце у него стучало все медленнее, и наконец он задремал, вернее — оказался между сном и явью.

Внезапно липкий страх проник в его сознание. Словно он лежал на полу совершенно беспомощный, а возле него появилась крыса, потом еще одна, и они окружили его со всех сторон.

Грегор потряс головой, отгоняя ужасное видение — но вдруг понял, что он не спит, и крысы действительно его окружили.

Не делая попыток подняться, Грегор вытянул меч из ножен и рассек воздух возле себя. Крысы отступили, давая ему возможность вскочить на ноги. К этому моменту в руке у Грегора уже был кинжал и он уже был готов убивать, но вдруг раздался голос — прямо у него в мозгу:

— Подожди, Наземный!

Грегор заколебался. Он знал этот голос. Голос был выше, чем у Живоглота, — женский. Но это не был серебристый завораживающий голос Умняшки, так легко подчинивший его себе. Вертихвостка? Нет, это не она, ведь Вертихвостка мертва. Этот голос принадлежал другому существу, которое не участвовало в их путешествии по Водному пути и не бегало с ними по извилистым туннелям Лабиринта. Этот голос пришел из воспоминаний о центре джунглей, о поте, о запахах сладких, смертельно опасных бутонов...

Грегор щелкнул и постарался сосредоточиться на владелице голоса.

— Коготок?

— Да, это я. Пожалуйста, убери свой меч. Мы здесь не для того, чтобы драться с тобой, — ответила Коготок.

Грегор снова щелкнул. Небольшая группа крыс стояла чуть поодаль, никто из них не собирался на него нападать. Он медленно опустил меч в ножны.

Да, Коготок была крысой — но он не думал, что она станет его обманывать. Не станет — после всего того, через что им пришлось пройти сообща. И потом — если бы эти крысы жаждали его крови, они бы не дали ему встать на ноги.

— Что вы тут делаете?

— Мы пришли, чтобы присоединиться к Живоглуту против Мортоса, — ответила Коготок. — Мы хотим поступить под его командование.

— Правда? И сколько вас?

Эхолокация — это, конечно, здорово, но сейчас ему нужно было видеть по-настоящему!

Он включил фонарик, заставив крыс с тихим писком зажмуриться от яркого света.

— Простите, — и направил луч фонарика на пол.

— Здесь, в туннеле, нас немного. Но еще несколько сотен ждут в пещере неподалеку, — сказала Коготок.

— Сотен?! — Грегор не мог в это поверить: он знал, что в Мертвых землях есть небольшая стая крыс, верных Живоглуту, но откуда взялись эти сотни?!

— А ты думал, все крысы хотят подчиняться Мортосу? — спросила Коготок. — Что мы все покорно сдадимся на его милость?

— Ну, что-то вроде того, — признался Грегор. — То есть кроме Живоглута. Мы ведь не видели никакого сопротивления с вашей стороны.

— Вы ошибались, — заключила Коготок. — Многие, очень многие из нас не хотят подчиняться этому кровожадному, жестокому монстру и тем, кто за ним стоит.

— Приятно слышать, — сказал Грегор.

Он заметил, что с обеих сторон к Коготок жмутся двое крыс поменьше. Их нельзя было назвать щенками, но и взрослыми они еще не были.

— А это?.. — Он не стал называть имена, боясь ошибиться. — Кто они?

— Мушка и Шурушка. Мои детки, — ответила Коготок.

Это из-за них, из-за своих детей она отправилась в джунгли — чтобы спасти их от неизлечимой чумы, найти противоядие. Ее дети. И дети Пролазы — который никогда больше их не увидит (ведь его съел плотоядный персик в джунглях).

Значит, их дети выжили!

Грегор внимательно разглядывал крыс, а те смотрели на него, испуганно, но с любопытством.

— Вы... вы похожи на вашего отца, — сказа Грегор и сам поразился тому неподдельному чувству, которое прозвучало в его голосе. Какое облегчение! Как же он был рад, что они живы!

— А как твоя мама? — спросила Коготок.

Уже целая вечность, кажется, прошла с тех пор как его в последний раз спрашивали об этом. Люди избегали этой темы в разговорах с ним, видимо, боясь расстроить.

Но Коготок правильно сделала, что спросила.

— Она в порядке, я думаю. Ну то есть — она была очень больна сначала чумой, потом ей стало лучше и она пошла на поправку, а когда я видел ее в последний раз, у нее началась пневмония, и ее увезли на Источник. И это, наверное, хорошо, ведь больница в Регалии переполнена, но плохо, что с тех пор я не получал от нее никаких известий. Живоглот обещает доставить ее домой во что бы то ни стало. После войны. Если я не смогу. Живоглот дал мне слово.

Грегор вдруг понял, что тараторит без остановки — и заставил себя замолчать:

— Спасибо, что спросила, Коготок.

Ему неожиданно захотелось обнять ее или дотронуться до нее — чтобы снова ощутить ее мягкую шерстку. Но он знал, что это будет выглядеть странно — если не оскорбительно! — для остальных крыс. Поэтому он просто кивнул в сторону выхода из туннеля:

— Пойдемте. Живоглот там.

Коготок последовала за ним, остальные крысы остались в туннеле. И это было правильно — Грегор опасался, что появление даже одной крысы может вызвать у Лиззи панику. Но рядом с Живоглотом она, видимо, чувствовала себя в безопасности, а тот очень обрадовался, увидев Коготок.

— Отлично. Ты сделала это. Сколько нас? — спросил он сразу.

— Как минимум семь сотен. А может, около тысячи, — ответила Коготок.

Живоглот вздернул брови, впечатленный цифрой:

— Так много? Ты просто лап не покладала.

— Где ты хочешь, чтобы мы появились?

Живоглот тут же тихо сообщил ей время, место и порядок действий. Она кивнула, повернулась к Грегору и сказала:

— Спасибо тебе за то, что ты сделал там, в джунглях.

Грегор спас ей жизнь. Ну а Коготок спасла Босоножку.

— И тебе спасибо.

Коготок ткнулась носом ему в руку и исчезла в туннеле.

«Еще одно прощание», — подумал Грегор. Еще один последний раз. А через пару дней ему предстоит самое трудное — прощание с собственной жизнью.

Живоглот отправил всех спать.

Как ни странно, Грегор спал крепко и без сновидений. Проснулся он от того, что Живоглот тыкал его носом в плечо. Грегор потер глаза и огляделся — все вокруг еще спали.

— Отойдем, — коротко сказал Живоглот, и Грегор пошел за ним в дальний угол пещеры.

— Сегодня, — произнес Живоглот.

«Сегодня я умру», — подумал Грегор, но вслух сказал только:

— Так быстро?

— Да. Медлить нельзя. Но есть кое-что, что я должен тебе сказать наедине, — промолвил Живоглот. — Это касается одной строчки «Пророчества Времени». Гибели Воина.

«Ну вот и все», — подумал Грегор. Он приготовился к еще одному прощанию, но Живоглот сказал совсем не то, чего ожидал Грегор.

— Дело в том, что... — начал Живоглот. Он оглянулся по сторонам, чтобы удостовериться, что никто их не может услышать — что все спят. — Дело в том, парень, что я не верю в пророчества Сандвича.

ГЛАВА 23

Грегор был поражен.

— То есть как?! Ведь ты же... ты всегда выполняешь то, что в них написано!

— Вовсе нет. Сам подумай: если бы я верил в них — стал бы я гоняться за Мортосом по туннелям, чтобы убить его собственными руками? Ведь тогда это было бы лишено всякого смысла. Я просто притворялся, делал вид, даже пытался сам себя в этом убедить и смог на некоторое время — правда, очень короткое! — поверить, ведь все вокруг так безоговорочно. Подгонял свои действия — ведь если хочешь заставить кого-то что-то сделать, что может быть лучше, чем сослаться на пророчество, не так ли? Понимаешь?

— Не совсем, — растерялся Грегор.

О чем он вообще говорит?!

— Существует множество пророчеств, которые предсказывают все что угодно. Если как следует подождать — значительная часть событий, о которых в них говорится, с большой вероятностью произойдут. Как с этой чумой: у нас внизу было столько всяких эпидемий! И по необходимости — любую из них можно было привязать к пророчеству, — заявил Живоглот.

— Но... ты всегда пытался разгадать их и объяснить... — недоумевал Грегор.

— Мне приходилось. Если бы я не выступил с более-менее адекватным толкованием первым — тут же вылез бы какой-нибудь безумец со своим вариантом, — объяснил Живоглот. — И тогда всем, у кого есть мозги, пришлось бы расхлебывать то, что он наворотил.

— А как насчет джунглей? Ну, когда муравьи уничтожили звездолист и мы все упали духом, — не сдавался Грегор.

— Я и правда думал, что Нивива права относительно звездолиста — что это единственное средство от чумы. И когда это произошло — вы все собирались сложить руки и идти готовить себе гробы. Единственным, что могло вернуть вас к жизни, была новая трактовка пророчества. Я и ухватился за это. Иначе вы бы просто сидели бы там и вздыхали, пока чума не скосила бы всех теплокровных, — отрезал Живоглот.

Грегор нахмурился:

— А все эти штучки с Воином? С моим прыжком?

— Возможно, ты прыгнул лишь потому, что внушил себе, что должен

это сделать, — ответил Живоглот. — Может, детская песенка про мышей — всего-навсего детская песенка про мышей, ничего больше. Может, Сандвич — просто сумасшедший, на всю голову чокнутый парень, который заперся в комнате и исписал каменные стены бессмысленными стихами. И может быть... может быть, ты как раз не должен умереть.

Не должен? Грегора словно током ударило. Разве это возможно?!

Нет, это всем известно — ему суждено умереть. И он должен убедить в том Живоглота.

Грегор пытался придумать хоть один аргумент, вспомнить хоть что-то убедительное, бесспорное — то, что нельзя толковать двояко.

— Но... а как же Нерисса? Когда она была маленькая, она предсказала Хэмнету, что он будет в джунглях с маленьким мальчиком и большой ящерицей! И это сбылось!

— Я согласен, это трудно объяснить. Хотя возможно такое, что раз Хэмнет был убежден, что у него появится ящерица, она у него появилась, и именно потому он встретил наземную женщину и связал с ней свою жизнь, что верил в неизбежность этой встречи. Или — такое тоже нельзя отрицать! — все это может быть странным совпадением. Чего только в жизни не бывает! К тому же Нерисса — не Сандвич, а мы говорим сейчас о Сандвиче, — возразил Живоглот. — Взять хотя бы «Пророчество Времени». Как легко мы поменяли Босоножку на Лиззи! И вообще — о чем оно, это пророчество? Что оно предсказывает? Войну? Да у нас тут сплошь одни войны! Появление Кода? Каждая новая война рождает новый код. Гибель Воина? Ну вообще-то раз мы с такой легкостью меняем принцесс одну на другую — почему, собственно, с Воином не может случиться то же самое? Эта мясорубка унесет сотни и тысячи жизней, и я совсем не уверен, что речь идет именно о тебе. Скажу как яростник яростнику: я думаю, что ты в состоянии одолеть Мортоса. Потому что — ты сильнее. И никакие идиотские предсказания Сандвича не могут этого изменить — пока ты сам не сдашься. Так что — просто дерись, Грегор Наземный. И не дай себя убить лишь потому, что какой-то глупец утверждал, что это предопределено!

Голова у Грегора пошла кругом от такого неожиданного поворота. Он как-то и не задумывался, что пророчества Сандвича они исполняли сами именно потому, что верили в них. Принимали решения, основываясь на них.

Грегор издал неуверенный смешок:

— А я думал, ты хочешь со мной попрощаться.

— Вот еще! — фыркнул Живоглот. — Но знаешь — не

распространяйся об этом. Если все узнают мой маленький секрет — я тут же лишусь даже того небольшого кредита доверия, который имею. А теперь пошли, надо разбудить остальных. Сегодня день будет долгим.

Грегор подошел и подул в клубничину на животе у Босоножки, отчего она с хихиканьем проснулась.

— Не надо! Я еще хочу поспать! — закричала сестренка и притворилась, что уснула, — и так три раза, чтобы он еще и еще будил ее.

А когда Грегор нес ее завтракать, она прижалась к его груди и нежно сказала:

— Ты снова похож на себя.

— Я похож на себя? — переспросил Грегор.

Сначала он не понял, а потом догадался, что она имеет в виду: в последнее время он совсем ее не тискал, не играл с ней и даже почти не улыбался. Но слова Живоглота словно освободили его от тяжести, которая навалилась на него, когда он прочел «Пророчество Времени».

Надежда. Надежда, что он может остаться в живых, что Сандвич ошибся — вот что подарил ему Живоглот. Грегору стало интересно, насколько честен был Живоглот, когда сказал, что он, Грегор, дерется лучше Мортоса. Сам он склонялся к мысли, что Живоглот не соврал. Он не верил в пророчества: это подтверждало не только то, что он пытался сам убить Мортоса, но и то, с какой легкостью он согласился подменить Босоножку Лиззи, а еще то, с каким скепсисом он относился к способностям Нериссы провидеть будущее. Наверно, он не хотел, чтобы Нерисса со временем создала свою собственную комнату пророчеств и с ее помощью управляла людьми. Но при этом умело манипулировал при помощи пророчеств, в которые не верил. Даже использовал версию о смерти Воина для того, чтобы Лиззи осталась в Подземье.

Впрочем, Живоглот никогда ни перед чем не останавливался для достижения своих целей.

И тут Грегор понял кое-что еще. Он понял, что тоже не верит в пророчества. И не только потому, что там предсказана его смерть. Но и потому, что он презирал Сандвича, — с тех пор как узнал историю с камнеедцами, на землях которых стояла Регалия, Грегору хотелось как можно дальше дистанцироваться от этого человека. Он не доверял ему. И не хотел ему подчиняться. А Живоглот указал ему возможный путь.

«Есть только я и Мортос. И я сражаюсь с ним, потому что он убил всех этих ни в чем не повинных зубастиков и людей, а я должен его остановить. Не потому, что так говорит Сандвич, — а потому, что так говорю я. Живоглот прав. Я сильнее Мортоса. И я могу это сделать», — думал

Грегор.

Эти мысли помогли ему подготовиться к моменту, которого он боялся больше всего: к прощанию с сестрами. Грегор проверил содержимое розового рюкзака, наполнил бутылки свежей водой, зарядил в фонарик новые батарейки — и все это отдал сестрам.

— Тебе разве не понадобится фонарик? — удивилась Лиззи.

— Нет. Я владею эхолокацией, — прошептал Грегор ей в самое ухо, и ее глаза расширились от восторга:

— Здорово! Научишь меня?

— Так и быть, — кивнул Грегор. — И вот еще что. — Он протянул ей походные шахматы. — Я взял их в музей — они твои.

— Мои? Навсегда? — спросила Лиззи. — У Джедайды есть шахматы, но они не магнитные.

— Ага. Эти лучше — Джедайда обзавидуется, — сказал Грегор.

Босоножка тут же сунула в рюкзак свой любопытный носик:

— А мне? Мне подарок?

— Тебе? — Грегор на секунду задумался, а потом вспомнил об остатках печенья миссис Кормази, которые все еще лежали в кармане рюкзака. Он достал пакет: — А тебе печенье.

— Ой! — обрадовалась Босоножка. — Это все мне?

— Да. Но все-таки парочкой поделись с Живоглотом, — посоветовал Грегор.

Босоножка поделилась не только с крысом — она поделилась со всеми, даже Грегору сунула в карман печенье — чтобы они с Аресом могли им полакомиться, когда устанут воевать.

И вот пришло время прощаться. Грегор обнял сестер и прижал к себе.

— Вы обещаете вести себя хорошо?

— Да, — кивнула Лиззи.

— Я хоррошая, — сказала Босоножка.

— Я знаю. Я люблю вас. Скоро увидимся, — произнес Грегор.

— Скоро увидимся, — эхом откликнулись они.

Живоглот проинструктировал Ареса, какую позицию следует занять на равнине Тартара.

— Помни, Грегор: они думают, что тебя нет в живых. Поэтому нельзя, чтобы они увидели тебя раньше времени, — до того, как появится Мортос, — наставлял Живоглот.

— Понял, — ответил Грегор.

— Хорошо. Высокого вам полета, обоим! — пожелал Живоглот.

— Беги как река, Живоглот, — ответил Грегор.

И Арес взлетел. Они летели в темноте, которая перестала быть для Грегора темной. Так как щелканье или кашель теперь «ослепляли» Грегора, давая слишком яркую картинку, он предпочитал использовать дыхание — изображение получалось менее отчетливым, но зато оно было постоянным, ведь вдохи и выдохи Грегор делал все время, а задерживая воздух или начиная дышать чаще, Грегор мог регулировать четкость и яркость картинки.

Примерно через час они были на месте. Арес опустился на пол в небольшом туннеле, прямо у стены, которая состояла из множества крупных камней. Между этими камнями Грегор увидел пустоты. Он осторожно спешил и полез на стену. А когда голова показалась над стеной — его глазам открылась захватывающая картина: перед ними раскинулась огромная пещера, дальнего края которой даже не было видно. Стены ее тянулись бесконечно и обрывались где-то очень далеко впереди, резко уходя вниз. Далеко внизу, под Грегором, клубилось немыслимое количество крыс — Грегор даже не делал попытки их сосчитать. Но их точно было не меньше тысячи. Они спали, дрались между собой, зализывали раны. Обычно Грегору приходилось прятаться и соблюдать повышенную осторожность, чтобы крысы не учуяли его запах. Но сейчас он мог этого не опасаться: воздух был до краев наполнен запахом тухлых яиц, который Грегор прекрасно помнил со времен первого путешествия, когда Живоглот вел их через отвратительные пещеры, по стенам которых текла вонючая, пахнувшая сероводородом жидкость, чтобы забить их натуральный запах. На этот раз мерзкий сильный запах, видимо, исходил из туманного облака, которое висело над рекой, что протекала вдалеке. Даже на таком большом расстоянии Грегор мог с уверенностью определить, что в этой реке не было ни следа жизни.

— Это и есть равнина Тартара? — шепотом спросил он Ареса.

— Да. Ты что, можешь видеть? — шепнул в ответ Арес.

— Ага. Живоглоту наконец удалось научить меня эхолокации, представляешь? И я должен признать — это классно. Ты видишь Мортоса? Чувствуешь его?

— Нет. Но он должен быть поблизости. Ведь все эти крысы здесь из-за него, — ответил Арес.

Грегор спустился к подножью стены, и они стали ждать. Вспомнив о трогательном прощании с сестрами, Грегор протянул Аресу печенье, сам съел другое.

Если ему суждено умереть в ближайшее время — пусть последнее, что он почувствует в жизни, будет вкус печенья миссис Кормацы.

Правда, теперь он не собирался умирать. После того, что сказал, ему Живоглот.

Грегор подумал, что вообще-то он — всего половина команды и что для Ареса тоже может быть важно узнать, что думает Живоглот.

— Слушай, Арес, ты умеешь хранить секреты? — спросил он своего побратима.

— Я бы сказал, что это одно из моих немногих достоинств, — грустно ответил Арес.

— Знаешь... Живоглот, оказывается, не верит в пророчества. Он считает Сандвича всего-навсего чокнутым придурком и говорит, что мы сами программируем себя под влиянием его пророчеств, потому что верим в них, — произнес Грегор.

Арес помолчал секунду, потом ответил:

— Я бы соврал, если бы сказал, что подобные мысли никогда не посещали мою голову.

— А почему ты никогда не говорил об этом? — спросил Грегор.

Интересно, есть ли такие подземные, которые никогда ни в чем не сомневались?

— Потому что все остальные относятся к его словам с пиететом. Но если разобраться... кто он был? Его нельзя назвать хорошим или мудрым человеком. Слова его вечно полны неясностей и только заставляют нас убивать друг друга, — сказал Арес.

— Когда я был здесь в первый раз — я сначала не верил во все эти штучки. Потом, когда много всего произошло, это стало казаться мне истиной. Но что если мы просто исполняли волю Сандвича — поэтому все и сбывалось? Если взять «Смутное пророчество» — все, что касается меня и Генри, моей и его смерти. Ведь мог умереть я — и все равно получалось бы, что пророчество исполнилось. Поэтому единственное правильное и настоящее, что случилось в тот день — это то, что ты спас мне жизнь, — произнес Грегор.

— Я тогда не думал о словах Сандвича. Я думал о том, что должен сделать, — промолвил Арес. — А знаешь, если пророчество не исполняется в том виде, как ожидается, — мы обычно говорим, что еще не пришло его время. Или что мы не приложили достаточных усилий для его исполнения. И считаем себя виноватыми в том, что не исполнили его.

— Мне вообще кажется, что именно это — чувство вины и стремление как можно точнее исполнить слова Сандвича вместо того чтобы самим думать и делать то, что считаем нужным, — и есть их основная цель, — кивнул Грегор. — Пророчества оправдывают бесконечные убийства и

призывают к ним.

— Да, и это порядком надоело. Нужны какие-то другие слова — которым хотелось бы следовать, — согласился Арес.

— И они есть. Мы с тобой можем подобрать такие слова, — предложил Грегор.

Арес внезапно вскинул подбородок, насторожил уши.

— Что? Что там? — забеспокоился Грегор.

— Началось, — коротко ответил Арес.

Они вскочили и поднялись к верхушке скалы, под которой сидели.

Поначалу Грегор не увидел ничего нового — армия крыс продолжала заниматься своими делами. Но тут Грегор почувствовал быстрое движение воздуха — и картина перед его глазами изменилась.

Это была великолепно организованная атака — ничего подобного Грегор в жизни не видел. Дуновение воздуха, которое он ощутил, исходило от слаженных движений сотен крыльев — это люди на летучих мышах вылетели из темноты и атаковали крыс. Летучие мыши в когтях несли большие рюкзаки или пакеты и, когда вплотную приблизились к крысам, побросали свой груз на землю. Соприкасаясь с землей, пакеты превращались в огненные шары. И этих шаров, по-видимому, было великое множество, потому что на равнине от них стало светло, как днем в Наземье.

Выставленные крысами кордоны не сработали — Живоглот, видимо, послал вперед отряды разведчиков и те перебили охрану. Грегор вроде слышал отдельные тревожные крики, но их было явно недостаточно для того, чтобы растормозить неповоротливую армию Мортоса. Большинство крыс еще спали, когда начали рваться огненные шары, а следом люди и летучие мыши ринулись в бой.

Одновременно с этим с других сторон тоже шла атака: тараканы и мыши бросились в битву с правого и левого флангов. Пауки — которые наконец-то приняли сторону людей — посыпались с потолка. А вслед из туннеля в тылу крысиной армии выскочили крысы, которых привела Коготок, отрезая врагу пути к отступлению. Их хвосты были намазаны какой-то светящейся в темноте субстанцией — по этому признаку союзники могли их вычислить и отличить от врагов.

Армия Мортоса, едва проснувшись и оказавшись в самой гуще битвы, растерялась и впала в панику. Многие сразу получили смертельные ранения. Люди и летучие мыши явно обладали преимуществом, но их более мелкие союзники тоже вносили ощутимый вклад: зубастики и тараканы кидались на раненых крыс и приканчивали их. Пауки внезапно прыгали с потолка и вонзали в крыс свои ядовитые жвалы, а потом

мгновенно уносились вверх на прочных шелковых нитях, еще до того как жертва соображала, что с ней произошло.

Но крысы Мортоса были истинными бойцами, они быстро пришли в себя — и бросились в бой. Грегор и Арес молча наблюдали за этим со своего места наверху скалы. Огненные шары освещали равнину таким ровным и ярким светом, что Грегору не нужно было пользоваться эхолокацией — он и так прекрасно видел все, что разыгрывалось перед его глазами. Вскоре ни о какой организованности уже нельзя было вести речь, бой стал хаотичным и беспорядочным, превратившись в кровавое побоище. Каждую минуту, каждую секунду кто-то умирал. Тела людей, крыс, тараканов, пауков, мышей и летучих мышей валялись повсюду на земле, между теми, кто еще был жив и сражался, — целый ковер из тел. Паника и смятение усиливались — в этом хаосе уже свои нападали на своих: меч человека мог случайно обрушиться на зубастика, крыса могла кинуться на другую крысу, брошенный летучей мышью огненный шар мог угодить в паука и сжечь его дотла... И в этой суеде, в этой неразберихе становилась непонятной цель сражения — та, ради которой они вступили в бой.

В стороне от боевых действий Грегор имел время и возможность рассмотреть все в подробностях. Выглядело это нереальным — будто он смотрел кино по телевизору и не мог его выключить или переключить канал. Это не могло происходить на самом деле — эта бессмысленная бойня, уносившая одну жизнь за другой. Как можно такое творить? И зачем?! Они убивали, убивали, убивали друг друга и, кажется, собирались убивать до тех пор, пока не останется в живых никого, и ни единого признака жизни...

Но вдруг что-то изменилось. Его отношение к происходящему — вот что изменилось.

Грегор вдруг ощутил, что все происходящее — просто игра. Замысловатая игра, в которой используются элементы самых разных игр: карты, шахматы, кости... Игра, из которой все выйдут живыми и невредимыми и спокойно разойдутся по домам.

— Грегор! Посмотри! Там, за рекой! — закричал Арес.

Грегор перевел взгляд и посмотрел на стену за рекой: там черно-белые крылья Найк мелькали вверх-вниз у входа в туннель или пещеру — отсюда видно не было, — пытаясь отогнать крысу на краю скалы перед ней. В двадцати ярдах у нее над головой когти камнеедов уже проделали свежую дыру в стене. И через эту дыру, все увеличивающуюся, тек поток крыс, обтекая Найк то сверху, то снизу.

— Что она там делает? — спросил Грегор.

Предполагалось, что она должна быть с Босоножкой и Лиззи в безопасном месте, вдали от сражения — Соловет обещала, что так будет! И если Найк здесь — то где его сестры?! Прячутся вместе с Темпом, Газардом, Рефлексом и Хиронией? Но почему она улетела от них? Она не столь велика и еще не совсем взрослая, чтобы противостоять крысам в бою. Тогда что же она...

И тут Грегор заметил кое-что, и сердце его остановилось. Тонкий лучик света метался в отверстии туннеля позади Найк. Это был фонарик. И он подавал сигналы, которые Грегор хорошо помнил: три точки — три тире — три точки... ти-ти-ти — та-та-та — ти-ти-ти. СОС. Кто-то звал его на помощь.

— Лиззи! — прошептал Грегор. И что есть мочи закричал: — Мои сестры! Там мои сестры!

ГЛАВА 24

Грегор вскочил на спину Ареса и скомандовал:

— Вперед, Арес! Вперед же!

Арес не стал возражать, но попробовал, образумить Грегора:

— Но они узнают! Они узнают, что ты жив!

Живоглот велел Грегору прятаться и не показываться до появления Мортоса — но сейчас это не имело значения. Грегор едва заметил — если вообще заметил, — какой эффект произвело его явление среди крыс: они начали выкрикивать его имя, как только Грегор верхом на Аресе вылетел из-за скалы.

Грегор не обращал на них ни малейшего внимания. Он разберется с Мортосом позже, если белый крыс соизволит показаться. Сейчас у него другая, гораздо более важная миссия, и он должен ее выполнить. Должен!

Он летал на Аресе много раз и мог рассчитать время, которое тому потребуется, чтобы преодолеть это расстояние. Но они находились слишком далеко! Крысы успеют разделаться с девочками. Найк не справится со всеми. Они растерзают его сестер, разорвут на мелкие кусочки...

И вдруг он увидел, как какая-то тень несется по направлению к туннелю. Было невозможно представить, что кто-то в состоянии передвигаться с такой скоростью. Но Грегор знал того, кто способен на невозможное.

— Живоглот! — закричал Грегор. — Это Живоглот, Арес! Если он успеет — мы сможем атаковать крыс сзади!

Найк продолжала отчаянно отбиваться от крыс у входа в туннель, но крысы все прибывали сквозь дыру, проделанную кротами, и просачивались мимо Найк. Как минимум двадцать крыс собирались нырнуть в туннель, когда Живоглот наконец достиг цели. Не тратя силы и время на столкновение, он пробежал по спинам врагов и скрылся в темноте туннеля. А через секунду туда же нырнул Арес с Грегором на спине.

Они оказались в самой гуще боя. И это было похоже на старые времена — когда Грегор только становился яростником и адреналина в нем было столько, что он не мог с ним совладать. Сейчас он был так напуган, так беспокоился за Лиззи и Босоножку, что способность рассуждать и действовать хладнокровно его покинула. Каждый взмах его меча был смертельным, каждое его движение убивало. Он рубил, бил и резал крысу

за крысой, не замечая ничего вокруг.

Арес взлетел к своду туннеля и слегка стукнул его головой в подбородок, чтобы привлечь его внимание.

— Грегор!

— Что?! — взревел Грегор в ответ. — Давай же, Арес, вперед!

Арес отвлек его от крайне важного дела.

— Мне нужно поубивать этих крыс, Арес!

— Сначала разберись вот с этой! — ответил Арес, разворачиваясь на сто восемьдесят градусов.

И Грегор оказался лицом к лицу с Мортосом. Для Грегора, поглощенного боем с крысами за жизнь сестер, появление Мортоса стало полной неожиданностью — жуткий крыс возник словно из ниоткуда, просто вырос из-под земли. Арес резко вильнул в сторону — и очень вовремя, потому что чудовищный коготь Мортоса просвистел в сантиметре от уха Грегора и вонзился в каменную стену с таким звуком, будто провели железом по стеклу.

— Нам нужно больше места! — крикнул Арес.

Они не могли сражаться с Мортосом в этой ловушке, между двух стен — им нужно было пространство для маневра.

— Но мои сестры... — начал было Грегор, но тут же понял, что у него нет выбора: он должен довериться Живоглуту и всем тем людям и летучим мышам, которые прилетели, чтобы спасти девочек.

А ему, Грегору, следовало наконец разобраться с Мортосом.

— Хорошо!

Арес молнией пронесся над сражающимися, увлекая Мортоса за собой. У Грегора было всего несколько секунд, чтобы рассмотреть и оценить своего противника.

Мортос выглядел ужасающе. Он весь был в шрамах и порезах после их последней драки. Обрубок хвоста был замотан в шелковые бинты, насквозь пропитанные кровью. Потеря хвоста лишила Мортоса возможности сохранять равновесие — он двигался как пьяный, с трудом держался на лапах. Но главное — его взгляд. Он изменился. По этому блуждающему взгляду Грегор сразу понял, что Мортос перешел границу между разумом и безумием.

Мортос гнался за ними, не обращая ни малейшего внимания на тех, кто отчаянно пытался остановить его. Тела несчастных созданий он просто отшвыривал в стороны или давил своими тяжелыми лапами. Каждый, кто попадался ему на пути, был обречен.

«Это не так, как раньше, — подумал Грегор. — Я буду сражаться

совсем с другим противником».

На какое-то мгновение он почувствовал, как откуда-то из глубины сознания поднимается дикий страх — но тут же постарался подавить его.

— Откуда он взялся? — спросил он Ареса.

— Туннель справа, — коротко ответил Арес. — Я знаю его — он ведет прямо в крысиные владения.

— А места там много?

— Да. Большой туннель и много пещер.

— Ну так давай туда, — решил Грегор. — Пускай он потрудится, гоняясь за нами.

Расчет был такой, что Мортос погонится за ними и оставит в покое всех остальных, больше никого не убивая. И потом — здесь было недостаточно места для схватки, а Грегор хотел встретиться с Мортосом один на один.

Арес нырнул в туннель — и Мортос тут же кинулся за ними, ударяясь о стены, яростно рыча. Факелов здесь не было, но дыхания Грегора было достаточно для того, чтобы все видеть. Туннель привел их в большую пещеру, свод которой уходил высоко вверх. Арес взлетел повыше, но Мортос продолжал их преследовать, совершая немыслимые прыжки. Поначалу Грегор почувствовал присутствие других крыс в помещении, но вскоре они исчезли: то ли испугались, то ли не захотели мешать. Арес летел дальше, и они очутились в странном туннеле с каменными образованиями, по которым текла вода, а потом приземлились на огромном плато, которое, казалось, было в миллионах миль от всего остального мира. Плато располагалось высоко, и у них выдалась минутка на то, чтобы чуть передохнуть. Но почти сразу послышался рев Мортоса и звуки, с которыми он карабкался на плато, рыча от ярости и боли.

— Это место подходит? — спросил Арес.

— Замечательно подходит, — кивнул Грегор.

Когда Мортос в гигантском прыжке вскочил на плато, Арес взмахнул крыльями. Заставить его броситься в погоню было отличной идеей: Мортос был утомлен, хватал ртом воздух, слюни текли изо рта рекой. На морде заново открылось несколько ран. Повязка зацепилась за что-то и слетела, открыв кровоточащую рану на месте того, что было когда-то его хвостом.

— Наконец-то мы наедине, — произнес Грегор.

Но это было не так.

— Подождите минутку, — послышался вкрадчивый голос. — Успокойтесь немного, прежде чем нападать на него.

— Это Умняшка, — сказал Грегор Аресу. — Откуда она взялась?

— Не знаю, — ответил Арес. — Ее не было с ним на равнине Тартара.

Видимо, Мортос подхватил ее где-то по пути. Теперь она спрыгнула с его спины на кучу камней — отличное местечко, чтобы в стороне наблюдать за схваткой. Грегор обратил внимание на то, что она была абсолютно невредима — ни царапинки! Ее серебристая шерстка лоснилась и сияла.

Ни за что на свете Грегор не мог позволить ей уйти как ни в чем не бывало — ведь это она вынашивала все эти чудовищные планы, это она превратила Мортоса в монстра. Скорее всего это она приказала убить Вертихвостку. Умняшка и ее шелковый голосок — как же он ее ненавидел!

— Ты выглядишь отлично, Умняшка, — сказал Грегор. — Немного даже чересчур. А ведь тебе пришлось потрудиться, не так ли? Чего стоило отправить Мортоса в бой, где он потерял свой хвост!

— Мой хвост! Мой хвост! — Мортос закрутился по пещере в поисках своего хвоста. — Мой хвост!

— Королю не обязательно иметь хвост! — сказала Умняшка.

— Но он не король. И никогда не станет королем, — возразил Грегор. — Разве ты король, Жемчужок?

Это имя отвлекло Мортоса от поисков хвоста.

— Я король! Я теперь король! Крысы повинуются мне!

— Да? Это поэтому они напали на тебя? И все эти пауки, тараканы, люди, летящие, зубастики... — продолжал Грегор. — Тебе не кажется, что они все против тебя?

— Умняшка говорит, я король! — заревел Мортос.

— Да? Тебе это так представляется? — Грегор пожал плечами. — С моей точки зрения, все выглядит иначе: будто она пытается убить тебя чужими руками, чтобы самой взойти на трон!

— Что?! Что?! — до Мортоса дошло не сразу. Он развернулся к Умняшке, глаза его сузились и превратились в щелки: — Ты не можешь взойти на трон. Я король! Я король!

— Ну разумеется, ты король! Кто же станет повиноваться такому ничтожеству, как я? — произнесла Умняшка с легкой улыбкой, но на всякий случай сделала шаг назад. — Он просто врет!

— Но если он врет... тогда почему ты цела и невредима, а я в таком виде? — прошипел Мортос.

— Потому что короли — смелые и мужественные бойцы. Твои шрамы укрепляют твой дух. Никто не склонит голову перед тем, кто слаб и жалок, как я, — говорила Умняшка, отступая назад и упираясь спиной в камень.

— Нет. Ты права. Никто никогда тебе не подчинится. Никто никогда

больше тебе не подчинится!

Мортос внезапно оказался возле Умняшки и одним ударом снес ей голову. Он зажал голову в зубах, и Грегор увидел, что на этой окровавленной мертвой морде все еще играет жуткая улыбка... Мортос повернулся к Аресу и Грегору и выплюнул голову — она с отвратительным стуком ударилась о землю, упав недалеко от них.

Мортос на несколько секунд прижал лапы к глазам и вдруг стал озиаться:

— Где Умняшка? — жалобно спросил он. — Куда она ушла?

Ни Грегор, ни Арес ему не ответили.

Тогда Мортос стал нюхать землю и нюхал, пока не наткнулся на мертвую голову.

— Умняшка! Она... она мертва! — завизжал он. — Она мертва! — Его настроение снова поменялось: он пришел в ярость. — Это вы убили ее! Вы! — взревел он, поворачиваясь к Грегору и Аресу.

— Какой ужас, он и правда ничего не помнит! — прошептал Грегор.

— И это вы убили мою маму! — ревел Мортос.

Какие еще странные идеи бродят в мозгу Мортоса, Грегор понятия не имел. Единственное, что он знал наверняка — это то, что на него с недружественными намерениями надвигается трехметровая крыса.

Сражение началось. Первую атаку крыса отбил Арес. К тому времени как Арес сделал следующий вираж в воздухе, Грегор уже находился во власти яростничества — но на этот раз он мог контролировать каждое свое движение, он полностью владел собой. Это было новое для него чувство. Точность. Неотвратимость и фатальность.

Наверное, что-то подобное испытывает в сражениях Живоглот.

— К морде! — скомандовал Грегор Аресу. Эта стратегия неплохо сработала в прошлый раз, а хвоста у Мортоса теперь не было, отгонять их ему было непросто.

Но там, в Регалии, Мортос дрался иначе. Сейчас в его действиях не было никакой логики — движения были хаотичны и непредсказуемы. Его не волновала собственная участь — единственным его желанием было убить Грегора. Мортос бросался на них снова и снова, не обращая внимания на атаки Грегора и собственные раны и лишь пытаясь найти врага и вонзить в него свои когти.

— Назад! — велел Грегор, и Арес отлетел на безопасное расстояние. — Нам нужен план! — тихо сказал Грегор, пытаясь соорудить из рукава рубашки что-то вроде повязки на левую руку.

— Он еле удерживает равновесие, — ответил Арес.

— Так давай воспользуемся этим, — предложил Грегор.

Арес начал накручивать вокруг Мортоса быстрые круги. Крыс скоро потерял ориентацию, закачался, но все равно продолжал отчаянно сражаться. Грегору удалось нанести несколько ударов по его передним лапам, но больше меч ничего не мог с ним сделать.

— Мне нужно подобраться к нему поближе! — крикнул Грегор.

— Держись! — ответил Арес и неожиданно закрутился вокруг своей оси, словно буром пронзая воздух, и Грегор вдруг оказался уже прямо под передней лапой Мортоса. Он воткнул кинжал в мягкую плоть. Мортос издал душераздирающий вопль и отшатнулся, обдав Грегора фонтаном горячей крови.

— Назад, Арес! — кричал Грегор. — Наза-а-а-ад!

В его крике звучало отчаяние. Этот маневр... он был очень опасным. Практически смертельным.

Еще до того как Арес расправил крылья, Грегор понял, что столкновения с когтями Мортоса им не избежать. Он выставил вперед меч — но было поздно.

— Арес! Нет! — кричал Грегор.

Словно в замедленной съемке он видел, как Мортос цепляет Ареса за крыло, переворачивает мордой к себе и тянет. Грегор метнул в крыса кинжал и обеими руками вцепился в рукоять меча. Когда зубы Мортоса сомкнулись на шее Ареса, лезвие меча Грегора вошло прямо в сердце Мортоса. И пару секунд они так и стояли: соединенные зубами, когтями и мечом друг с другом. Потом Мортос издал жуткий вопль и изо всей силы ударил передней лапой в грудь Грегора. Грегор выпустил меч и полетел назад, упав с высоты на каменный пол пещеры. Он прижал руку к груди: когти крыса прорвали его доспехи, и теперь у него в груди была дыра. Ему казалось, что он мог почувствовать, как бьется его сердце.

А над ним все еще висел, покачиваясь, Арес, зажатый челюстями Мортоса. Наконец крыс разжал хватку, и Арес замертво рухнул на землю.

Мортос ухватил меч, торчавший из его груди, пытаясь вытащить его, но у него ничего не получалось — он медленно оседал на все четыре лапы, заваливаясь на один бок, и в конце концов перевернулся на спину.

Грегор знал, что они мертвы. Оба — и Арес, и Мортос.

Потому что ему было слышно дыхание только одного живого существа.

И это был он, Грегор. Он все понимал. Ему было больно и страшно. Но он все-таки через силу пополз к своему побратиму.

Арес лежал на спине, его крылья были неестественно изогнуты. Вся

передняя часть его шеи была разодрана в клочья. Грегор положил голову на кровоточащую грудь друга, отчаянно надеясь услышать сердцебиение, хотя бы слабое...

— Арес! Не уходи, Арес! Не умирай, прошу тебя! Арес!

Но тот был уже мертв. Никто не может выжить с такими ранами. Даже Арес.

— Арес!

Правой рукой Грегор дотянулся до когтя Ареса и зажал его в кулаке. «Арес летящий, отныне мы породнились с тобой...» В голове у него бились эти слова, но он не смог произнести их вслух. И больше никогда не произнесет.

Все еще держась за коготь Ареса, Грегор перевернулся на спину и лег на крыло летучей мыши. Кровь текла из него очень быстро, толчками, смешиваясь с кровью Ареса. Струйки их крови неторопливо текли дальше и присоединялись к струйкам крови Мортоса.

«Вот и все, — думал Грегор. — Это конец». Кровь вытекала очень быстро. И некому было прийти ему на помощь. Никто даже не знал, где он.

Сандвич был прав. Он прав во всем. Мортос умер — и Грегор должен умереть. И они с Мортосом забрали с собой Ареса.

Пророчество настигло его. Он навеки останется здесь, погребенный глубоко под землей, где никогда не бывает солнечного света.

«Все правильно, — говорил Грегор самому себе. — Все правильно. Думай о том рыцаре».

Он вспомнил спокойное, гладкое лицо каменного рыцаря из монастыря, лицо, на котором не было следов боли и страданий, лицо, полное мира и покоя.

Он вдруг понял: то, что он умрет — не только правильно. Это даже к лучшему. Он все равно никогда не смог бы вернуться в Нью-Йорк — ему было смешно даже думать об этом. Как мог он туда вернуться, в свою обычную жизнь, после всего, что с ним произошло? После того, во что он превратился? Где теперь был его дом — его, двенадцатилетнего мальчика, Воина, убийцы? Точно не в Наземье. Но в Подземье ли? Нет, в Подземье его ждала участь Живоглота. Или Ареса. Он слишком опасен. Угроза для мирной устоявшейся жизни. Потому что даже если тебя любят и ценят во время войны — в мирное время никто не захочет видеть тебя рядом. На свете не было места для Грегора.

Не так уж сильно он отличался от Мортоса. Оба попали в эту мясорубку, не очень-то понимая, что происходит. Обоих использовали: Мортоса — крысы, Грегора — люди. Оба были разменной монетой в этой

войне. И оба заплатили за это своей жизнью.

Их смерть вызовет у всех только вздох облегчения. Разве что семья Грегора... Им будет больно... Но они не представляют, во что он превратился. Они не знают, сколько на нем крови... И он надеялся, что никогда не узнают.

Все вокруг плавно кружилось перед глазами. Дыхание становилось все поверхностнее. Мир уплывал куда-то вдаль.

— Все правильно, — шептал Грегор. — Все правильно.

Где-то вдалеке появился слабый, чистый, голубой свет. Это, видимо, тот самый свет, о котором так много говорят, — свет в конце туннеля. О нем часто рассказывают пережившие клиническую смерть. Мол, ты идешь по туннелю — а впереди яркий свет. И люди, которых ты любишь и которые уже умерли, — они ждут тебя...

«Может, Арес уже там, — подумал Грегор. — Может, ждет меня».

Боли он не чувствовал и как будто плыл, плыл в пространстве, приближаясь к голубому свету. Через пару секунд Грегор до него доплывет. И он хочет туда. Хочет раствориться в голубом свете, исчезнуть.

Вот уже скоро.

И тут он погрузился в полную темноту.

ГЛАВА 25

Что-то сыпалось ему на лицо. Похоже на песок. Он что, на пляже, задремал и вот проснулся от долгого сна на ярком солнце?

Снова что-то посыпалось. Людям стоило бы ходить аккуратнее, а то поднимают тучи песка. Ему надо было найти укромное местечко. Правда, там, в пещере, когда он умирал, он больше думал о...

Стоп! Когда он умирал там, в пещере? Но где он теперь?!

Грегор распахнул глаза. Перед ним был потолок больницы, освещенный ярким светом факелов. Вот в поле зрения оказалось лицо Босоножки. Она держала в ручках кусок печенья, крошки которого и сыпались ему на лицо.

— Привет! — радостно произнесла Босоножка.

Это была чудовищная ошибка. Он все еще жив!

Босоножка взяла еще один кусок печенья, и он зажмурился, чтобы крошки не попали ему в глаза.

— Ты спал так долго. Я уже устала здать. — Она и в самом деле выглядела утомленной.

— Ты же крошишь ему на лицо, Босоножка! — услышал Грегор шепот Лиззи.

Значит, обе живы. Живоглоту удалось спасти обеих.

— Грегор! — произнес голос, который он уже никогда не надеялся услышать. Перед его глазами появилось папино лицо, похудевшее, постаревшее. — Как ты? Как ты, малыш?

Папа. Он-то что здесь делает? Что происходит? Почему Грегор не умер? И где этот голубой свет? Кто мог найти его в том богом забытом месте?

— Ты слышишь меня, Грегор? — спросил папа. В глазах его плескалась тревога.

— Да, — голос Грегора был надтреснутым и еле слышным. — Привет, пап. Ты здесь.

— Я пришел, как только смог, — сказал папа, — чтобы забрать вас всех домой.

Грегор попытался выяснить, в каком состоянии находится его тело. С большим усилием он смог пошевелить пальцами ног. Почему он так слаб? Как долго он тут валяется? Он старался пошевелить пальцами на правой руке, но у него не получилось. Тогда он приподнял руку — и волна боли

прокатилась по всему телу, от руки к груди. О господи, его грудная клетка! Он тут же уронил руку обратно. Боль стихла, но не ушла. Лучше уж ему не двигаться.

— Ну, ты решил все-таки проснуться? — Лицо Говарда светилось такой теплотой и радостью, что Грегор не мог не улыбнуться в ответ, хотя мускулы на лице затвердели и плохо слушались.

— Что произошло? — спросил он.

— Тебя спасли и принесли из Мертвой земли два благородных существа, которые рисковали жизнью, чтобы доставить тебя в сюда, — ответил Говард. — Ну, по крайней мере так нам эту историю рассказали твои спасители. Но, честно говоря, я думаю, что на решение о твоём спасении повлияла не столько безграничная любовь к тебе, сколько еще более безграничная любовь к пирогам и кексам.

— К кексам? — переспросил Грегор. И вдруг все встало на свои места. — Нет, только не светляки!

— О да, именно они. Наши старые добрые друзья, Фотос Свет-Свет и Бац, — кивнул Говард.

Это все объясняло. Этот прекрасный голубой свет — он вовсе не был потусторонним, он исходил от Фотоса Свет-Света, от его брюшка!

Грегор засмеялся, и это вызвало новый взрыв боли во всем теле. До чего все это абсурдно и глупо!

— Последние две недели они провели в комнатке возле кухни, обжираясь пирогами и прочими вкусностями. Ты же понимаешь, после того как они спасли тебя — выгнать их решительно невозможно. И Люкса их терпит — по своим собственным соображениям, — продолжал Говард. — Теперь скажи, Грегор, насколько плохо ты себя чувствуешь?

— Очень плохо, — признался Грегор. — Все тело болит.

— Отлично! Значит, твои нервные окончания в порядке. Выпей-ка вот это. — Говард приподнял ему голову и поднес к губам маленькую склянку с лекарством, а потом дал запить водой.

— Я не могу пошевелить пальцами, — пожаловался Грегор и бросил тревожный взгляд туда, где, как он надеялся, все еще была его правая рука.

— Да. Что ж. Со временем они начнут работать, — ответил Говард. Лицо его было серьезно и непроницаемо, когда он осторожно поднял руку Грегора и поднес к его глазам.

В кулаке у Грегора был зажат коготь Ареса, а засохшая кровь выполняла роль цемента, не давая пальцам двигаться.

— Светляки не смогли разжать твой захват, Грегор. Бац пришлось перегрызть коготь, чтобы... а мы не хотели тревожить твою руку и

насильно разжимать пальцы, боялись повредить кости. Мы можем размочить все это... но ты должен отпустить его сам.

Арес. В голове Грегора пронеслись последние ужасные секунды жизни его летучей мыши, и он прикрыл глаза, будто так можно было защититься от этого воспоминания.

Говард задавал ему еще какие-то вопросы, но Грегор не мог ответить.

— Для него все это произошло несколько минут назад, — объяснил Говард членам его семьи. — Нужно дать ему время. Пусть отдыхает.

— Девочки, отправляйтесь в детский сад и помогите Далею с мышатами, хорошо? А я посижу с вашим братом, — скомандовал папа.

Грегор слышал свой собственный голос, набатом звучащий в ушах:

«Мне нужно подлететь поближе... нужно подлететь поближе...»

Рвется крыло... Мортос тащит их к себе... его клыки на горле Ареса... меч в сердце... разорванная грудная клетка... падение... смерть... «Арес, не умирай! Пожалуйста, не умирай!» Кровь... кровь... кровь... всюду кровь и смерть...

Темнота снова поглотила все вокруг. Но сквозь нее пробился папин голос:

— Все будет хорошо, Грегор. Не думай об этом сейчас. Не думай о том, как все было или могло быть. Сейчас ты мне не поверишь, но однажды наступит день, когда все снова будет хорошо.

Когда Грегор проснулся, рядом с его кроватью сидел на стуле Марет, а папа спал на кушетке.

Медсестры усадили Грегора в подушки и принесли ему бульон. Марет вызвался покормить его, они не стали возражать и вышли.

— Все здесь работают сутками напролет, — сказал Марет. — Давай, тебе нужно подкрепиться.

Ложку за ложкой Марет кормил его бульоном, рассказывая все, что произошло за последние пару недель.

В тот момент, когда светляки принесли весть о гибели Мортоса — вместе с бездыханным Грегором, — деморализованная армия Мортоса была готова сдаться людям и их союзникам. Крысиную армию к тому же очень ослабило известие о том, что Код Когтя разгадан. Следующим ударом стало то, что на сторону людей перешло так много крыс. Смерть Мортоса стала последней каплей — их боевой дух был сломлен окончательно. На стадионе скоро будет проходить официальная капитуляция — в данный момент обсуждаются условия.

К радости Грегора, Викас выздоравливал, но правая половина тела у него по-прежнему была парализована.

Как и предсказывал Живоглот, все высказались за то, чтобы во главе Регалии встала Люкса. Ее дядя, Йорк, должен прибыть на церемонию капитуляции с Источника, он привезет с собой маму Грегора.

— Ей лучше? — спросил Грегор с замирающим сердцем.

— Да. Но она все еще очень слаба, — ответил Марет. — Вашей семье долго придется ждать ее выздоровления.

— Кто еще... кого еще нет? — Грегору тяжело было задавать этот вопрос, но не задать его он не мог.

— Многие погибли, — сказал Марет. — Наверно, лучше перечислить тех, кто уцелел: твоя семья. Люкса. Газард. Аврора. Найк. Говард. Нерисса. Викас. И вся команда дешифровщиков выжила.

— И Живоглот, — добавил Грегор. — Мне надо с ним поговорить.

Марет поболтал ложкой в бульоне, отводя взгляд:

— Вообще-то... Нет, Грегор, Живоглот не спасся.

— Что?! Но ведь из той пещеры все смогли выбраться! — воскликнул Грегор.

— На самом деле это был туннель. Короткий, между равниной Тартара и еще одной пещерой. Крысы атаковали с обеих сторон. Живоглот прикрывал тылы, давая возможность Найк освободить твоих сестер, Газарда, Темпа, Хиронию и Рефлекса. Но крыс было слишком много — они схватили его и бросили в пропасть. Мы послали спасательную команду, когда узнали об этом. Но когда они подоспели — на Живоглота как раз напала стая плотоядных клещей — помнишь, тех самых, что мы видели на Водном пути.

— Клещи, которые убили Пандору, — тихо произнес Грегор.

— Ну да, — кивнул Марет.

— Значит, Живоглота вы не нашли, — упрямо цеплялся за надежду Грегор.

— Мы нашли скелеты крыс. Три. И один из них, самый большой, лежал в двадцати ярдах от двух других — его обладатель дольше других сопротивлялся и смог убежать дальше, чем остальные, — покачал головой Марет. — Спасательная команда больше ничего не могла поделать, и они улетели. Спроси себя и ответь себе честно: кто, кроме Живоглота, мог сопротивляться так отчаянно?

— Никто, — пришлось согласиться Грегору.

Нет, это нереально. Это не может быть правдой — что Живоглот умер. Живоглот не может умереть! Он непобедим. Он яростник!

Но тут Грегор вспомнил слова Живоглота: «У каждого яростника есть свой предел возможностей. Я начинаю сдавать на четвертой сотне».

Там было гораздо больше, чем четыре сотни врагов. А клещей, должно быть, и вовсе тысячи.

— Кроме того — с тех пор мы не получали от него вестей, — продолжал Марет. — И это было бы странно с его стороны — после всего произошедшего хранить молчание.

— Да, — сказал Грегор.

К своему удивлению, он почувствовал, что известие о смерти Живоглота доставило ему даже большую боль, чем смерть Ареса. Арес хотя бы знал, как Грегор к нему относился. А Живоглот... Грегор никогда не показывал ему своего истинного отношения, никогда по-настоящему не благодарил его, никогда не говорил, как восхищается им, а может, даже любит его. Они никогда не говорили о своих чувствах друг к другу.

— Я не думал... что мне будет так больно, — заговорил Грегор. — Знаешь, до самого утра того дня, когда был бой, я был уверен, что умру. А Живоглот...

Грегор замолк. Он не знал, стоит ли рассказывать о том, что Живоглот не верил в пророчества. Имело ли это значение сейчас, когда крыса не было в живых. А может, Живоглот хотел бы, чтобы все узнали его позицию? И потом — ведь он оказался прав, ведь Грегор не погиб! Но кому мог Грегор рассказать об этом? Люксе? Викусу? Он был слишком слаб, чтобы пойти искать их.

— В то утро мы с Живоглотом немного поговорили. И он сказал мне, что... я могу убить Мортоса.

— И ты сделал это, — кивнул Марет.

— Не совсем я. Не я один. — Грегор посмотрел на свою правую руку, в которой все еще сжимал коготь Ареса. Он не хотел его отпускать. Но должен был это сделать. Арес умер, сжимая коготь в пальцах, его не вернешь. И надо похоронить этот коготь вместе со всем остальным, что от него осталось. — Говард сказал, надо размочить руку...

— Он оставил тебе миску с водой, — кивнул Марет, подвигая миску поближе к Грегору и бережно опуская в нее его руку.

— Ты не должен сидеть тут со мной все время, Марет, — сказал Грегор. — Я знаю, еще много народу нуждается в помощи. А со мной все в порядке.

Кажется, Марет понял, что Грегору сейчас ни к чему чье-либо общество.

— Я буду навещать тебя время от времени, — пообещал он и вышел.

Вода была теплая и ласковая. Очень медленно Грегор разжимал руку — кровь, которая склеила пальцы, словно клей, постепенно растворялась,

один за другим его пальцы распрямлялись и он даже смог ими пошевелить. Коготь наконец выпал из его руки и теперь плавал на поверхности воды.

Откуда-то появилась Люкса с полотенцем. Она осторожно поймала коготь и как следует промыла в воде, смывая остатки крови. Когда он стал совсем чистым, Люкса завернула его в белую мягкую ткань и положила на стол позади Грегора. А потом села на краешек кровати, вынула его руку из воды и осторожно вытерла — палец за пальцем.

— Знаешь, рука совсем целая. Как ты ее ощущаешь? — спросила она.

— Пустой, — ответил Грегор.

Люкса переплела свои пальцы с его: кожа у нее была теплая, такая же теплая, как вода — и живая.

— Так лучше.

Наверно, был миллион тем, которые им надо было обсудить, миллион слов, которые они должны были сказать друг другу — но они просто сидели вот так, молча, держась за руки, пока не проснулся с криком папа Грегора — ему опять снились кошмары, и Грегор успокаивал его, твердил, что все в порядке, а сам думал: «Может, если мы будем все время повторять это друг другу, однажды это станет правдой».

Следующие несколько дней Грегор почти все время спал и позволял другим кормить себя. Он был так слаб, что для него событием стало, когда он смог самостоятельно сесть, и маленьким чудом — когда смог сам пройти по комнате. Не говоря уже о первой ванне, которую он смог принять, — это потрясло его до глубины души. Он осматривал себя с содроганием: худой, дрожащий от слабости, весь израненный... а рана на груди была просто чудовищной. Мортос оставил ему четкий отпечаток своей когтистой лапы: шрамы, образующиеся на месте ран, четко обозначали пять ужасных когтей...

Как он будет объяснять там, в Наземье, происхождение своих шрамов?

Папа все толковал об их новой жизни в Наземье. И Грегор не знал, как сказать ему, что он не хочет уезжать на семейную ферму в Вирджинию, так же, как не хочет возвращаться в Нью-Йорк. Что мальчик, который случайно провалился в вентиляционное отверстие летним жарким днем, — умер, уступив место тому, у кого нет дома. Нигде. Но папа все рассуждал о том, как они будут выращивать помидоры и срывать их слегка зеленоватыми, чтобы созревали в темном месте, и как они будут ходить на рыбалку, и как Грегор снова будет играть в школьном оркестре...

Школьный оркестр. Грегору понадобилась целая минута, чтобы вспомнить, на каком инструменте он играет. «Саксофон, точно. А еще я участвую в соревнованиях по бегу. И люблю занятия наукой. По крайней

мере — он любил. Тот парень из прошлой жизни», — подумал Грегор.

А что насчет его сестер? С Босоножкой все будет нормально — ей всего три года, она в конце концов перестанет разговаривать с тараканами и, возможно, забудет обо всем, особенно о грустном, и в ее жизни появится много увлекательного и забавного. А вот Лиззи... Лиззи ничего не забудет. Она будет крутить все это в своей умной голове снова и снова. Она стала мало разговаривать с тех пор, как окончилась война — просто сидела, поджав ноги, на стуле, и лицо у нее было бледное и печальное. Часто она даже не замечала, когда к ней обращались. Она очень тяжело переживала смерть Живоглота.

Однажды ночью, когда папа и Босоножка спали, Грегор спросил ее об этом. О том, почему Живоглот решил поместить команду дешифровщиков так близко к боевым действиям.

— Это из-за меня. Он не говорил — но я знаю. Он хотел быть рядом и присматривать за мной. Чтобы защитить меня в случае опасности — как не смог защитить... — Она замолчала на полуслове, а Грегор закончил за нее:

— Как не смог спасти Шелковицу, да?

— Откуда ты знаешь? — поразилась Лиззи.

— Я подслушал ваш ночной разговор, — признался Грегор.

— Это моя вина, что он погиб, Грегор, — сказала Лиззи. — Если бы меня здесь не было — он был бы жив.

Грегор не знал, что ответить, чтобы разубедить ее.

«Да, давайте уедем в Вирджинию и будем там как ни в чем не бывало выращивать помидоры, — думал он скептически. — Это разом решит все проблемы». Но он не мог сказать такое папе.

К концу недели Грегор уже был в состоянии совершать прогулки по больнице. Люкса проводила с ним столько времени, сколько могла, но она была занята своими новыми обязанностями. Со смертью Соловет и гибелью Совета, учитывая, что Викус в данный момент только учился самостоятельно держать в левой руке ложку, она одна занималась вопросами государственной важности. Больше трети населения Регалии погибло в войне, сама Регалия лежала в развалинах, а зубастики лишились своих жилищ и нуждались в помощи. На людях Люкса держалась, была сильной и властной, но иногда, оставшись наедине с Грегором, она закрывала ладонями лицо и повторяла: «Я не знаю, не знаю, не знаю, что делать!» И он молча обнимал ее, потому что понятия не имел, что ей сказать и чем помочь: он знал, как убивать, но не имел ни малейшего понятия, как строить новое на обломках старого.

К счастью, у Люксы была большая группа поддержки: Аврора, Марет,

Перита, Говард, Газард, Нерисса, Найк и несколько зубастиков помогали ей как могли. Письма с советами и поддержкой присылал с Источника Йорк. Иногда Грегор с улыбкой наблюдал за тем, как она оживленно обсуждает что-то с Темпом.

Но все важные решения ей приходилось принимать самостоятельно, и ответственность за них ложилась на ее плечи. Ее очень тревожил неуклонно приближающийся день капитуляции.

Капитуляция означала официальное признание поражения крыс в войне. И было непонятно, что делать с Коготок и другими крысами, перешедшими на сторону людей. Должны ли они быть наказаны, как и их сородичи и в то же время враги? Это было бы несправедливо, но с другой стороны — Коготок и ее соратники воевали не за то, чтобы спасти людей, — они воевали против Мортоса, чтобы спасти собственные жизни. И кроме того — между людьми и крысами существовала такая лютая ненависть, которую сейчас, казалось, ничем невозможно приглушить. Все понимали, что капитуляция — это ритуал, после которого в полный рост встанет вопрос: «Что делать дальше?» И Люкса, глава Регалии, должна была подготовиться к тому, что от нее потребуют ответа на этот и многие другие вопросы. В том числе о том, как будут отныне распределяться земли в Подземье и как превратить крыс из врагов в друзей и союзников. И это были сложные вопросы.

Грегор однажды наткнулся на Люксу и Нериссу, которые пытались истолковать последнее четверостишие «Пророчества Времени»:

Когда фонтаном кровь монстра забьет,
Когда Воин, запачкав кровью ладони, умрет,
Изменить навсегда и для всех можно времени ход —
Разгадай Код Когтя, мира таинственный код.

Завидев Грегора, они замолчали. Он хотел было сказать им, что эти корявые строчки не имеют никакого значения. Неужели они сами этого не поняли? Разве то, что он остался в живых, не доказывает, что в пророчество закралась ошибка? А может, Сандвич обманщик?

Но он не был готов объяснять им, почему его мнение о пророчествах Сандвича так изменилось, — пришлось бы начинать слишком издалека.

В ночь перед капитуляцией Люкса ужинала с семьей Грегора в его больничной палате, когда неожиданно вошла его мама. Она была страшно худая и еле держалась на ногах, но вошла сама — и просто молча раскрыла

руки для объятий. Они все бросились к ней и застыли. Босоножка, слишком маленькая для того, чтобы долго находиться в одном положении и одном переживании, тут же начала верещать:

— Меня! Меня! Целуй меня!

Папа поднял ее на руки, и все по очереди начали тискать и целовать ее, а она хихикала и требовала еще и еще. Только через несколько минут Грегор заметил, что Люкса стоит одна у двери и смотрит на воссоединение его семьи с грустью в глазах. Он тут же подумал о том, скольких людей, которые ее любили и которых любила она, она уже потеряла. И протянул ей руку, приглашая присоединиться. Но она только тихонько улыбнулась, покачала головой и выскользнула за дверь. И впервые за все это время Грегор вдруг понял, какой же он счастливчик.

На следующее утро Грегор встретил Люксу незадолго до начала церемонии. На ней была роскошная мантия, а голову украшала сверкавшая всеми цветами радуги корона.

— Ого, ты во всем этом так взросло выглядишь! — сказал, он. — Как минимум лет на тринадцать.

Это заставило ее улыбнуться, хотя он видел, что она нервничает.

Грегор был в простой рубашке и таких же штанах. Но на боку в ножнах болтался меч.

Без него он чувствовал себя голым.

В Наземье ему придется, конечно, обходиться без меча. Но при мысли об этом он чувствовал дискомфорт и беспокойство. Его сестры вместе с папой улетели на стадион, а он задержался, потому что обещал Люксе проводить ее. Когда платформа опустилась на землю, Грегор увидел великое множество людей вдоль дороги. Они стояли неподвижно, склонившись в почтительном поклоне, когда Люкса проходила мимо. У многих по щекам текли слезы. Люкса приветствовала толпу, кивая и иногда вскидывая руку вверх. Но заговорила она всего раз — когда они вышли на перекресток, где сходились четыре улицы. Она остановилась и огляделась по сторонам: крысы и камнееды превратили здания здесь в руины. Резной камень под ногами все еще был в крови и в копоты от затоптанных факелов. Здесь стояла маленькая безрукая девочка и смотрела на них пустыми глазами.

— Взгляни на мой город, Грегор, — произнесла Люкса. — Взгляни на мой дом.

Когда они дошли до стадиона, Люкса остановилась. Грегор взял ее за руку и быстро пожал. Она сделала глубокий вдох — и двинулась вперед. Грегор следовал за ней.

На стадионе негде было яблоку упасть — все народы, которые сыграли принципиальную роль в этой войне, прислали свои делегации: здесь были ползучие, прядущие, камнееды, раньше крыс признавшие свое поражение, а также зубастики, летящие и грызуны. А еще люди. Грегор даже заметил Фотоса Свет-Света и Бац, сидевших на скамейке. Он их не видел с момента своего спасения, и даже не успел поблагодарить их. Он собирался сделать это после церемонии.

Хотя дорога перед ними была расчищена, идти по ней было трудно: вся поверхность стадиона была сплошь изрыта ходами. Но Люкса просто изящно перепрыгивала через них, в то время как Грегор неловко за ней ковылял.

В самом центре стадиона было пустое пространство в виде круга. Там уже ждали три крысы.

Люкса вступила в круг, а Грегор остался за его пределами. Прилетела Аврора и приземлилась рядом с ним. Грегор заметил неподалеку папу и Лиззи. Марет, Перита, Йорк и Говард стояли вместе. Даже Нерисса собралась с силами и пришла на церемонию. Где-то в толпе тараканов Грегор увидел две курчавые головки и догадался, что Босоножка и Газард тоже решили побывать на этом событии.

Как только Люкса заняла свое место, разговоры на стадионе стихли. Если все еще нервничала — она это умело скрывала. Держалась Люкса с большим достоинством, а голос ее звучал твердо и уверенно:

— Приветствую вас всех. Мы собрались здесь, чтобы ознаменовать окончание ужасной кровопролитной войны. Я пришла, чтобы принять капитуляцию и обсудить ее условия. Грызуны, кто будет говорить от вашего имени?

Одна из крыс выступила было вперед, но в этот момент произошло нечто непредвиденное.

В одном из ходов, прорытых кротами, неожиданно зашевелился камень, он отвалился и укатился прочь, открывая проход. Весь стадион ахнул в тревоге — у всех слишком свежа была память о недавних атаках и боях. А затем на свет явилось весьма ободранное создание.

Его почти невозможно было узнать.

Половина шерсти и приличная часть кожи были начисто съедены плотоядными клещами, и на их месте зияли открытые раны. Одна из задних лап была перебита и безвольно волочилась по земле. На морде появился еще один диагональный шрам, который пересекался с уже имеющимся и образовывал крест. Но голос его невозможно было перепутать ни с каким другим.

— Я буду, — заявил Живоглот, вваливаясь в круг, — буду говорить от имени грызунов.

ГЛАВА 26

На стадионе воцарилась полнейшая тишина, которую прорезал восторженный вопль Лиззи:

— Живоглот! Живоглот!

Она выскочила из толпы и кинулась ему на шею:

— Я думала, ты умер!

— Я же говорил тебе — меня очень трудно убить. Для этого надо кое-что посолиднее, чем кучка жалких жучков, — ответил крыс.

— Но ведь нашли твой скелет! — воскликнула Лиззи.

— Это, видимо, был скелет Кливера. Я прикрывался его телом, пока было можно. А потом бросил его — и клещи на него накинудись, дав мне время скрыться. Времени было немного — но, как видишь, достаточно. Забавно, я всегда презирал Кливера, но сейчас, должен признать, испытываю к нему нечто вроде благодарности, — сказал Живоглот.

— А это? Откуда у тебя это? — Лиззи коснулась нового шрама на его морде.

— А, это? Ничего особенного. Крыса прихватила. Не сбивай меня, Лиззи, а то я забуду, зачем я здесь, — и он перевел взгляд на Люксу.

— И зачем же, Живоглот? — Голос Люксы звучал очень холодно. — Зачем ты здесь?

— Я же сказал тебе. Чтобы говорить от имени грызунов. Или, может, ты думала, что я стольким рисковал и столько лет провел в борьбе лишь для того, чтобы дать тебе возможность определять наше будущее? — последовал ответ.

Теперь все в толпе обрели дар речи и возбужденно обсуждали случившееся.

Большинство крыс считали Живоглота своим врагом. Он сражался на стороне людей и их союзников так давно и успешно, что все давно забыли о том, что он сам — крыса. И давно уверовали в его беззаветную преданность людям.

А это было большой ошибкой.

У Грегора сложилось впечатление, что все, что делал Живоглот, он делал ради этого момента. Возможно, он не ожидал, что ему придется иметь дело с Люксой. Возможно, он думал, что ему будут противостоять Викус или Соловет. Но вообще-то никакого значения не имело, кто будет ему противостоять — потому что он выступал от имени крыс.

Люкса возвысила голос, пытаясь перекрычать взволнованный гул толпы:

— Это правда, грызуны? Он действительно будет говорить от вашего имени?

Крысы были так же изумлены появлением Живоглота, как и остальные. Они растерянно вертели головами, перешептывались, пытаясь прийти к единому мнению. А потом послышался громкий уверенный голос, который легко перекрыл остальные:

— Да. Я подтверждаю — он будет говорить от всех нас!

Из толпы выступили Коготок и ее дети. Если относительно Живоглота еще были сомнения, можно ли ему доверять, то Коготок доверять было можно. Ее выбрали тогда для участия в походе за лекарством от чумы, и это она теперь собирала крыс, готовых пойти против Мортоса. После ее заявления крысы сгрудились вокруг нее и стали призывать Живоглота выступить от их имени.

Грегор заметил, как дрогнули плечи Люксы. Делить послевоенное Подземье и решать, каким будет его будущее, было трудно само по себе. Но делать это с Живоглотом, который наверняка будет оспаривать каждое ее движение! Живоглот! Он был гораздо более сильным игроком, чем она, — и она это знала. Да и кто мог считать себя равным ему по уму и ловкости?

И как назло Нерисса вдруг закричала:

— О, Люкса! Ты видишь эти отметины у него на морде?!

Люкса взглянула.

— Это просто еще один шрам — у него их хватает, Нерисса.

— Нет, посмотри внимательно! Он в виде креста! Это знак, которым должен быть отмечен Миротворец! — не унималась Нерисса.

— У многих из нас есть шрамы в виде креста! — взревел Йорк из толпы.

— Вдумайтесь в эти слова!

И вся толпа затихла, слушая, как она читает строчки из стихотворения о миротворце из комнаты пророчеств:

На слабых ногах, на себя не похожий совсем,
Смерть обманув в сотый раз, он явится всем.
Тот, кто убит, похоронен, оплакан, — воскрес.
Линии две на лице образуют загадочный крест.
С миром придет неожиданный мира гонец.
Линии все пересечься должны наконец.

— Разве вы не видите? — взывала к ним Нерисса. — Это же описание Живоглота! Пропавший без вести, мертвый, ненавидимый многими, исчезнувший — но вернувшийся к жизни. И этот крест! Одну половину его он получил от людей, а вторую — от крыс. Две линии сходятся. Две линии шрама — и две линии жизни. Люкса и Живоглот. Да как же вы не видите?!

Толпа на стадионе загудела, но Люкса продолжала стоять не шелохнувшись. Она подождала, пока все успокоится, потом произнесла:

— А ты, Живоглот? Ты тоже считаешь себя Миротворцем?

— Ну, я не очень-то люблю все эти штучки с пророчествами, но в данном случае в том, что говорит Нерисса, много смысла. И если я действительно он — разве я могу с этим что-нибудь поделать? — развел лапами крыс.

Грегор слышал, как многие взволнованно переговаривались, соглашаясь, что все это правда, что на камне в виде стиха написано очередное пророчество.

А Живоглот...

Живоглот хитро взглянул на Грегора и незаметно подмигнул ему, а потом закатил глаза, словно говоря: «Видишь? А я что говорил?!» И тут Грегора осенило: он готов был поклясться, что Живоглот сам нанес себе эту вторую рану на морде! Для него это была небольшая цена за то, что его назовут Миротворцем.

— Отлично, — отчеканила Люкса. — Тогда у тебя прекрасно получится без проблем вывести твоих драгоценных грызунов за пределы Подземья, в Неизведанные земли.

Это заявление даже Грегора застало врасплох, хотя оглядываясь назад — вообще-то не должно бы. Еще только начав войну, Люкса сказала Грегору: «Нам нужно наконец решить, кому придется уйти, а кто останется». Но он почему-то думал, что после всего, что произошло за время этой ужасной войны, она изменила свое решение.

Видимо, нет.

Атмосфера на стадионе накалялась.

— Вообще-то, ваше величество, вряд ли у меня это получится без проблем, — огрызнулся Живоглот. — Хотя бы потому, что я не стану этого делать. Что ты на это скажешь?

— Я скажу, что тебе придется это сделать — мирным путем или силой, выбор за тобой! — сказала Люкса.

— Если хочешь еще одной войны, дорогая, ты ее получишь! — взревел Живоглот. — Только подумай хорошенько — как ты будешь сражаться, когда твоя армия обескровлена, город разрушен, а я готов

вцепиться тебе в горло, вместо того чтобы прикрывать твою спину!

— Ты мне не нужен, Живоглот! — парировала Люкса. — У меня есть Грегор!

— Ты уверена? Я бы на твоём месте не рассчитывал на него. Даже если он останется здесь, готов биться об заклад, твоё решение покажется ему неприемлемым! И возможно даже, что он вспомнит о нашей дружбе — и встанет на мою сторону! — вернул ей удар Живоглот.

Грегор не верил своим ушам. О чём они говорят?! И что творят?!

Они что, хотят новой войны? И думают, что он к кому-то из них присоединится?

— Мы предоставим ему решать самому, — заявила Люкса и повернулась к нему в ожидании ответа.

Все на стадионе замерли, ожидая, чью сторону он примет.

— Вы что, серьёзно? — Грегор и правда ничего не понимал. — Вы готовы начать новую войну?

Он чувствовал, как кровь закипает у него в жилах.

— Что ж, давайте! Давайте забудем все, что было! Джунгли, Огненную землю, Мортосу! — Он говорил все громче, ощущая, как в нём проснулось яростничество. — Забудем обо всех, кто погиб! О Тик и Вертихвостке. Хэмнет и Талии. Об Аресе! О твоих родителях, Люкса! И твоих детях, Живоглот! Давайте забудем обо всех, кто отдал свои жизни, чтобы случилось то, что происходит сейчас, и чтобы вы сделали то, что можете сделать только вы! Потому что только вы можете прекратить убивать! Мы сражались именно за это, вы помните? Вы оба рисковали своими жизнями друг ради друга! И мне спасали жизнь! А теперь стоите и спрашиваете, кого из вас я выберу! Чтобы помочь одному из вас убить другого!

Грегор выхватил меч Сандвича из ножен и взмахнул им так резко, что Живоглот и Люкса невольно отпрянули.

— Так знайте, Воин не будет больше сражаться ни за кого из вас!

И с этими словами Грегор схватил обеими руками меч, переломил его через колено и протянул обломки, один — Люксе, второй — Живоглоту. По ладоням его текла свежая кровь — он порезался об острое лезвие.

— Вот так. Воин умер. Я убил его.

— Значит, «Пророчество Времени» все-таки исполнилось! — воскликнула Нерисса, задыхаясь.

Грегор затряс головой. Они когда-нибудь заткнутся со своими пророчествами?!

Но вслух он произнес:

— Пусть так. Теперь вы оба — что вы будете делать?

— А действительно, что — после такой демонстрации? — обратился Живоглот к Люксе. — Даже мальчишка понимает, что развязывать новую войну, когда еще не высохли лужи крови от предыдущей, по меньшей мере неразумно. Тем более что острогубцы не дремлют и вплотную подошли к вашим границам.

Толпа бурно отреагировала на его сообщение, а Живоглот обернулся вокруг своей оси, чтобы убедиться, что его слушают.

— О, я что, не сказал этого раньше? И надо заметить, они выбрали подходящее время, чтобы покончить с вами навсегда. Согласитесь, момент сейчас наилучший: они сильны, вы слабы... Впрочем, если нам удастся договориться...

— Да, я знаю. Мы сможем их остановить, — резко бросила Люкса.

— Мы уже делали это в прошлом, — заметил Живоглот.

— Прошрое это прошрое. Откуда знать, можно ли вам доверять?

— Доверять нам? Да ты только что пыталась выдворить нас из Подземья в Неизведанные земли! Если кому-то здесь нужны гарантии — то именно нам, грызунам! — ответил Живоглот. — Не знаю... какой-нибудь пакт или договор... что-то в этом роде.

— Никто не верит договорам. Никто их не соблюдает, — сказала Люкса.

— Что ж, это твой выбор, Люкса. Друзья или враги. Доверять или не доверять. Ты и я. Твой народ и мой народ. Тебе сейчас решать, что будет, — произнес Живоглот.

Это был момент истины. Грегор видел, как на лице Люксы отражается мучительная внутренняя борьба. Жесткость и бескомпромиссность Соловет боролась сейчас в ней с мягкостью Викуса, с его приверженностью решать все миром, с его стремлением к взаимопониманию. Вся эта вековая ненависть... и жертвы... и сомнения... и надежды — все это водоворотом кружило у нее в душе, пока она пыталась решить судьбу Подземья. Мир — или война. Сражение — или компромисс. Соловет — или Викус.

Такое решение когда-то разрушило жизнь Хэмнета. Лишило его разума, а потом заставило навсегда покинуть Регалию и через десять лет пасть в бою.

Наконец на лице Люксы появилась решимость.

— Никаких договоров не будет, — сказала она твердо. — Их слишком часто нарушали в прошлом.

От этих слов сердце у Грегора ушло в пятки. Но она, оказывается, еще не все сказала.

— Никаких договоров не будет! — повторила Люкса. — Я предлагаю

другое.

Она вышла вперед и подняла правую руку, протягивая ее Живоглуту. По толпе пронесся изумленный вздох — все поняли, что она имела в виду. Живоглот поначалу тоже был ошарашен, но быстро взял себя в руки:

— Породниться?

— Да. Породниться людям и крысам. Поклясться защищать друг друга до последней капли крови. Я предлагаю это. Ты готов пойти на такое? — спросила Люкса.

— Готов ли я? — переспросил Живоглот. — Да, я готов!

И положил свою лапу на руку Люксы.

Помедлив, Люкса начала:

Живоглот, грызун, отныне мы породнились с тобой.

Наши судьбы стали одной судьбой.

В темноте, и в бою, и в опасности, и в огне —

Я на помощь приду к тебе, ты — ко мне.

Ей вторил Живоглот:

Люкса, человек, отныне мы породнились с тобой.

Наши судьбы стали одной судьбой.

В темноте, и в бою, и в опасности, и в огне —

Я на помощь приду к тебе, ты — ко мне.

После торжественной клятвы крыс потянулся всем телом и невинно спросил:

— Может быть, устроим праздник? Пир?

— Делайте, как он говорит! — велела Люкса, и стадион зашумел и заходил ходуном от восторга.

— Твой дедушка будет гордиться тобой, — сказал Живоглот Люксе, а она ответила:

— Да уж. А моя бабушка, наверно, в гробу перевернулась.

— Она всегда была слишком жесткой, — вмешалась Аврора.

Люкса обвила руками ее шею, а летучая мышь нежно обняла ее своими крыльями.

— Это было самое мудрое и лучшее решение, — сказала Аврора.

— Если ты и правда так думаешь — меня это успокаивает, —

призналась Люкса.

— А как насчет меня? — жалобно спросил Живоглот. — Разве я не заслужил объятий?

— Ух, да ты кишишь инфекциями! Тебе бы в больницу, — сказала Люкса. — А потом, полагаю, нам придется встретиться и официально оформить то, что принес нам сегодняшний исторический день.

Живоглот вздохнул:

— Да, я тоже так полагаю. Нам и правда нужно закончить начатое. Что если с каждой стороны будет делегация из четырех участников?

— Почему нет? — Люкса кивнула. — Четверо ничуть не глупее десятерых. И ничуть не умнее. Незачем собирать во дворце толпу.

Живоглот рассмеялся:

— Знаешь, я думаю, мы с тобой сработаемся!

— И ты, Наземный, — повернулась Люкса к Грегору. — Ты тоже отправляйся в больницу — ты поранился.

— Ну да... я как-никак убил сам себя, — с улыбкой сказал Грегор.

— Мы не оставили тебе выбора, — признала Люкса. — Давай, иди. Я провожу вас обоих — не могу лишиться себя удовольствия самой рассказать Викусу о том, что произошло. Мне нужно, чтобы хоть кто-нибудь из людей одобрил мое решение.

— Вообще один такой, который одобрил, у тебя уже есть, — возразил Грегор.

Он подобрал обломки меча, и все вместе они направились в больницу.

Когда входили в Регалию, Люкса сказала:

— Тебе нужно было сделать царапину поглубже, Живоглот. От нее скоро вообще не останется следа, шрама и в помине не будет — как тогда быть с Миротворцем?

Грегор расхохотался, а Живоглот сделал непроницаемую морду:

— Не понимаю, о чем ты, — произнес он важно, но глаза его лукаво улыбались.

— И никаких острогубцев у границ тоже нет, — заметил Грегор.

— Ну, они вполне могут там быть, — возразил Живоглот. — Потому что это и их границы тоже. И вообще — хочу заметить, с вашей стороны непочтительно выражать недоверие моим словам. Тем более что вы мои новые родственники.

— Я знала, что ты начнешь этим пользоваться, — усмехнулась Люкса.

Крыс не снизошел до ответа.

Люкса и Живоглот хотели посоветоваться, но Грегор предложил сначала

увидеться с Викусом.

Старик сидел в постели, опираясь на подушки. Правая его сторона была парализована и неподвижна, но левый глаз его сиял, и он поднял левую, здоровую руку в приветствии, увидев входивших Люксу и Грегора.

— Викус, привет! Как поживаешь?

Викус еще не очень хорошо говорил, поэтому ответить не смог.

— Слушай, я хотел вернуть тебе кое-что.

Грегор положил обломки меча Сандвича на кровать. Викус вопросительно поднял бровь.

— Люкса и Живоглот пытались склонить меня к новой войне, на этот раз друг против друга. Поэтому я больше не Воин. Я убил в себе воина.

На лице Викуса появилась тревога.

— Не волнуйся, — сказала Люкса. — Живоглот жив, и он возглавил крыс, но новой войны не будет. А ты, Грегор, не хочешь забрать меч себе? Сохранить его на память?

— Нет, спасибо. Я и так помню слишком много — больше, чем хотел бы и чем могу вынести. — Грегор отцепил кинжал от пояса и положил рядом с мечом. — И потом — моя мама не разрешает мне даже карманный ножик, — добавил он.

Викус ответил ему полуулыбкой. С огромным трудом он выдавил из себя слово. Оно было еле слышным, почти неразличимым, но Грегор был уверен, что понял правильно то, что хотел сказать Викус:

— Надежда? — переспросил мальчик. Старик закивал и ткнул в направлении груди Грегора. — Я даю тебе надежду? — Викус снова кивнул. — Что ж... Ты еще не слышал, что сделала Люкса.

Грегор наклонился и поцеловал Викуса в щеку:

— Береги себя, Викус.

Грегор вышел из палаты, чтобы Люкса могла рассказать Викусу, что произошло на стадионе, с глазу на глаз.

И потом — кровь из ладоней все еще шла, и он все вокруг закапал.

Лиззи и Живоглота Грегор обнаружил в одной из палат госпиталя. Целая команда докторов обрабатывала спину крыса, фиксировала его поврежденную ногу, промывала раны, полученные от клещей. Удивительное дело: Живоглот, которому пришлось вынести так много тяжелейших испытаний, всеми этими манипуляциями был не на шутку встревожен и испуган. Хотя, пожалуй, он был бы встревожен и испуган гораздо больше, если бы рядом не было Лиззи, — она действовала на него успокаивающе.

К тому времени когда Говард перевязал Грегору ладони, встреча

делегаций почти началась. Лиззи не хотела расставаться с Живоглотом, и Грегор пошел с ними, чтобы приглядывать за ней.

Все собрались в просторном зале с большим круглым столом посередине. Грегор и Лиззи сели у стены, а по четыре представителя от разных народов: люди, крысы, летучие мыши, тараканы, зубастики, пауки и кроты-каменееды расселись вокруг стола. Всего их было двадцать восемь, но никто не сомневался, что солировать за этим столом будут Живоглот и Люкса.

У них, только что породнившихся, было слишком много разногласий. Они не могли сойтись ни в чем: ни в вопросах передела земель, ни в вопросах реституций, ни в вопросах военного влияния и контроля. Другие участники совещания тоже стали подавать голос, и вскоре разговор перешел из обсуждения вопросов будущего устройства мира в Подземье во взаимные упреки и перечисление убытков и злодейств, которые одни творили по отношению к другим. Казалось, уже вот-вот начнется рукопашная, но тут Живоглот вскочил на стол и заорал:

— Никто не должен чувствовать себя главным! Здесь нет главных — в этой комнате все равны! Мы все причинили друг другу неисчислимые бедствия и очень много боли! Давайте признаем это — иначе мы не сможем двигаться дальше, а скатимся в прошлое!

— Это прямо как в пророчестве, — вмешался Грегор. — «Время вспять пойдет».

— Заткнись! — рявкнул на него Живоглот и сполз со стола.

Никто не знал, как дальше вести разговор.

Тут неожиданно для всех заговорила Лиззи:

— У меня есть идея.

Вообще-то права голоса она не имела — но все с уважением относились к членам команды дешифровщиков, а особенно к той, что смогла взломать Код Когтя.

— Что ж, Лиззи, мы все с интересом выслушаем тебя, — осторожно ответила Хирония.

— Я думаю, вас слишком много. Я думаю, от каждой группы нужно оставить одного представителя. — Лиззи облизнула губы. — И этого одного делегата должны выбирать представители других народов.

Последовала долгая пауза, во время которой все обдумывали услышанное. Разумеется, всем понравилась мысль о том, что они будут выбирать делегатов от других народов. Но вот то, что делегата от их народа буду выбирать другие...

— Мы зашли в тупик. Думаю, нам ничего не остается, как

попробовать сделать так, как предлагает Лиззи, — сказала наконец Люкса.

— Что ж, тогда я, во всей видимости, выбываю из переговоров? — Живоглот метнул в сторону Лиззи гневный взгляд.

— О, перестань дуться! Не думаю, что мне тоже предложат остаться, — пробурчала Люкса.

— Ну, вообще-то я бы не проголосовал ни за кого из вас, — вставил Грегор.

Они оба наградили его уничтожающими взглядами. Наконец делегаты были выбраны: в семерку вошли Марет, Найк, Темп, Хирония, Коготок, Рефлекс и крот, имени которого никто не мог выговорить.

— Смотрите, какой неожиданный выбор, — сказал Грегор, когда вместе с невыбранными выходил из комнаты. — Самые достойные.

— Самые слабые, ты хотел сказать, — недовольно буркнул паук, с которым Грегор не был знаком.

Грегор оглянулся и посмотрел на оставшихся.

— Нет, — возразил он. — В этой комнате не осталось ни одного слабака. Удачи вам! — Он взял Лиззи за руку. — Отличная идея, Лиззи! Как тебе пришло это в голову?

— Это что-то вроде той логической задачи с сыром, помнишь? Только как будто ты находишься внутри нее. Есть один кусок сыра и семь существ, которым надо его разделить. И весь фокус в том, что надо определить, кто разделит его лучше всех, — ответила Лиззи. А потом добавила с несчастным видом, опустив голову: — Только вот теперь Живоглот на меня сердится.

— Совсем наоборот, — сказал Живоглот и дернул ее за косичку. — Живоглот, конечно, ужасно оскорблен тем, что никто за него не проголосовал, но в то же время страшно доволен, что он может прямо сейчас отправиться на пир. — Он протянул Лиззи руку. — На самом деле все просто идеально. Они придут с уже готовым планом. Этот план не понравится никому. Все будут чувствовать себя обиженными — но в то же время будут радоваться, что соседи обижены не меньше. И в этом заключается суть компромисса. А теперь — отправляемся угощаться. И будем делать это очень долго!

Грегор и Люкса задержались в коридоре, дав дорогу спешившим на пир.

— А ты... что будешь делать? — спросила Люкса.

— Мама хочет, чтобы мы улетели сегодня. Может, уже через несколько часов, — ответил Грегор. — Папе удалось убедить ее, что нам нужно остаться до церемонии капитуляции. Но теперь она хочет ехать в

Вирджинию как можно скорее.

Они взяли на кухне корзину с едой, и Аврора отнесла их за пределы Регалии, в секретную пещеру Ареса. Там она принялась летать над озером, оставив их наедине.

— Наконец-то нам удалось организовать себе пикник, — улыбнулась Люкса.

— Ага, — кивнул Грегор.

Но есть они не могли. Просто сидели, обнявшись и прижавшись друг к другу.

— А где это — Вирджиния? — спросила Люкса.

— Очень, очень далеко от Нью-Йорка. Сотни и сотни миль отсюда, — ответил Грегор.

— Значит, мы никогда больше не увидимся, — произнесла Люкса.

Грегор вдруг подумал, что Сандвич мог написать еще хотя бы парочку пророчеств о Воине. Что ему, жалко?

— Наверное. Может, будем хотя бы переписываться?

— А ты рад тому, что возвращаешься домой?

— Нет, — без колебаний сказал Грегор. — Я даже думать не хочу об этом. К тому же Вирджиния — не мой дом, это просто место, где я несколько раз бывал.

— Тебе будет легче. Здесь все постоянно будут говорить о тебе. А там, в Наземье, никто, кроме твоей семьи, даже имени моего не знают, даже не подозревают о моем существовании. А члены твоей семьи наверняка не захотят, чтобы ты вспоминал о своем пребывании здесь. Тебе будет просто меня забыть, — вздохнула Люкса.

— Никогда, — ответил Грегор. — Я никогда не смогу забыть тебя, как бы ни пытался. — Ему больше не требовалось усилий, чтобы сказать заветные слова: — Я люблю тебя.

— И я тебя люблю, — прозвучало в ответ.

Больше они ничего друг другу не сказали.

Тик-так, тик-так, тик-так, тик-так...

Сколько прошло времени, они не знали. В Регалии затрубили в рог.

Вернулась Аврора:

— Нас зовут, — просто сказала она.

Грегор не мог поверить, что все происходит на самом деле.

Короткий полет. Его семья уже ждет его на пристани, готовая к отправлению. Нехитрые пожитки уже заботливо упакованы в рюкзак. Прощальные объятия, и только Босоножка говорит: «Скоро увидимся!» — целуя и обнимая Темпа...

Живоглот улучил минутку и дал Грегору последний совет — как яростник яростнику:

— Следи за собой. Эта штука с яростничеством... Она не может волшебным образом взять и испариться. Это часть тебя. Но ты можешь держать ее под контролем. Ты достаточно убивал — поэтому сделаешь это не задумываясь. Значит, тебе всегда нужно помнить: потерять голову гораздо проще, чем сохранить.

Эти слова заставили Грегора похолодеть.

— Я буду помнить, — сказал он. Ему нужно всегда помнить об этом. Иначе — кто знает, что может произойти. — Беги как река, Живоглот, — пожелал он крысу.

— Высокого тебе полета, Грегор Наземный, — ответил Живоглот.

И сразу переключил свое внимание на Лиззи, которая уже заливалась слезами.

Найк и Аврора перенесли всю его семью и Люксу через Водный путь и приземлились у лестницы, ведущей наверх, в Центральный парк. Грегор попрощался с летучими мышами, а потом взял Люксу за руку и держал все время, пока папа отодвигал камень, закрывавший проход наверх.

В дыру ворвался прохладный ночной воздух.

— Пойдем, посмотришь. Хотя бы на секундочку, — позвал Грегор.

Но Люкса только высунула из люка голову и плечи. Вокруг была ночь. На небе горело несколько звезд, а луна была просто волшебная.

— Вот тут я и буду вспоминать о тебе, — сказала Люкса. — И ты знаешь, где меня найти.

Грегор поцеловал ее на прощанье и вылез наверх, в парк. А потом отошел на пару шагов, и они не отрывали глаз друг от друга, пока папа не поставил на место тяжелый камень, разлучая их навсегда.

ГЛАВА 27

Было поздно. На приборной панели такси часы показывали два пятнадцать. Водителя, усталого, необщительного, казалось, совершенно не интересовало, что делало это странное семейство в Центральном парке в такое время суток.

Они подъехали к дому. Лифт не работал, пришлось пешком подняться по лестнице. Мама вынуждена была отдыхать на каждом пролете. Наконец папа протянул Грегору ключи и велел вести девочек вперед.

Когда Грегор отпер дверь, он поразился, каким маленьким и невзрачным выглядит их жилище. Они с Лиззи устало опустились на корточки в углу, а Босоножка с ходу перевернула плетеную корзину с пластиковыми животными и начала вытраивать их как на параде. Наткнувшись на подаренную ей в прошлом году на Хэллоуин черную летучую мышь, она подняла игрушку вверх и радостно завопила:

— Смотрите! Арес!

Грегор не смог выдавить из себя ни слова, а она размахивала игрушкой над головой, изображая, что она летает.

Родители добрались до квартиры минут через десять. И даже совершенно обессиленная трудным перелетом и подъемом мама первым делом направилась в комнату бабушки — навестить ее и узнать, как у нее дела. Грегор вспомнил, что мама не знает о том, что бабушки здесь нет, — папа не решился сообщить ей печальные вести.

— Ее сердце, Грейс. Она в больнице. Мы завтра же навестим ее, — тихо сказал папа, когда мама с растерянным лицом вышла из бабушкиной комнаты.

Все молча разошлись спать. Грегор даже не стал переодеваться в пижаму. Он просто стянул с себя подземную одежду и юркнул под одеяло — оно пахло знакомо и уютно. С улицы слышался автомобильный гудок... Музыка из проезжающей машины... Загудели трубы в туалете...

Привычные, знакомые звуки Нью-Йорка убаюкивали Грегора...

Туннель был темный. Фонарик погас, поэтому Грегору ничего не оставалось, кроме эхолокации. Какая все-таки глупость — идти этим путем! Живоглот говорил ему, но он не послушал. И вот теперь они его нашли. Он бежал, на ходу раскидывая крыс мечом, и брызги крови летели в разные стороны, он сам был весь испачкан крысиной кровью. Но тут что-то случилось с его мечом: он стал трястись и дрожать в его руке. Грегор

попытался снова бежать — но пол уходил из-под ног, и вот он уже падает, падает, падает в черный бездонный колодец. Он кричит, зовет Ареса — но Ареса нет. И он уже видит, как с огромной скоростью приближается к острым скалам внизу, как они выставляют свои пики, ожидая, когда он напорется на них грудью...

Грегор сел на кровати, тяжело дыша, весь в поту, правой рукой держась за израненную грудь. Это его собственный крик разбудил его. Никто за ним не гнался. Никто не звал по имени. Крик остался там, во сне.

Кошмары с падением перестали мучить, когда в его жизни появился Арес. И вот они вернулись, с разъяренными, готовыми убивать крысами и кровью.

Внизу, под окнами, только начал просыпаться большой город. Грегор провел в постели всего несколько часов. Он понимал, что надо постараться снова уснуть — но кошмар был таким реальным...

Грегор откинулся на подушку и уставился на пробившийся в окно солнечный луч, пока тот не ударил его по глазам. Тогда Грегор распахнул окно и глубоко-глубоко, всей грудью вдохнул пахнувший свежестью воздух. Какой сегодня день недели? Какой сейчас месяц? Он понятия не имел. Он не был дома с той вечеринки, с дня рождения Газарда, а она была на излете лета. Сейчас воздух был холодный и похрустывал как при морозе.

Грегор вдруг почувствовал, что ему важно знать, сколько прошло времени, — чтобы вернуться в реальность. Календарь на кухне не поможет, но ведь есть телевизор! Правда, телевизор разбудит остальных. А еще можно пойти к почтовым ящикам и отогнуть уголок чьей-нибудь газеты, чтобы увидеть число.

Грегор откинул одеяло и замер как вкопанный: он впервые за долгое время видел свое тело в лучах солнечного света.

— Ни фиги себе, — только и смог он сказать.

Он знал, что в Подземье ему порядком досталось, но не придавал этому особого значения. Он давно перестал считать шрамы, которые украшали его с каждым новым визитом в Подземье все отчетливее: следы щупалец осьминога... следы плетущихся лоз, зубов, когтей... Теперь к ним добавились шрамы от лезвия меча Сандвича у него на ладонях — свежие, ведь он сломал меч всего день назад. Его кожа стала похожа на карту, путешествуя по которой можно было узнать обо всех ужасных событиях, которые с ним происходили.

Подземные дали ему с собой этой отвратительно воняющей рыбой мази. Вдруг поможет. Но некоторые шрамы точно останутся. Например вот этот — на груди, где отпечаталась пятерня Мортоса, где тот прорвал ему

грудную клетку... Как он сможет объяснить это другим? Что попал в автомобильную аварию? Упал из открытого окна? Боролся с тигром?

Если он не сможет придумать объяснение — значит, придется прятаться. Забыть о пляже, о занятиях гимнастикой. К врачам обращаться только в крайнем случае, когда существует прямая угроза жизни: врач никогда не поверит в выдуманную Грегором версию, какой бы правдоподобной она ни была, а говорить правду в его планы не входило.

Грегор надел рубашку с длинным рукавом и штаны — все это стало ему коротко. Он, видимо, изрядно подрос за... за то время, что был внизу. Надев носки, обул единственную пару обуви, что была у него в Наземье — туфли, приобретенные к весеннему концерту. Пальцы ног упирались в носы туфель, и вид у него был дурацкий — туфли вовсе не подходили к остальному наряду. Он был бы счастлив надеть подаренные миссис Кормацки кроссовки, но они, увы, уже развалились.

Грегор хотел выскользнуть незаметно, но когда проходил мимо квартиры миссис Кормацки, дверь отворилась — соседка всегда вставала очень рано.

— Ты стал еще хуже, — констатировала она, окидывая его внимательным взглядом — с ног до головы. — И штаны тебе коротки. Как насчет французского тоста?

Грегор прошел вслед за ней на кухню и сел за стол, глядя, как она готовит завтрак.

Она рассказала ему, как дела у бабушки:

— Вообще-то дела у нее не так чтобы хороши, Грегор. Она в реанимации, в палате интенсивной терапии. И если твоя мама все еще носит с этой странной идеей переезда в Вирджинию — вряд ли у вас получится перевезти бабушку туда.

Она положила Грегору на тарелку кусок багета, обжаренного в яйце, и рядышком уместила кусочек жареного бекона.

— Но я не знаю, как мы можем остаться, — возразил Грегор, поливая все сиропом. — Может, мама хочет забрать только нас, детей.

Хотя, конечно, это было бы ужасно — разлучать членов их семьи. Ведь они всегда держатся друг за друга.

— Может быть. Ну, а что с тобой интересного произошло, мистер? — спросила миссис Кормацки.

Грегор задумался о том, что с ним произошло за это время. О том, что он видел и делал.

Нет, он решительно не мог облечь все это в слова.

— Ты язык проглотил? — поинтересовалась миссис Кормацки. —

Впрочем, ладно. Можешь ничего не рассказывать, пока не появится желание. — Она окунула кусок бекона в сироп и принялась задумчиво жевать: — Знаешь, мистер Кормацци воевал. Он очень не любил об этом говорить. Я понимаю — это, должно быть, ужасно. У моего мужа бывали кошмары, и они мучили его до самой смерти.

— Меня тоже сегодня разбудил кошмар, — признался Грегор.

— Думаю, не последний, — покачала головой миссис Кормацци. — Хочешь сока?

И налила ему в стакан, не дожидаясь ответа.

— Это ведь как бывает. Ты растешь, и все детство слышишь, что надо быть добрым к другим людям, что причинять другим людям боль — это плохо, а потом тебя посылают на войну и требуют от тебя, чтобы ты убивал. Что в этот момент происходит у тебя в голове, а? Скажи на милость?

— Ничего хорошего, — буркнул Грегор.

— Ну ничего, все-таки все наладится, Грегор, — успокоила его миссис Кормацци.

— Не знаю, — с сомнением произнес он. — В моем сне я падал навстречу смерти. Не первый раз мне снится такой сон. Но сегодня я в первый раз достиг дна.

— Не беспокойся. Если ты и правда упадешь на дно — вокруг полно людей, которые помогут тебе подняться, — улыбнулась миссис Кормацци.

«Помогут мне подняться? — подумал Грегор. — Скорее поднимут мое бездыханное тело. Кому нужна помощь после падения на такие скалы...»

Да и вообще — даже если люди захотели бы помочь... В своих снах Грегор всегда был один. Он знал, что никто ему не поможет.

Пока он ел, миссис Кормацци нашла пару старых кроссовок, которые принадлежали одному из ее сыновей лет двенадцать тому назад. Конечно, они были далеко не новые и тоже не слишком подходили к одежде Грегора, но все же это было куда лучше, чем парадные туфли.

— Тебе нужна новая одежда в школу, — сказала миссис Кормацци.

— А школа уже началась? — спросил он.

— Несколько недель назад, — ответила она. — У нас тут середина октября, Грегор.

— Я не знал, — произнес он.

Утро он провел, приглядывая за сестрами, в то время как родители вместе с миссис Кормацци отправились навещать бабушку в больницу. Пока Лиззи и Босоножка завтракали, Грегор стоял у окна и наблюдал за тем, как соседские дети идут в школу. Он подумал о своих друзьях, Ларри и

Анджелине, и ему стало интересно, как они отнеслись к его исчезновению. Что они подумали — что он заболел? Или переехал? Какая-то часть его очень хотела поскорее увидеться с ними, а другая его часть так же сильно этого не хотела. Он слишком многое испытал, слишком сильно изменился — мысль о том, что надо возвращаться к прежней жизни и делать вид, что ничего не случилось, казалась ему невыносимой.

Родители вернулись к обеду. На маму визит к бабушке произвел ужасное впечатление.

Никто не мог сказать, когда бабушку выпишут — даже если дома у нее будет круглосуточный медицинский уход с сиделками и всевозможными процедурами.

— А я могу ее повидать? — спросил Грегор.

— Не сейчас, сынок. Может, попозже, когда ей станет лучше, — ответил папа.

— И что же нам теперь делать? — все-таки решился он спросить. — С Вирджинией?

— Не знаю, — сказал папа. — Мы еще подумаем.

— Я не хочу в Вирджинию! — вдруг заявила Лиззи, и все воззрились на нее в изумлении.

— Но ты же говорила, что хочешь! — произнесла наконец мама. — Ты первая побежала паковать вещи, когда я это предложила.

— А теперь я не хочу уезжать. Здесь наш дом. И я не хочу никуда убегать. — Лиззи покачала головой. — Живоглот говорит: если убегать от того, что тебя пугает, — оно тебя обязательно догонит.

— А ты, Грегор? — обратился к нему папа.

Грегор попытался представить себе их жизнь в Вирджинии. Потом попытался представить себе их жизнь здесь.

— Не имеет значения. Мне не важно, где мы будем жить, — сказал он наконец.

Что там, что здесь — одинаково ужасно. Он снял с крючка у двери свою куртку:

— Пойду прогуляюсь.

Грегор и сам не знал, куда идет, но пройдя несколько кварталов, вдруг понял, куда ему хочется попасть. Проверил карманы — тридцать пять долларов. Этого хватит с лихвой.

Он спустился в подземку и поехал к монастырю.

Ему нужно было увидеть каменного рыцаря, который помог ему пережить последние несколько недель. Вдруг он и сейчас поможет ему

разобраться в случившемся и найти во всем хоть какой-нибудь смысл.

День был холодный и солнечный. Деревья уже начали облетать. Но Грегор никак не мог отделаться от мыслей о том, другом мире, где солнца совсем не бывает, а деревья на вес золота. Мире, к которому, кажется, теперь принадлежал и он.

Что если он скажет родителям, что хочет вернуться в Подземье и остаться там навсегда? Там он не выглядит уродом. Там у него есть настоящие друзья. Там у него есть Люкса.

Нет, они никогда ему этого не позволят. Да и хочет ли он туда на самом деле? Грегор не знал.

Единственное, что он знал, — что здесь, в верхнем мире, который когда-то был его домом, он чувствует себя чужаком.

Женщина-кассир смотрела на него с подозрением, когда он подошел, чтобы купить билет. Что она видела перед собой? Какой-то мальчишка, в одежде не по размеру, один, в разгар школьного дня... И руки забинтованы. Грегор вдруг понял, что не помнит, когда последний раз подстригал волосы.

Он попытался оправдаться:

— Мне нужно делать доклад в школе. Задали написать работу о самом классном здании в Нью-Йорке, и я выбрал это. Может, у вас есть дополнительная информация, которая могла бы мне пригодиться?

Она смотрела все так же хмуро, но все же дала ему пару брошюр и не стала поднимать тревогу.

Внутри почти никого не было. Негромко звучал григорианский хор, создавая некоторую торжественность и в то же время немного успокаивая. Почему-то монастырь напомнил Грегору Подземье — такие же изображения странных животных, свитки, исписанные какими-то значками, каменные стены, полы, потолки. Пройдя пару залов, он дошел до склепа.

Рыцарь был точно такой, каким помнил его Грегор: он лежал у окна, скрестив руки на эфесе меча, безучастный и равнодушный ко всему вокруг. Грегор приехал сюда в надежде, что найдет утешение в этой каменной статуе. Но вдруг остро ощутил, что это больше не работает. Последние месяцы он провел в размышлениях о том, что ему предстоит умереть.

А ему нужно заново учиться жить. И рыцарь ему в том ничем не мог помочь.

Близился вечер, когда Грегор вернулся домой. Не успел он и шагу ступить в квартиру, как мама накинулась на него:

— Ради всего святого, где ты был?! Ты вообще знаешь, сколько ты отсутствовал? Мы все чуть с ума не сошли от беспокойства!

Она была так расстроена! И глаза у нее были красные.

— Простите, — сказал Грегор. — Я загулялся.

Папа положил руку ему на плечо:

— Ничего, все в порядке. Тебе надо заново привыкать к тому, что у тебя есть родители.

— Простите, — повторил Грегор.

Родители отправились в спальню разговаривать. Лиззи и Босоножка играли с пластиковыми животными на полу. Грегор взял пульт от телевизора и начал бездумно щелкать, переключая каналы. Оставил новости. Кто-то взорвал бомбу в супермаркете, погибли сорок пять человек. Тела разорваны на части, дым, рыдающие родственники. Следующий сюжет — беженцы, умирающие на шоссе, их выгнали из их домов солдаты противника. На экране появилось изображение солдат, жестоко избивающих ни в чем не повинных мирных жителей... Тут мамина рука отобрала у него пульт и выключила телевизор. Мама была очень грустная.

— Думаю, ты достаточно видел, Грегор.

Все это было так знакомо и привычно.

Мертвые тела, страх, отчаянье... Все это было здесь, в Наземье, всегда — но прежде он не придавал этому особого значения, даже почти не замечал. До недавних пор.

— Почему бы тебе не отвести сестер на площадку поиграть? — предложил папа. — Они сидят целый день в четырех стенах.

— Так мы едем в Вирджинию или остаемся? — спросила Лиззи настойчиво.

— Мы как раз решаем этот вопрос, — уклонился от ответа папа. — А вы, дети, идите, поиграйте на воздухе.

Когда они пришли на площадку, Босоножка тут же убежала строить из песка башню со знакомым маленьким мальчиком. Лиззи бродила в одиночестве, сунув руки в карманы куртки и глядя в землю, думая о чем-то своем, по всей видимости, не очень веселом.

Грегор сидел на лавочке. Он сегодня уже достаточно находился — все его раны ныли.

Выпуск новостей, который он посмотрел, заставил его задуматься. В данный момент он был в безопасности здесь, на детской площадке, а люди по всему миру страдали, голодали, спасались бегством, убивали друг друга в бесконечных войнах. Сколько сил они вкладывали в то, чтобы друг друга уничтожать! И как мало заботились о том, чтобы спасти других людей и помогать им. Изменится ли это когда-нибудь?

Он вспомнил, как рука Люксы лежала в лапе Живоглота. Вот что нужно на самом деле. Чтобы люди отказались от войны. Не от одной или

двух — от войны вообще. Чтобы люди решили, что война — недопустимое средство для решения проблем и урегулирования противоречий.

Человеческая раса Подземья пришла к этому решению сложным и извилистым путем, путем жертв и ошибок. И может статься, что у них ничего не получится. Но не исключено, что получится. Как говорит Викус, надежда умирает последней.

Пока хранишь в душе надежду — у тебя есть шанс все изменить. Потому что если задуматься — есть очень много причин попытаться сделать это.

Кто-то потянул его за куртку. Босоножка. Она подняла ручки вверх:

— На ручки! Хочу на ручки!

Грегор посадил Босоножку к себе на колени, укутав ее своей курткой. Она положила кудрявую головку ему на плечо, внимательно вглядываясь в его лицо.

— Тебе грустно, — сказала она.

— Немножко, — согласился Грегор.

— Ты скучаешь по ним, да?

— Да, скучаю, — ответил он. — Но зато у меня есть ты.

Он вспомнил все те ужасные моменты, когда думал, что потерял ее, и обнял сестренку еще крепче.

— Вот.

Босоножка сунула руку в карман и вытащила маленькую пластиковую фигурку летучей мыши.

— Возьми его себе, Грегор.

— Спасибо, — сказал Грегор.

Они сидели, обнявшись, и смотрели, как зажигаются уличные фонари.

И вдруг Грегор улыбнулся.

— Эй, Босоножка, — тихо сказал он. — Ты наконец-то правильно произнесла мое имя...